

ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(ОПЫТ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСТАНОВОК)

**ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛИЗАЦИИ
КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(ОПЫТ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСТАНОВОК)**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н.,
Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л.,
Уалиева С.К., Өмірзақ Т.Е.

**ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛИЗАЦИИ
КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(ОПЫТ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСТАНОВОК)**

МОНОГРАФИЯ

Усть-Каменогорск, 2023

УДК 316.614(574)

ББК 88.52(5Каз)

П 64

Утверждено к печати Ученым Советом
Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова
(протокол № 13 от «30» июня 2022 г.)

Рецензенты:

Айдарбаева Раушан Кайсановна, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Восточно-Казахстанского технического университета им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск;

Искакова Жулдызай Амангельдиновна, доктор PhD, старший преподаватель Евразийского национального университета имени Н.Гумилева, г. Нур-Султан.

П 64 Потенциал и проблемы социализации Казахской молодежи (опыт анализа социально-демографических установок) / Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н., Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л., Уалиева С.К., Өмірзақ Т.Е. - Усть-Каменогорск: издательство «Медиа-Альянс», 2023. - 277 с.

ISBN 978-601-314-650-8

Монография посвящена анализу результатов социализации молодежи суверенного Казахстана и их готовности создавать условия социализации следующего поколения казахстанцев. Материалы и выводы, представленные в монографии, могут быть использованы специалистами в области социально-гуманитарных наук, а также докторантами, магистрантами и студентами.

УДК 316.614(574)

ББК 88.52(5Каз)

ISBN 978-601-314-650-8

© Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н., Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л., Уалиева С.К., Өмірзақ Т.Е. 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Теоретико-методологические основы изучения процессов социализации молодежи: зарубежный и отечественный опыт	6
2. Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)	43
3. Репродуктивные установки городской молодежи Казахстана	136
4. Восприятие городской молодежью межэтнических браков на востоке Казахстана	238
Заключение	256
Список литературы	259
Список сокращений	274

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI века Казахстан стал одним из немногих государств евразийского пространства, где отмечается рост показателей рождаемости. Результатом этого процесса стало появление многочисленного молодого поколения, которое нуждается в социальных условиях, соответствующих новому, модернизированному уровню развития страны. Эти условия включают в себя не только показатели социально-экономического развития, определенную инфраструктуру здравоохранения и образования, общественно-политическую стабильность, но и предполагают новые параметры формирования личности и включения ее в социум. В процессе такой социализации казахстанская молодежь должна приобрести социальные черты и практические навыки, характерные для развитого гражданского общества. Сущность гражданского общества – его способность самостоятельно и ответственно решать весь комплекс социальных задач, постепенно уменьшая традиционные функции государства патерналистского типа.

Это как никогда актуально в современную эпоху постиндустриального развития. Более того, если в традиционных социальных системах акцент делался на воспроизводство уже накопленного опыта, а инновации с трудом пробивались в жизнь, наталкиваясь на значительное сопротивление, то с приближением к современной эпохе нарастание скорости устаревания опыта от поколения к поколению становится все более очевидным. Переход Казахстана на рельсы рыночной экономики, инновационно-индустриального развития и нацеленность на формирование социального государства остро ставят вопрос о необходимости пересмотра целей, содержания, форм социализации молодежи.

Диалектика процесса социализации заключается в том, что саморазвитие каждой личности в качестве составляющей социума выступает важнейшим условием формирования и развития социального капитала общества конкретных стран и мирового сообщества в целом. Таким образом, условия и результаты социализации казахстанской молодежи – это вопрос не только одной страны, но и всего макрорегиона Евразии. Данная монография посвящена соци-

ологическому анализу состояния ценностных систем, характерных для казахстанской молодежи, и тех жизненных установок, на которые она ориентируется. Особое внимание уделено репродуктивным установкам, так они в значительной степени отражают, насколько молодое поколение готово к созданию условий социализации уже для своих детей. То есть, предметом изучения выступает не только результат социализации первых десятилетий XXI века, но и перспективы социального развития страны в будущем.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Реализация важнейшей социальной задачи развития общества во все времена зависела от эффективности процесса социализации молодого поколения. Стратегическое, жизненно важное значение становления человеческой личности приобретает в условиях трансформирующегося общества, стремительного перехода от индустриальных к постиндустриальным формам социально-экономического развития. Чем сложнее система, тем дороже обходятся сбои в ее функционировании, то есть ошибки в выборе наиболее эффективных принципов и механизмов социального управления.

Теоретико-методологические основания разработки проблем социализации молодежи, представлены широким кругом как зарубежных, так и отечественных источников.

В первую очередь речь идет о трудах Э. Дюркгейма, положивших начало развитию социологии молодежи. Его классическая работа «Социология образования» и сегодня является отправной точкой для любого ученого, приступающего к изучению процессов социализации молодежи в современных условиях.¹ В этой работе Э. Дюркгейм определяет понятие воспитания как целенаправленной социализации (и далее использует эти слова как синонимы), выделяет ряд противоречий и обосновывает особую роль государства в создании благоприятных условий для формирования нового поколения.

Э. Эриксон, используя психоаналитический инструментарий, исследовал место и роль молодежи в социальной среде, ее реакции на изменение своего положения в общественном развитии.² Д. Белл,³ Р. Мертон,⁴ Э.Фромм,⁵ рассматривали структурные элементы

1. Дюркгейм Э. Социология образования. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 115 с.

2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: учебное пособие / Э.Эриксон, общ. ред. и предисловие А.В. Толстых; пер. с англ. А.Д. Андреевой. М.: Флинта, 2006. – 341 с.

3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Даниел Белл; Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. Грядущее постиндустриальное общество: – М.: Academia, 2004. – 783 с.

4. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон; [пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.]. – Москва: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с.

5. Фромм Э. Человек для самого себя; Революция надежды; Душа человека: [сборник:

молодежной среды, описывали социальный статус и социальные роли различных групп молодежи.

С. Иконникова¹ и И. Кон,² Л. Коган,³ К. Мангейм,⁴ М. Мид,⁵ исследовали социальные процессы в молодежной среде в аспекте феноменологии общечеловеческой культуры.

И. Бестужев-Лада,⁶ В. Лисовский,⁷ Ф.,⁸ В. Ядов⁹ сделали объектами своих исследований процессы профессионального становления студенческой молодежи в ходе образовательного процесса и различные модели социального развития молодежной среды.

Большое внимание методологическим основам и различным аспектам социализации молодежи, проблемам студенчества и демократизации образовательного процесса уделяется социологами и представителями других общественных наук Казахстана.

Теоретический и практический фундамент изучения процессов социализации молодого поколения был заложен великими казахскими просветителями И. Алтынсариним,¹⁰ А. Кунанбаевым,¹¹

перевод с англ., нем.] / Эрих Фромм. Человек для самого себя. – Москва: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 763 с.

6 Иконникова С.Н. Молодежь и культура / С. Н. Иконникова. Молодежь и культура. – М.: Знание, 1989. – 61 с.; Иконникова С.Н. На пороге гражданской зрелости. Об активной жизненной позиции современного молодого человека / С. Н. Иконникова, В. Т. Лисовский. На пороге гражданской зрелости. – Л.: Лениздат, 1982. – 175 с.

7 Кон И.С. Ребенок и общество: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по психол. и пед. специальностям. – М.:Academia, 2003. – 334 с.

3. Коган Л. Цель и смысл жизни человека [Текст] / Л.Н. Коган. – М., 1984. – 284 с.

4. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения: Пер. с англ. – М.: Наука, 1988. – 213 с.

10. Мангейм К. Избранное: Социология культуры. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 501 с.; Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений - состязательность - экон. амбиции / Карл Мангейм; [Пер. с англ. Е. Я. Додина]; Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. Очерки социологии знания. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – 162 с.

6. Бестужев-Лада И.В. Молодость и зрелость: размышление о некоторых социальных проблемах молодежи / И. В. Бестужев-Лада Молодость и зрелость. – М.: Политиздат., 1984. – 207 с.

12. Лисовский В.Т. Молодежь: Любовь, брак, семья: Социол. исслед. / В. Т. Лисовский; Отв. ред. А. А. Козлов. – СПб.: Наука, 2003. – 365 с.

8. Филиппов Ф.Р. Советское студенчество как общественная группа // Изменение социальной структуры социалистического общества. – М., 1976. - С. 23-31.

9. Ядов В.А. *Социальная идентичность личности*. – М., 1994. – 397 с.

10. Алтынсарин И. Избранное педагогическое наследие // И. Алтынсарина / НИИ пед. наук им. И. Алтынсарина; [Сост. С. Калиев и др.]. Алма-Ата: Рауан, 1991. – 196 с.

11. Абай (Ибрагим Кунанбаев). Слова назидания. Пер. с каз. С.Санбаева. – Алматы: Жалын, 1982. – 232 с.

Ч. Валихановым.¹ Они не только принесли в Великую степь идеи передовых европейских и российских мыслителей, но и чутко уловили наступление грядущей индустриальной эпохи, а с ней и изменение ценностно-нормативной базы, необходимой новому поколению для успешной социализации.

На современном этапе развития суверенного Казахстана проблема социализации молодежи приобретает новое звучание и привлекает большой научный интерес.

Среди имен казахстанских социологов, посвятивших свою деятельность изучению проблем молодежи и условий ее социализации необходимо отметить Г. Абдикерова,² Г. Абдирайымова,³ Р. Аралбаева,⁴ Р. Аязбекову,⁵ В. Бетуракина,⁶ З. Валитову,⁷

1. Валиханов Ч. Избранные произведения / Чокан Валиханов; [Редкол.: А. Х. Маргулан (отв. ред.) и др.; Предисл. А. Х. Маргулана]. – М.: Наука, 1986. – 413 с.

2. Абдикерова Г. О. Профессиональный потенциал выпускников вузов и молодых специалистов Казахстана: модели трудоустройства. Алматы, 2018. – 132 с.; Абдикерова Г. О., Дуйсенова С.М. Интеграция системы высшего образования и работодателей как важнейшее условие профессиональной мобильности выпускников вузов «Қазақ университеті», 2017. – 96 с.; Abdikerova G.O., Omarova A.T., Sadyrova M.S. Graduate training for professional advancement: the experience of the national vocational training system //3rd International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. Conference proceedings. Book 1. Volume III. - SGEM2016.Albena, Bulgaria. 2016; Абдикерова Г.О., Байтуов Б.К. Молодежь в социальной структуре казахстанского общества: социальное положение и проблемы. //Вестник КАЗНУ. Серия психологии и социологии. 2017. Том 3 № 62. //URL: <http://bulletin-psydoc.kaznu.kz/index.php/1-psy/article/view/558> (дата обращения: 05.08.2022).

3. Абдирайымова Г. Система ценностных ориентаций молодежи в современном казахстанском обществе: социологический анализ: автореф. д-ра социол. наук: 22.00.04. – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2006. – 40 с.; Абдирайымова Г.С., Серикжанова С.С. Профессиональный выбор и предпочтения на рынке труда выпускников вузов Казахстана // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2013.- № 2 (45). - С.69-76.; Абдирайымова Г.С. Социальное самочувствие молодежи: поиск проблемных зон. //Вестник КАЗНУ. Серия психологии и социологии. 2015. - Том 54. - № 3. - С. 92–98 //URL: <http://bulletin-psydoc.kaznu.kz/index.php/1-psy/article/view/161> (дата обращения: 19.08.2022); Алимбекова Г.Т., Абдирайымова Г.С. Ценностный портрет казахстанской молодежи: выбор, стратегии и предпочтения (некоторые итоги трех лет исследований) // Материалы Астанинского социологического форума. - Астана, 2015. - 622 с. С. 110–120.

4. Аралбаева Р. Методологические особенности развития образования на рубеже веков // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 42–46.

5. Аязбекова Р. Психологические аспекты совместной деятельности основных субъектов образовательного процесса // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 50–55.

6. Бетуракин В. Адаптация иностранного опыта в условиях глобализации высшего образования // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 70–74

7. Валитова З.Х., Есимова А.Б. Теоретические вопросы изучения перехода молодежи от

К. Габдуллину,¹ Г. Джамалиеву,² Ш. Джаманбалаеву,³ М. Какимжанову,⁴ Т. Калдыбаеву,⁵ Ж. Кендирбекову,⁶ К. Кусаинову,⁷ Р. Салыкжанова,⁸ А. Сатыбалдину,⁹ А. Тесленко,¹⁰ С. Туркпенову¹¹ и др. В контексте данного исследования чрезвычайную значимость

обучения к рынку труда // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2015. - № 1 (29). - С. 154–161.; Валитова З.Х., Есимова А.Б. Молодежь и рынок труда: переход от учебы к работе. // Материалы Астанинского социологического форума. - Астана. 2014. - 476 с.; Валитова З.Х., Есимова А.Б. Проблемы релевантности образовательных стратегии молодежи современному рынку труда // «Стратегия Казахстан - 2050»: социальное развитие общества: матер. V Конгресса социологов Казахстана. - Алматы. - 2014.-С.167-172.; Есимова А.Б., Валитова З. Х. Представления студенческой молодежи Казахстана о регионах страны (опыт использования ментальных карт) // Социологические исследования. 2018. № 4. - С. 36–42.

1. Габдуллина К. Г. Социология: учебник для студентов вузов / Габдуллина К. Г., Раисов Е. Р. – Алматы, 2005. – 202 с.; Габдуллина К., Раисов Е. Гражданское общество как тип социальной реальности // Саясат-Policy. – 2008. – № 5. – С. 84–88.; Габдуллина К.Г. Социология и социальная жизнь. – Алматы, 1996. – 203 с.

2. Джамалиева Г.Ж. Социальные ожидания молодежи Казахстана: социологический аспект: автореф. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Алматы: ВКГТУ, 2008. – 24 с.

3. Джаманбалаева Ш.Е. Общество и подросток: социологический аспект девиантного поведения. – Алматы: Казахский университет, 2002. – 314 с.

4. Какимжанова М. Социализация и социальная адаптация: общее и особенное // Саясат. – 2006. – № 12. – С. 40–44.

5. Калдыбаева Т. Ж. Политические и научно-практические предпосылки создания инновационных вузов в Республике Казахстан // Материалы III Межд. научн.-практ. конф. «Роль вузов в формировании инновационной экономики Республики Казахстан, 25–27 июня 2009 г. – Усть-Каменогорск: ВКГТУ, 2009. – С. 24–28.; Калдыбаева Т.Ж. Проблемы модернизации образования в Казахстане // Психология. Социология. Дефектология. – 2005. – № 4(3). – С. 4–8.

6. Кендирбекова Ж. Современные проблемы этносоциализации молодежи и возможные пути их решения // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. Астана, 2005. – 166–171.

7. Кусаинова К. Школьное самоуправление как показатель демократизации учебно-воспитательного процесса // Саясат. – 2006. - № 3. – С. 15–18.

8. Салыкжанов Р., Салыкжанова З. Социокультурная адаптация молодежи в условиях глобализации // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. Астана, 2005. – С. 229-233.; Салыкжанов Р.С., Джамангулов К.Э., и др. Социокультурная адаптация городской молодежи - Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2013. - 176 с.

9. Сатыбалдина А. Социокультурный статус детей, имеющих ограниченные возможности // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. Астана, 2005. – С. 236–241.

10. Тесленко А.Н. Культурная социализация молодежи: казахстанская модель [Текст]: монография / А. Н. Тесленко. – Саратов: Саратовский гос. технический ун-т. – Астана: ЦНТИ, 2007. – 370 с.; Тесленко А.Н. Политическая социализация студенческой молодежи. Монография / А. Н. Тесленко. – Кокшетау – Астана: ЦНТИ, 2015. – 204 с.

11. Туркпенова С. Социальная адаптация как способ профессионального самоутверждения молодежи // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. Астана, 2005. – С. 274–277.

представляет социологический анализ ценностных ориентаций современной казахстанской молодежи, предпринятый Г. Абдирайымовой.¹² Глубокий и всесторонний анализ социализации личности в современных условиях представлен в монографии Г. Абдикеровой «Социализация современной личности».¹³

На любом этапе развития человеческого общества процессы социализации подрастающего поколения оказывают определяющее влияние на будущее социума: «Историчность всякой индивидуальности, феномен созревания и взросления при объяснении того, что такое «общество», имеет ключевое значение».¹⁴ В то же время сам процесс социализации подвержен влиянию разнообразных социальных факторов – экономических, политических, культурных и т.д.

Таким образом, процесс приобщение нового поколения к социальной жизни, включение его в социум, носит диалектически противоречивый характер. С одной стороны, он является ответом на объективную общественную потребность и протекает независимо от степени осознания обществом этой потребности. С этой точки зрения невозможно представить человеческое общество, в котором процессы социализации полностью отсутствуют. Более того, в истории практически всех известных народов можно обнаружить практику специфического «социального экзамена», некий ритуал, подтверждающий, что представитель нового поколения овладел определенными знаниями и навыками, необходимыми для полноценной социальной жизни. Только с этого момента он наделялся всей полнотой социальных прав, объем и содержание которых зависел от уровня развития и особенностей данного социума, а также начинал нести полную социальную ответственность. Возможно, лишь на интуитивном уровне, но происходило осознание все большей значимости не биологического возраста, а социальной зрелости.

12. Абдирайымова Г. Ценностные ориентации современной молодежи. Социологический анализ: Монография. Алматы: из-во «БАЭР», 2005. – 328 с.

13. Абдикерова Г. Социализация современной личности. Казахский национальный университет имени Аль-Фараби. – Алматы: Казак университеті, 2005. – 281 с.

14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: учебное пособие / Э. Эриксон, общ. ред. и предисловие А.В. Толстых; пер. с англ. А.Д. Андреевой. М.: Флинта, 2006. – С.45.

С другой стороны, содержание процессов социализации, их качественное наполнение и количественные показатели, подвержены воздействию субъективных факторов. Эти факторы могут оптимизировать вхождение молодежи в социальное пространство и придать мощный прогрессивный импульс дальнейшему развитию социума. Например, качественные изменения в экономическом базисе практически повсеместно приводили к соответствующим изменениям в состоянии института образования. Либо, напротив, оказать негативное влияние и привести к таким последствиям, как ограничение доступа к образованию по этническому, гендерному, имущественному и другим признакам, а также способствовать распространению социальных стереотипов и нетерпимости. По точному наблюдению К. Мангейма «молодежь не прогрессивна, не консервативна по своей природе, она – потенция, готовая к любому начинанию».¹

В современном казахстанском обществе, переживающем этап всесторонней структурной модернизации, многое уже сегодня зависит от того, насколько эффективными и социально успешными будут процессы социализации молодежи. Социализация каждого нового поколения – это многоаспектный, многомерный, и часто противоречивый процесс. Но, особенно сложным он становится в условиях, когда меняется само положение молодежи в обществе, происходит кардинальная смена ценностных ориентиров, осуществляются значительные изменения и перестановки в иерархии общественных ценностей. Все более очевидной становится необходимость пересмотреть традиционные подходы к месту и роли различных общественных институтов, организационных форм и механизмов социализации.

К проблемам формирования личности лучшие умы человечества обращаются с глубокой древности. Великие мыслители античности (Демокрит, Платон, Аристотель и др.) не только говорили о проблемах воспитания молодежи, но и зачастую, в своих трудах прямо обращались к этой части общества.

Научная традиция изучения усвоения индивидом социальных

1. Мангейм К. Избранное: Социология культуры. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С.114.

норм, зародившаяся в античности, имела свою специфику. Такие мыслители древности, как Демокрит, Платон, Аристотель рассматривали социализацию личности преимущественно в рамках нравственно-правового, гражданственного аспекта. Высоко социализированная личность, в их представлении, – это преданный гражданин своего государства, исполняющий законы, поскольку соизмеряет их с собственными нравственными принципами. Если законы государства противоречат истине (в античном понимании) и принципам социальной справедливости, то и личность, социализированная в таких условиях, не может быть полностью развита, ее потенциал остается не раскрытым. Таким образом, понятия нравственной и правовой социализации отождествляются. Такие взгляды отражали идеализированное представление о государстве, характерное для ранних этапов его развития, ведь классическая античная демократия чрезвычайно далека от современных представлений об институте государства вообще и социальном государстве в частности.

На более поздних этапах, в европейской научной мысли начинают доминировать противоположные концепции социализации. В соответствии с взглядами Т. Гоббса социализация не может быть ничем иным, как отказом от индивидуальных нравственных принципов в пользу общественного договора, выраженного в форме правовых норм, законов государства.¹ То есть, социализация рассматривалась, прежде всего, как процесс, накладывающий ограничения на поведение индивида.

Более систематический, направленный характер интерес к процессам становления новых личностей приобретает в Эпоху Просвещения (Ж.-Ж. Руссо).² Это связано с новым этапом в развитии социального института образования, который должен был прийти в соответствие с потребностями нарождающегося индустриального общества и рыночной экономики.

Свое видение проблемы взаимосвязи различных сторон социализации предложил великий немецкий ученый-гуманист И. Кант.

1. Гоббс Т. Избранные сочинения. – М.-Л., 1926. – 326 с.

2. Руссо Ж.-Ж. Эмил, или О воспитании: пер. с фр. // Избранные произведения: в 3 т. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1961. – 491 с.

С его точки зрения общественные правопорядок и гражданское самосознание есть результат возрастания степени нравственности и личной свободы человека. То есть, главным результатом социализации должно стать свободное, личностно осмысленное, добровольное принятие человеком социальных норм на основе признания их разумности, личной и общественной целесообразности.¹

Начиная с XIX века, когда промышленная революция в странах Западной Европы приобретает необратимый характер, происходит бурное развитие всех направлений научного знания. И, хотя первые успехи в этом направлении фиксируются в области естественных и точных наук, уже в 40-е годы XIX века О. Конт публикует свой «Курс позитивной философии», который становится манифестом нового подхода к социально-гуманитарному знанию. Идеи позитивного знания в сфере социальных наук дают толчок к росту практического интереса в изучении общественных процессов в целом, и процессов социализации в частности.

С конца XIX века был выдвинут ряд фундаментальных концепций социализации, хотя и подвергшихся научной критике, но, во многом, не потерявших своего теоретического и практического значения и в наши дни. С этим временем связано и активное введение в оборот самого термина «социализация» - в работах Г. Тарда,² Ф.Г. Гиддингса.³ В частности, работа последнего, опубликованная еще 1897 году, уже носит название «Теория социализации».

В этот период оформляются два основных, противоречащих друг другу, подхода к пониманию процесса социализации:

1. Субъектно-объектный, утверждающий пассивную роль формирующейся личности;

2. Субъектно-субъектный, подчеркивающий активную роль самой социализируемой личности.⁴

В рамках социологической научной мысли пионером изуче-

1. Кант И. Метафизика нравов / Иммануил Кант; [пер. с нем., примеч. С.Я. Шейнман-Топштейн и Ц.Г. Арзаканьяна]. – Москва: Мир кн.: Литература, 2007. – 399 с.

2. Тард Г. Социальная логика. [Перевод]. – СПб.: Соц.-психол. центр, 1996. – 427 с.

3. Гиддингс Ф. Основания социологии: Анализ явлений ассоциации и социальной организации / [Соч.] Франклина Генри Гиддингса, проф. социологии в Колумб. ун-те г. Нью-Йорка; Пер. с англ. Н. Н. Спиридонова. – Москва: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К^о, 1898. – 418 с.

4. Кривов Ю.И., Воробьев В.П. Императивы современной теории социализации. – Пенза: Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2003. – 138 с.

ния целенаправленного воздействия на формирование личности подрастающего поколения, безусловно, является Эмиль Дюркгейм (1858–1917 гг.). По его мнению, социализация создает условия для достижения различных, порой противоречащих друг другу целей. С одной стороны, через социализацию индивид получает возможность реализовать личные интересы, с другой – общество формирует социальный заказ на определенные типы личностей, необходимые для решения актуальных на данном этапе развития социума общественно-значимых задач. Эта вторая сторона – пространство социологии. Э. Дюркгейм считал, что основная задача социологии образования заключается в определении условий, при которых личность и общество в процессе социализации достигают компромисса интересов на условиях примата общественных интересов.¹

Однако, уже в начале XX века появляются и другие трактовки понятия социализация и закладываются основы второго – субъектно-субъектного подхода.

Его представителями становятся У. Томас и Ф. Знанецки, которые в 1918 году предложили принцип, в соответствии с которым феномен личности является синтезом социального воздействия и особенностей индивида.² Они становятся создателями получившей широкое распространение концепции «человеческого фактора». В отличие от Э. Дюркгейма, утверждавшего внешний характер воздействия социальных фактов на личность, эта концепция рассматривает социальные факты, как «принадлежащие» конкретным людям. Следовательно, любой участник процесса социализации, независимо от того, по какую сторону этого процесса он находится, является соактором и соавтором, то есть субъектом. На протяжении XX века такой взгляд на социализацию не только занимает свое место в социологической и педагогической науке, но и, постепенно, начинает доминировать, находя подтверждение в эмпирических, в первую очередь социологических исследованиях.

В 20-е годы XX века молодежь, как самостоятельная социальная группа со своими специфическими характеристика, местом и

1 Дюркгейм Э. Социология образования. – М.: Директ-Медиа, 2007. – С.17.

2. Томас У., Знанецки Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты. – М., 1996. - 346 с.

ролью в социуме, становится объектом изучения группы ученых Чикагского университета во главе с Д. Истоном.¹ Ими была разработана классическая теория политической социализации, сущность которой может быть представлена следующим тезисом: усвоение новым поколением в процессе социализации определенных социокультурных ценностей, представлений о властных отношениях в социуме, приобщение к традициям политического поведения и участия ведет к формированию у личности способностей адаптироваться к конкретной политической системе и выполнять в ней определенные социально-политические роли. При этом подчеркивалось, что главное в процессе политической социализации - обучение индивида конкретным ролям, которые ему предписано выполнять в общественно-политической сфере. Таким образом, в данной трактовке личность рассматривается как объект научения готовым моделям политического поведения.

Непосредственными приемниками Д. Истона и последователями субъектно-объектного подхода к проблеме социализации в XX веке становятся представители школы структурного функционализма, прежде всего Т. Парсонс, Л. Коэн, Р. Липтон и др. В соответствие со взглядами Т. Парсонса,² в основе процесса социализации лежит «генетически данная пластичность человеческого организма и его способность к обучению», а универсальной задачей всех институтов социализации является, как минимум, формирование конформности, и, как максимум, чувства преданности социальной системе у нового поколения. С этой точки зрения, социализация успешна, если формирует личность, идеально соответствующую некой социальной роли в сложившейся социальной структуре, и способную функционировать, никогда не выходя за рамки этой структуры. Следовательно, с точки зрения сторонников структурно-функционального подхода, любая социальная система стремится, прежде всего, к стабильному самовоспроизводству, и социализация позволяет достичь этой цели благодаря жесткому закреплению возрастных социальных ролей. Такая социально-возрастная дифференциация вы-

1. Истон Д., Денис Дж. Дети в политической системе: основа политической законности // ВМУ. – Сер. 18. – 2001. – №3. – С. 23–38.

2. Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Акад. Проект, 2002. – 830 с.

ражается, с одной стороны, в обязательном требовании к тем, кто достиг определенного возраста, изменять модели поведения, которые считались приемлемыми ранее. С другой стороны, в рамках данной концепции, молодежь не может и не должна претендовать на так называемые «взрослые роли». Этот подход резко ограничивает возможности молодежи принять участие в качестве активного субъекта в процессах управления не только социумом в целом, но и собственной жизнью в частности.

В пространстве русскоязычной социологической науки влияние структурно-функционального подхода можно выделить в работах В. Васильева,¹ С. Григорьева,² В. Лисовского,³ В. Мансурова,⁴ Б. Рубина и Ю. Колесникова,⁵ Н. Староверова,⁶ Ф. Филиппова,⁷ С. Фролова⁸ и других.

Схожая трактовка процессов социализации характерна и для представителей бихевиористской теории: личность вознаграждается обществом за поведение, соответствующее его социальным стандартам и нормам, и карается за их нарушение. То есть, по мнению таких видных социологов, как Дж. Хоманс, социализация есть ничто иное, как процесс социальной «дрессировки» с помощью позитивных или негативных стимулов.⁹ Усвоенные таким образом образцы поведения личность продолжает реализовывать в повседневной социальной практике.

1. Васильев А. Ценностные установки молодежи // Человек и труд. – 1994. – №6. – С.15-17.
2. Григорьев С.И. Социальная работа с молодежью: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социальная работа». – Москва: Гардарики, 2008. – 204 с.
3. Лисовский В.Т. Молодежь: Любовь, брак, семья: Социол. исслед. – СПб.: Наука, 2003. – 365 с.
4. Мансуров В.А. Молодежь как объект исследования социологов // Социологические исследования. – 1983. – №1. – С. 36–42.
5. Рубин Б., Колесников Ю. Студент глазами социолога. – М., 1980. – 87 с.
6. Староверова И.Н. Молодежная результирующая российских реформ // Аналитический вестник №15 (103) / Молодежь в условиях социально-экономической трансформации российского общества. – М., 1999. – 48 с.
7. Филиппов Ф.Р. Советское студенчество как общественная группа // Изменение социальной структуры социалистического общества. – М., 1976. – С. 137–139.
8. Фролов С.С. Социология. Учебник. Для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1994. – 256 с.
9. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 321–328.

Напрашивается вывод, что в понимании сторонников этих теорий процессы социализации – суть воздействие некой абстрактной общественной доминанты на пассивного индивида, а личность – лишь конформный продукт этого процесса.

Но, даже в условиях традиционного социума, конформизм не всегда был одобряем. Более того, история знает бесконечное число примеров, когда новаторство не только не было наказуемым, но и поощрялось обществом (правда, прежде всего, это относится к элитарному меньшинству, на которое возлагалась ответственность за принятие социально-значимых решений).

В условиях же индустриального развития, когда способность к инновационному мышлению и действию из разряда девиантного поведения (Р. Мертон)¹ все чаще переходит в разряд обязательного требования к подрастающему поколению, все больший интерес привлекают к себе идеи сторонников второго, субъектно-субъектного направления.

В первую очередь к ним относятся представители школы символического интеракционизма. Наиболее яркие имена сторонников этой позиции Дж. Г. Мид,² Ч. Кули,³ Г. Блумер и И. Гофман⁴ и др.

Если с точки зрения «традиционной» социологии социализация есть процесс механического усвоения всего, что необходимо индивиду для выживания и удовлетворения постоянно растущих социальных потребностей, то с позиции интеракционистов, социализация – это не просто однонаправленный процесс усвоения социальной информации, но и динамический процесс создания, формирования и приспособления этой информации к своим потребностям.

Более того, социализация рассматривается как специфическая и фундаментальная форма интеракции, в ходе которой индивид не

1. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон; [пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.]. – Москва: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с.

2. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. – 556 с.

3. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 327 с.

4. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С.264-280.

только приобретает готовые, но и сам создает новые навыки для различных форм социального взаимодействия.

В соответствии с взглядами сторонников символического интеракционизма, все, что есть в нас истинно человеческого, происходит из общества. А конкретно, возникает благодаря интеракциям (взаимодействиям) с другими людьми. В процессе социализации приобретается не только содержание знаний, но и сама способность обучаться, изменяться, адаптироваться и модернизироваться. Хотя и Т. Парсонс признает, что социализация – это «опыт длиною в жизнь», интеракционисты делают акцент на том, что большую часть этого процесса составляют неформализованные, часто не подконтрольные (в силу их неосознаваемости самими агентами социализации) факторы. Этот вывод лишает традиционные специализированные институты социализации монопольного права на формирование личности и делает невозможным тотальный контроль с их стороны. Такой взгляд на проблему позволяет усилить диалектическую составляющую в методологии изучения процессов социализации, как особых форм социального взаимодействия.

Ключевым в понимании этого взгляда становится принцип субъектности социализируемой личности. Именно субъектность объясняет способность к инновационному мышлению и креативному социальному действию, которые мы можем наблюдать в каждом новом поколении. То есть, социализация – это процесс, не только обеспечивающий социуму стабильность, но и позволяющий ему прогрессировать за счет более глубокого раскрытия социального потенциала.

Общие вопросы социализации личности нашли свое отражение в работах Г. Андреевской,¹ А. Ковалевой и В. Лукова.² По их мнению, социализация – это процесс усвоения индивидом социального опыта, определенной системы социальных ролей и культуры. Эти работы продолжают научную линию субъектно-субъектного подхода, так как в них личность рассматривается не как пассивный объект социального воздействия, но как активный творец и участник

1. Андреевская М.В. Проблемы социализации личности // Социальные исследования. Вып. 3. – М., 1970. – С.27-30.

2. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи – М., «Социум», 1999. – 325 с.

общественных отношений. Явное указание на определенную автономность индивида в процессе социализации является важным для настоящего исследования и в методологическом, и в праксеологическом плане. Данный аспект характерен именно для современного социологического подхода к анализу процессов социализации, которые рассматриваются как двустороннее взаимодействие, где обе стороны (социализирующаяся личность и социализирующие институты и агенты) проявляют себя в качестве активных начал.

Кроме того, признается, что формирование личности происходит не только под воздействием специализированных, формальных социальных институтов, но и в результате неформального влияния со стороны непосредственного социального окружения (групп, к которым личность принадлежит, с которыми себя идентифицирует или с которыми находится в контакте).

Не так давно в социологии появилось понятие обратной социализации, когда более молодое поколение оказывает значительное ресоциализирующее воздействие на старшее поколение.¹ То есть, не только старшие учат младших, но и сами учатся у них. Для этого процесса в современных обществах есть, как минимум, две значительные предпосылки.

Во-первых, инновационный, модернизирующий характер постиндустриального развития, когда теоретические знания и практические навыки, необходимые для успешного функционирования в социальном пространстве, подвержены чрезвычайно быстрым изменениям. Молодежь, в силу ее открытости и большей гибкости, лучше адаптируется к этим переменам. Во-вторых, невероятно возросшая роль средств массовой информации, которые, в значительной степени, ориентированы именно на молодежь. В результате воздействия этих факторов обыденной практикой становятся ситуации, когда дети обучают родителей обращению с техническими новинками и цифровым технологиям, работе в Интернете, помогают им подобрать гардероб или обустроить интерьер квартиры, исходя из эстетических представлений, свойственных именно молодежи. Более того, старшее поколение уже в значительной степе-

1. Масионис Дж. Социология. – 9-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – С.170-194.

ни смирилось и приняло это явление как данность. Этот социальный феномен является еще одним аргументом в пользу пересмотра классических субъектно-объектных представлений о процессах социализации молодежи и настоятельно требует переосмыслить степень активности и субъектности социализируемого поколения.

Однако, направленность изучения процессов социализации не ограничивается только определением его сущности, форм его протекания, определением позиций, социализирующих и социализируемых. Большое внимание также уделяется противоречиям, нарушениям, сбоям в этих процессах, поискам причин неудачной, неполной социализации и путей их преодоления. Значительный вклад в развитие научных представлений о «проблемной» социализации в обществах индустриального типа внес выдающийся американский социолог Р. Мертон. Он переосмыслил введенное в социологический оборот Э. Дюркгеймом понятие аномии и исследовал его в условиях современного ему индустриально развитого американского общества.

На этапе постиндустриальной трансформации социума и развития рыночных отношений, явление социальной дезорганизации, описанное Р. Мертоном, становится реальностью и в казахстанском обществе. Перед молодежью возникает образ социального успеха, который сводится к достижению материального благополучия. В то же время общество декларирует и желательные, одобряемые способы достижения этой цели – качественное образование и профессиональная карьера. Но, по целому ряду причин происходит разрыв между целями и средствами их достижения.

Во-первых, социально-имущественное расслоение и его отражение в различиях уровня качества подготовки в общеобразовательных школах (элитные и массовые, городские и сельские) ограничивают реальные шансы значительной части молодежи получить бесплатное качественное высшее образование на основе грантов, необходимое для дальнейшего профессионального и карьерного роста. А в результате социально-имущественного расслоения значительная часть выпускников общеобразовательных школ не могут рассчитывать на получение платного образования.

Во-вторых, такие проявления социальных болезней, как кор-

рупция, nepoтизм, клановость и т.д. наводят молодых людей на мысль, что вовсе не интеллект, честность и трудолюбие являются залогом социального успеха. Это подталкивает определенную часть молодежи искать обходные пути достижения социального успеха, который понимается ими как успех материального. Подобные негативные примеры молодежи подает именно старшее поколение, и в процессе такой «социализации» происходит трансляция социальных норм, препятствующих прогрессивному развитию общества.

Желание формирующейся личности достичь быстрого обогащения без особых усилий, мечта о чудесном вознесении на вершины социальной структуры, подпитывается средствами массовой информации, пропагандирующими не заслуженную славу, а случайную известность.

Все выше названные явления ведут к нарастанию в обществе девиации и деликвентности, то есть нарушению эффективных социальных норм, как в сфере общественной морали, так и в сфере установленных государством правовых норм.

Необходимо рассмотреть и такое, характерное для современной молодежи явление, как предвосхищающая социализация. Речь идет о ситуациях, когда личность настолько сильно стремится войти в какую-то группу, что заранее, как бы предвосхищая это, пытается воспроизводить модель поведения, этой группе свойственную. Одновременно, получает распространение и такая мотивация: если не могу стать, то буду хотя бы казаться. В результате сложный процесс социализации может выродиться в простую имитацию, примитивное подражание поверхностным элементам культуры или контркультуры: манере одеваться, использовать определенную, весьма ограниченную и не всегда литературную лексику, специфическим, часто антисоциальным моделям проведения досуга и т.д. Подобные явления приобретают широкое распространение на фоне значительного имущественного и социокультурного расслоения.

Выдающийся польский социолог П. Штомпка,¹ президент Международной социологической ассоциации, глубоко исследует процессы социализации, рассматривая их в нескольких аспектах.

1. Штомпка П. Социология: анализ современного общества / Петр Штомпка; пер. с англ. С. М. Червонной. – Москва: Логос, 2008. – 665 с.

Во-первых, он говорит не о процессе социализации, а о двух, взаимосвязанных и взаимообусловленных процессах: с одной стороны, общество включает в себя каждого индивида, с другой – каждый индивид активно включается в общество. Такой подход позволяет расставить дополнительные исследовательские акценты и обогатить представление о субъектно-субъектном характере процесса социализации.

Во-вторых, П. Штомпка видит социализацию как многоуровневый процесс, где первый уровень – приобщение индивида к культурному минимуму, приобретение навыков и компетенций, необходимых для общественного существования, жизни во взаимосвязи с другими людьми, кооперации с ними. К этому уровню относится приобщение к общечеловеческим ценностям (моральные требования сосуществования, запреты нанесения вреда и ущерба себе и другим, уважение по отношению к другим людям и самоуважение), элементарным приемам коммуникации.

Следующий уровень – это вхождение в конкретную социокультурную среду. Приобщение к характерным для данной культуры ценностям, нормам, символам. Такая социализация позволяет личности чувствовать себя органично включенной в конкретный народ, соотносить себя с конкретным социально-временным континуумом.

Третий уровень социализации подразумевает усвоение определенных социальных ролей, связанных с теми социальными позициями, на которые претендует данная личность, и которые определяются групповой принадлежностью. На этом уровне можно выделить профильные или специализированные формы социализации: семейная, профессиональная, правовая, политическая, гражданская и т.д. Все эти уровни П. Штомпка называет социальными контекстами. Он также указывает, что дополнительную сложность процессам социализации придает динамический, изменчивый характер групповой принадлежности, статусов и позиций, которые стремится занять личность. Однако, эти изменения, могут происходить и вне пространства выбора личности, особенно в кризисных ситуациях. В таких случаях становится уместным использование термина «ресоциализация», то есть адаптация личности к значи-

тельно изменившимися социальным обстоятельствам.

Особенно важным представляется его вывод о том, что в современном глобализирующемся мире личности недостаточно быть социализированной в рамках только одной культуры. На повестке дня стоит вопрос о поликультурной, космополитической социализации. Этот тезис чрезвычайно актуален при исследовании процессов социализации молодежи в современном Казахстане, который в силу своей объективно исторически сложившейся полиэтничности, поликультурности и многоконфессиональности, представляет собой микромодель глобального макромира.

Несмотря на наличие широкого круга источников по проблемам социализации, эта тема не может быть исчерпана. Каждая новая эпоха формирует новый социальный заказ на определенный тип личности, в каждой стране складываются специфические условия и факторы протекания процессов социализации. А. Дж. Тойнби утверждал: «В мире, находящемся на нынешней стадии социальной эволюции, какое-либо конкретное и частичное решение проблемы невозможно применить «слово в слово» вне той страны, где оно было найдено методом проб и ошибок и применительно к местным условиям».¹ Социализация молодежи в современном Казахстане не может быть ориентирована только на сегодняшний день. В этой связи уместно вспомнить понятие «ориентаций на перспективу». Оно было введено А. Тоффлером в его знаменитой программной работе «Футурошок»: «Для того, чтобы создать супериндустриальное образование, мы должны сгенерировать последовательные, альтернативные образы будущего – сделать предположения о видах работ, профессиях и должностях, которые могут понадобиться через 20 или 50 лет; предположения о видах семейных форм и человеческих взаимоотношений, которые будут превалировать; о видах этнических и моральных проблем, которые возникнут; видах технологии, которая будет окружать нас, и организационных структурах, в которые мы должны будем влиться. Только делая такие предположения, определенные, обдуманые, систематизированные, и постоянно корректируя их, мы сможем установить природу познавательных и

1. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ.; под ред. В.И. Уколовой, Д.Э. Харитоновича. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – С.359.

эмоциональных умений, которые потребуются людям завтрашнего дня, чтобы перенести ускоряющийся толчок».¹

Общественно-научный интерес к процессам социализации молодежи в Казахстане также имеет богатую историю. Значительное место в ней занимают труды великих просветителей, посвященные идеям демократии, воспитания нового поколения, основным принципам и ценностям социализации в специфических условиях трансформации кочевого общества. «Слова назидания» Абая Кунанбаева содержат педагогические идеи, не потерявшие своей значимости и в современную эпоху.² Ч. Валиханов прожил короткую жизнь, но задолго до корифеев западной социологии определил основные факторы, воздействующие на формирование личности: «все человеческие побуждения и мотивы обуславливаются совокупным влиянием физических и социальных условий». ³ Эта фраза, в значительной степени предопределила основные направления развития казахстанской социологии личности – выявление структуры потребностей, ценностно-нормативной базы индивида, изучение социальной практики на основе деятельностного подхода, — это далеко не полный перечень актуальных направлений казахстанской социологической науки в сфере изучения личности.

В советский период социология часто объявлялась буржуазной лженаукой, что не могло не сказаться негативно на ее развитии и в Казахстане. Однако, изучение процессов формирования личности продолжалось в рамках философского, педагогического и психологического направлений.

Настоящий бум в развитии социологической науки вообще и отдельных ее направлений, связанных с изучением процессов социализации, начинается с обретением Казахстаном статуса суверенного государства. Это обусловлено насущной потребностью в осмыслении социальных процессов, характерных для бурно трансформирующегося и модернизирующегося общества.

Проблемы социализации молодежи рассматриваются в статьях и выступлениях казахстанских ученых-социологов. Формирова-

1. Тоффлер А. Футурошок. [Перевод]. – СПб., 1997. – С.118.

2. Абай (Ибрагим Кунанбаев). Слова назидания. Пер. с каз. С.Санбаева. – Алматы: Жалын, 1982. – 232 с.

3. Валиханов Ч. Избранные произведения. – М.: Наука, 1986. – С.42.

нию личности в условиях глобализации посвящены работы Г. Абдикеровой,¹ Г. Абдирайымовой,² В. Бетурлакина,³ З. Валитовой,⁴ Г. Джамалиевой,⁵

Ш. Джаманбалаевой,⁶ М. Какимжановой,⁷ Т. Калдыбаевой,⁸ Ж. Кендирбековой,⁹ М. Нургазиной,¹⁰ Р. Салыкжанова,¹¹ А. Тесленко.¹²

1 Абдикерова Г. Новая технологическая культура и социализация личности // Психология. Социология. Дефектология. – 2005. – № 4 (3). – С. 40–43; Абдикерова Г. Новые модели социализации личности в условиях глобализации // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана 2005. – С. 3–7; Абдикерова Г. Социализация современной личности. [Текст] / Абдикерова Г. О.; Казахский национальный университет имени Аль-Фараби. – Алматы: Казак университеті, 2005. – 281 с.

2. Абдирайымова Г. Ценностные ориентации современной молодежи. Социологический анализ: Монография. Алматы: из-во «БАЭР», 2005. – 328 с.; Абдирайымова Г. Система ценностных ориентаций молодежи в современном казахстанском обществе: социологический анализ: автореф. д-ра социол. наук: 22.00.04. – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2006. – 40 с.; Абдирайымова Г. Глобальная трансформация общества и структура жизненных ценностей казахстанской молодежи // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 7–12.

3. Бетурлакин В. Адаптация иностранного опыта в условиях глобализации высшего образования // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 70–74.

4. Валитова З. Влияние глобализации на трансформацию семейных ценностей // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 93–96.

5. Джамалиева Г.Ж. Социальные ожидания молодежи Казахстана: социологический аспект: автореф. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Алматы: ВКГТУ, 2008. – 24 с.

6. Джаманбалаева Ш.Е. Общество и подросток: социологический аспект девиантного поведения. – Алматы: Казахский университет, 2002. – 314 с.

7. Какимжанова М. Социализация и социальная адаптация: общее и особенное // Саясат. – 2006. – № 12. – С. 40–44.

8. Калдыбаева Т. Ж. Политические и научно-практические предпосылки создания инновационных вузов в Республике Казахстан // Материалы III Межд. научн.-практ. конф. «Роль вузов в формировании инновационной экономики Республики Казахстан, 25–27 июня 2009 г. – Усть-Каменогорск: ВКГТУ, 2009. – С. 24–28.; Калдыбаева Т.Ж. Проблемы модернизации образования в Казахстане // Психология. Социология. Дефектология. – 2005. – № 4(3). – С. 4–8.

9. Кендирбекова Ж. Современные проблемы этносоциализации молодежи и возможные пути их решения // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. Астана, 2005. – 166–171.

10. Нургазина М.Б. Социально-культурная адаптация молодежи к изменяющемуся обществу // Проблемы управления в социальном государстве: ресурсы и реальная политика / Под общ. ред. А.С. Серикбаева – Астана: Академия государственной службы при Президенте Республики Казахстан, 2002. – С. 416–421.

11. Салыкжанов Р., Салыкжанова З. Социокультурная адаптация молодежи в условиях глобализации // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. Астана, 2005. – С. 229–233.

12. Тесленко А.Н. Культурная социализация молодежи: казахстанская модель [Текст]: моно-

Особой роли института образования в современном казахстанском обществе и проблемам его реформирования уделили значительное внимание Р. Аралбаева,¹ Р. Аязбекова,² Х. Валиев,³ А. Касенова,⁴ К. Кусаинова,⁵ А. Сатыбалдина,⁶ С. Туркпенова⁷ и др.

Взгляд на личность как на субъект социальных отношений мы находим и в работе Г. Абдирайымовой «Ценностные ориентации современной молодежи». В этом исследовании предпринята попытка социологического анализа внутреннего мира современного молодого казахстанца с точки зрения его места в обществе, нравственных основ, установок на социальный успех и уровня гражданской идентичности молодежи в глобализирующемся мире. Очень важны для данного исследования выводы Г. Абдирайымовой о соотношении традиций и новаций в менталитете молодежи. Социально-гуманитарную направленность этого исследования подчеркивает иерархия задач, стоящих перед образованием и наукой на современном этапе. На первом месте Г. Абдирайимова указывает содействие становлению личности казахстанского гражданина и лишь на втором – профессиональную ориентацию и профессиональный отбор. Такой подход противостоит определенной тенденции технократизации современного общества и системы образова-

графия / А. Н. Тесленко. – Саратов: Саратовский гос. технический ун-т. – Астана: ЦНТИ, 2007. – 370 с.

1. Аралбаева Р. Методологические особенности развития образования на рубеже веков // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 42–46.

2. Аязбекова Р. Психологические аспекты совместной деятельности основных субъектов образовательного процесса // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 50–55.

3. Валиев Х. Созидая интеллектуальный потенциал // Казахстанская правда. 11 апреля 2009.

4. Касенова А. Красноречивая арифметика образования // Казахстанская правда, 8 февраля 2008.

5. Кусаинова К. Школьное самоуправление как показатель демократизации учебно-воспитательного процесса // Саясат. – 2006. - № 3. – С. 15–18.

6. Сатыбалдина А. Социокультурный статус детей, имеющих ограниченные возможности // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. Астана, 2005. – С. 236–241.

7. Туркпенова С. Социальная адаптация как способ профессионального самоутверждения молодежи // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. Астана, 2005. – С. 274–277.

8. Абдирайымова Г. Ценностные ориентации современной молодежи. Социологический анализ: Монография. Алматы: из-во «БАЭР», 2005. – 328 с.

ния, наметившийся в последние годы и обусловленный приматом материальных ценностей.

Особое внимание необходимо уделить монографическим исследованиям процессов социализации и становления личности в новых условиях. В первую очередь, необходимо отметить работу Г. Абдикеровой «Социализация современной личности».¹ В ней дается развернутый теоретический анализ модели социализации личности, в том числе подробно рассматривается типология моделей социализации и дается ретроспективный обзор основных идей и концепций выдающихся деятелей мировой социологической мысли. Также, рассматриваются политический, правовой, социально-экономический аспекты социализации. Особую ценность работе придает ее гуманистическая направленность, ярко выраженная приверженность автора субъектно-субъектному подходу в понимании процессов социализации: «Личность является не только следствием, но и причиной социально-значимых действий, совершаемых в данной социальной среде» и далее: «Если человека считать простым слепком социокультурной среды, то его нельзя признать личностью». Кроме того, Г. Абдикерова не только глубоко анализирует связь между процессами социализации и типом общества, в котором она происходит, но и обратную связь между результатами социализации, личностными качествами, которые формируются в этом процессе и перспективами развития казахстанского общества. Практическая значимость этой монографии определяется предложенным автором взглядом на социальные технологии и способах их применения для прогнозирования перспектив развития казахстанской молодежи.

За последнее десятилетие в научный оборот вводится все больше эмпирических данных о состоянии сознания, установках, социальных практиках, характерных для «поколения независимости». К их числу можно отнести следующие группы источников.

Национальные, аналитические доклады по результатам проведенных исследовательских мероприятий:

Национальный доклад «Молодежь Казахстана» (2013–2021

1. Абдикерова Г. Социализация современной личности. /Казахский национальный университет имени Аль-Фараби. – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – 281 с.

годы)¹ включает обобщены данные социологических исследований, официальной статистической информации государственных органов, национальных компаний, молодежных организаций, анализ положения молодежи в социальной, политической сферах, области образования и науки, занятости и предпринимательства, здоровья и досуга, и др.

«Проблемы и потребности основных страт молодежи» и «Социальное самочувствие и актуальные проблемы сельской молодежи Казахстана» представлены в аналитических докладах 2019–2020 гг.² В этих материалах рассматриваются вопросы теневой экономики, неформально занятого населения, в частности молодежной безработицы.

Итогом реализации социологического исследования, целью которого было изучение государственной молодежной политики, а также определение социальных настроений и восприятия своего будущего стал аналитический доклад «Формирование дальнейших целевых индикаторов в молодежной политике».³ Отмечено, что казахстанская молодежь в качестве основных выделяет материальные проблемы. К ним отнесены: увеличение своего дохода, улучшение жилищных условий, возможность оплатить свое образование, высокие цены на товары массового потребления. Молодежь считает, что в решении их проблем они имеют право получать помощь от местных исполнительных органов, родителей и родственников, молодежных организации и движений. Актуальные вопросы образовательной политики представлены в национальных докладах «О со-

91. Национальный доклад «Молодежь – 2021». – Нур-Султан, 2021. - 103 с.; Национальный доклад «Молодежь - 2018». Калиев Т.Б, Кайдарова А.С., Каримова Ж.К., Ашимханова Д.А., Маульшариф М.М, Насимова Г.О., Негай Н.А., Сыдыкназаров М.К., Шаповал Ю.В., Мусатаева Ф.М., Окасова Г.Е., Касымбеков А.М. - Астана, 2018. - 410 с.

2. Аналитический доклад «Проблемы и потребности основных страт молодежи», – Нур-Султан, 2020. - 206 с.; Аналитический доклад «Социальное самочувствие и актуальные проблемы сельской молодежи Казахстана», Нур-Султан, 2019. - 178 с.; Основные индикаторы рынка труда молодежи (в возрасте 15-28 лет) по регионам РК за 2001-2018. [Электронный ресурс].-Режим доступа: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersLabor.jsessionid=XHWL2z_4.

3. Аналитический доклад «Формирование дальнейших целевых индикаторов в молодежной политике». – Нур-Султан, 2020. - 11 с.; Доклад «Международный опыт по разработке и реализации стратегических документов в сфере молодежной политики» Доклад. /Сакошев А. К., Паули Э. С., Абуова Д. Ф., Мусабекова А. Б., Ибраев Е. Е. Ахантаева С. Ж., Нур-Султан, 2020.- 81 с.

стоянии и развитии системы образования Республики Казахстан».¹

В аналитических докладах «Социальные установки молодежи NEET в Казахстане»² и «О распространении деструктивных религиозных убеждений среди молодёжи»³ представлены характеристики социально-экономического положения молодежи ее ценностные ориентиры. Представлен анализ доли молодежи NEET, в котором расчеты Ranking.kz, проведенные на основе данных КС МНЭ РК, выявляют существенные различия в оценке уровня молодежной безработицы: по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК уровень молодежной безработицы по состоянию составил 3,9%, а по методологии Международной организации труда (индекс NEET за аналогичный период тот же показатель достиг 7,7%).

Социологическое исследование «Казахстанские семьи», выполненное по заказу МИОР,⁴ иллюстрирует социально-демографические характеристики казахстанских семей, оценку уровня охраны здоровья и благополучия семьи, состояние и развитие многодетных семей, условия воспитания детей и укрепления семейных ценностей в процессе общественной модернизации.

Таким образом, изучение процессов социализации молодежи оказывается в поле научного анализа практически всех значимых социологических школ и направлений, что с одной стороны, дает исследователю богатую теоретико-методологическую базу, но, с другой – указывает на чрезвычайную сложность этих процесс и актуализирует необходимость работы в этом направлении с учетом

1. Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://iac.kz/sites/default/files/nacionalnyu_doklad_zh_2017_god_s_.pdf.

2. Аналитический доклад «Социальные установки молодежи NEET в Казахстане» – Нур-Султан, 2020. - 140 с.; Қазақстандағы NEET жастарының әлеуметтанулық портреті / Нұр-Сұлтан: «Жастар» ҒЗО, 2019. – 188 б.

3. Аналитический доклад «О распространении деструктивных религиозных убеждений среди молодёжи».- Нур-Султан, 2019.- 207 с.

4. «Қазақстандық отбасылар - 2020» ұлттық баяндамасы/ Д.Н.Есин, Ә.С.Кайдарова, Ж.С.Батталова, А.К.Ракишева, А.И.Досмухамбетова, Г.М.Мұхамбеткалиева, А.М.Әшімова, А.Б.Иманқұл, З.Т.Алинова, Б.К.Ермекбаева, Ж.А.Маратов, Д.К.Арапов, Ж.К.Каримова, А.Н.Родионов, А.Ж.Баграмова, О.В. Николаева, А.Б.Турекулов – Нұр-Сұлтан қ.: 2020. – 390 с.; Национальный доклад «Казахстанские семьи - 2019». Выполнено по заказу МИОР ОФ «Институт равных прав и равных возможностей. Алматы: 2019. – 369 с.

новейших социальных реалий. Ведь формирование высокоразвитого гражданского общества и становление государства социального типа в Республике Казахстан невозможно без изучения состояния процессов социализации молодежи в новых условиях.

В современной социологии можно выделить два крайних подхода к пониманию социальной роли молодежи как особой социально-демографической группы общества. С одной стороны, в молодежи видят угрозу общественной стабильности, часть общества, наиболее подверженную негативной девиации и разрушительную по своей сути. Из этого делается вывод о необходимости усиленного социального контроля со стороны общества и государства. С другой стороны, именно на молодежь возлагаются основные надежды на обновление, модернизацию общественного развития, то есть именно молодежь рассматривается как главный источник общественно полезных инноваций.¹

Вторая позиция, очевидно, основанная на большем социальном доверии, заставляет вновь обратиться к проблеме становления субъектности молодежи в современных условиях. Предложенная К. Мангеймом концепция делает акцент на молодежи как поколении в соответствующем историко-социальном пространстве. То есть, молодежь разных поколений различна не только по своим объективным социальным характеристикам (профессионально-образовательная структура, культурные предпочтения, формы проведения досуга и т.д.), но и по демографическим критериям (сельское или городское место проживания, возрастные рамки). Также может меняться и социальная роль молодежи в различных социально-исторических условиях, уровень активности участия в общественных, экономических, культурных и политических преобразованиях, то есть уровень ее субъектности.

Определяя свой социологический подход к пониманию молодежи, К. Мангейм делает два важных замечания. Во-первых, «социология больше не рассматривает образование и обучение как чисто надвременные и вневременные методы, а придает большое значение конкретному характеру общества, в котором воспитывается молодежь». Во-вторых, «молодежь и общество рассматриваются

1. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи – М., «Социум», 1999. – С.145.

во взаимодействии... чему и как надо учить молодежь, в большой степени зависит от характера того вклада, который ожидает от молодежи общество. В рамках общества мы не можем формулировать потребности молодежи абстрактно, мы должны делать это с учетом нужд и потребностей данного общества».¹

Социализация, являясь чрезвычайно сложным процессом, формирует целостную личность, охватывая одновременно все аспекты ее социальной деятельности. В результате возникают различные формы и уровни социальной идентичности. В рамках данного диссертационного исследования возникает необходимость остановиться на специфике общественно-политического, гражданско-правового, профессионального аспектов социализации студенческой молодежи или, говоря другими словами, на проблемах общественно-политической, гражданско-правовой и профессиональной идентичности, а также выявить место и роль студенческого самоуправления в качестве воздействующего на них фактора. В рамках рассмотрения гражданско-правового аспекта социализации необходимо акцентировать внимание на процессах формирования антикоррупционного мышления в студенческой среде.

Собственно, многоаспектный характер социализации – это один из важнейших признаков демократизации общества. Узкая специализация всегда была способом дистанцирования личности от общей культуры и лишала ее знаний о законах развития социума и, как следствие, возможностей принять участие в его управлении. Возлагаемая на студенчество ответственность за будущее страны предполагает разносторонний характер социализируемой личности: «Происходит переход от концепции функциональной подготовки к концепции развития личности».²

Однако, разносторонность и универсальность личность, при всей позитивности данного явления, ставит на повестку дня проблему социальной идентичности. Молодой человек, в силу своих социально-демографических характеристик, уже переживает кризис идентичности в связи с утратой социальной роли ребенка

1. Мангейм К. Избранное: Социология культуры. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 441–442.

2. Назарбаев Н. К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации // Казахстанская правда, 20 марта 2004 г.

и освоением социальной роли взрослого. Этот процесс еще более осложняется на фоне таких явлений, как глобализация, мультикультурализм и полиэтничность наций, характерных для современной эпохи.

В условиях доиндустриальных обществ социальная идентичность предопределялась врожденным статусом: этническим, гендерным, сословным и т.д. Сложная система социальных ограничений позволяла избегать или, как минимум, значительно снижать остроту кризиса идентичности, который, по-видимому, присущ любой социальной организации в большей или меньшей степени, и может быть следствием приобретения новых статусов: возрастного, семейного, имущественного и др. Таким образом, говорить о кризисе идентичности, как о чем-то принципиально новом, на наш взгляд, необоснованно. Но, возникновение глобального общечеловеческого пространства, происходящее на наших глазах, не просто привело к повсеместному кризису идентичности, а поставило под вопрос саму способность личности к сколько-нибудь стабильной социальной идентификации. Рушатся существовавшие веками внутри и межкультурные границы, личность оказывается в ситуации практически бесконечного выбора ценностей и норм, предлагаемых различными общественными моделями, все большую роль в определении идентичности играют достигаемые статусы.

Для молодежи эта проблема приобретает особую остроту, в силу ее открытости для принятия всего нового и отсутствия прочного опыта выбора жизненных приоритетов. В результате молодое поколение сталкивается с противоречием: чтобы сделать выбор, личность должна ответить на вопрос «Кто я?», но такое самоопределение невозможно без предварительно усвоенной системы ценностей и норм, то есть без сформированной идентичности.

По мере развития, усложнения и усовершенствования социальных структур и отношений формируется уникальный механизм разрешения конфликтов и коррекции индивидуального и группового поведения - система социального контроля. Одной из важнейших задач, стоящих перед студенческим самоуправлением, является органичное включение в процессы социального контроля внутренней среды высшего учебного заведения с целью придания ей характера

самоуправляющейся и саморегулирующейся системы.

Современные системы социального контроля опираются на три вида социальных норм - правовых, моральных и нравственных. Различие между ними заключается как в их носителях, так и в источниках их возникновения.

Право — это основа государственного контроля, то есть его субъектом является государство, а источником выступает политическая власть. Выбор личности между законопослушанием или деликвентным поведением есть проявление той или иной степени сформированности гражданской идентичности. В контексте высшей школы основными субъектами права выступают специализированные правительственные структуры (в РК – Министерство образования и науки) и администрации вузов. Но и студенчество, в своих организованных формах может принимать участие в формировании уставов и положений вуза, которые являются производными от государственных правовых норм.

Субъектом морали выступает сообщество, социальная группа, слой или класс, и ее источником становится совокупный опыт многих людей. Отказ или принятие личностью моральных норм — это выражение групповой идентичности. В социальном пространстве университета можно выделить три основных субъекта, чья мораль будет несколько отлична друг от друга. Это студенчество, чья система морали объективно тесно связана с моралью молодежи в целом, о чем говорилось в предыдущем подразделе; преподавательский корпус, представленный в основном средним и старшим поколениями, и ориентированный на морально-этические нормы научно-педагогического сообщества; представители административной структуры – действующие или бывшие преподаватели, чьи морально-этические нормы претерпевают определенные изменения под воздействием опыта управленческой деятельности.

Нравственность всегда индивидуальна, ее носитель - конкретный человек, а источник - его индивидуальный социальный опыт. В этом смысле, делая нравственный выбор, личность становится идентичной самой себе и на практике осуществляет и подтверждает связь с определенной социальной группой. С нашей точки зрения, такой социальный акт есть высшее выражение социальной

идентичности, когда она становится тождественна индивидуальности, то есть происходит диалектическое снятие противоречия между «Я» и «Мы».

В идеале личность ощущает социальный комфорт, если ее нравственные запреты и ожидания коррелируются с моральными запретами и ожиданиями группы, к которой она объективно принадлежит и с которой себя субъективно отождествляет. Сообщество, признающее за каждым своим членом, право на уникальную личную нравственность, обладает высокой способностью к саморазвитию и саморегулированию, так как создаются оптимальные условия для раскрытия личностного потенциала.

Социализация призвана содействовать возникновению таких условий и служить фактором преодоления кризиса идентичности каждого представителя молодежи в процессе формирования разносторонней, но всегда социально-ориентированной личности.

Ниже рассмотрены важные, с точки зрения данного исследования, формы идентичности молодежи, возникающие как результат социализации.

Общественно-политическая идентичность молодежи, раскрывает способности формирующейся личности к:

- способности усваивать общественно-политическую информацию различных уровней;
- пониманию логики политических процессов, происходящих в стране и мире через овладение политическими знаниями;
- осознанию в качестве жизненной необходимости ответственного участия в этих процессах;
- занятию активной жизненной позиции по важнейшим вопросам общественной жизни, соответствующей высокому уровню политической культуры;
- овладению практическими навыками цивилизованного и эффективного социально-политического участия.

Говоря о процессах общественно-политической социализации молодежи, необходимо рассмотреть соотношение таких понятий, как политическая культура и политическая активность. «Политическая культура – это своеобразный вид человеческой культуры, находящийся на стыке политики и достижений общества в мате-

риальной и духовной сфере и проявляющийся как цивилизованная деятельность, поведение в области политики и политической жизни».¹ «Политическая активность – деятельность социальных групп и индивидов, связанная со стремлением усовершенствовать или изменить социально-экономический и политический порядок, социально-экономические и политические институты».²

Проблема заключается в том, что если высокий уровень политической культуры предполагает и высокую политическую активность, то высокий уровень политической активности не обязательно является свидетельством высокой политической культуры и, как следствие, не позволяет говорить о сформированной общественно-политической идентичности. В первую очередь, это относится к молодежи, которая, более других социально-возрастных групп, склонна к радикальным и даже экстремистским формам политического поведения.

По мнению авторов, общественно-политическая социализация молодежи в условиях современного демократического развития призвана выполнять три основные функции:

- сохранение динамического равновесия общественно-политической системы социума за счет добровольного и осмысленного принятия новым поколением политических ценностей, принципов и норм, созданных предыдущими поколениями;
- инновационное развитие общественно-политической системы на основе дальнейшей демократизации, творческого обновления существующих и создания новых форм политического участия;
- обеспечение устойчивых цивилизованных, легальных и легитимных форм социально-политического взаимодействия между всеми субъектами политической деятельности.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство исследований процессов общественно-политической социализации молодежи рассматривают их только в рамках отдельных политических систем. Если до начала 90-х годов XX века это могло быть оправдано наличием информационно-идеологического барьера,

1. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та. 1993. – 431 с.

2. Там же

существовавшего между странами социалистического и капиталистического типа развития, то в современных условиях глобальной информационной свободы и доступности, необходимо учитывать влияние, которое оказывает на формирование политической культуры молодежи знание о различных политических реалиях. То есть, политическая культура начинает носить все более космополитический характер, что в свою очередь актуализирует проблему патриотизма молодежи и ее гражданской идентичности.

Гражданско-правовая социализация личности молодого казахстанца – это сложный процесс, являющийся одним из аспектов общего процесса социализации. Его результатом должно стать формирование уважительного отношения к законам государства; чувства сопричастности и ответственности за настоящее и будущее Казахстана; искреннего стремления к самореализации на родной земле ради ее процветания в контексте осознания неразрывной связи личного судьбы и судьбы своей страны. То есть, конечным результатом успешной гражданско-правовой социализации является формирование личности, гражданско-правовая идентичность которой опирается на прочный рационально-осмысленный и нравственно-определенный фундамент. Именно гражданско-правовой аспект социализации молодежи представляет наибольший интерес для данного исследования, ведь от ее результатов будет зависеть успешность формирования развитого гражданского общества и социального государства.

Нельзя забывать, что чувство патриотизма является основой гражданско-правовой идентичности, ибо позволяет личности определять свое место в социальном пространстве, то, что называется «чувствовать почву под ногами».

Особое значение это всегда имело для молодежи, чей социальный статус наиболее не определен, а процесс первичной социализации находится на этапе завершения. В современных условиях глобального мира процесс патриотической идентичности многократно усложняется – молодежь не только получает практически неограниченный доступ к информации об условиях и уровне жизни в любой стране мира, но и реальную возможность выбирать для себя место жительства. С этой проблемой сегодня сталкивается

любая страна, но есть ряд факторов, которые делают ее для Казахстана особенно актуальной.

Во-первых, соотношение территории и населения. Мы не можем позволить себе роскошь терять молодежь – будущее страны. А если учесть, что большие возможности для выезда имеет наиболее талантливая и образованная часть молодого поколения, то задача остановить «утечку мозгов» приобретает стратегическое значение.

Во-вторых, полиэтничный состав населения, а также тот факт, что молодежь практически любой национальности свободно владеет русским языком, создают определенные центробежные тенденции, которые могут усилиться, если не удастся сохранить прочный гражданский мир и согласие на основе общекзахстанского патриотизма.

В-третьих, в условиях развития рыночных отношений объективно складывается достаточно одностороннее представление о социальном успехе, связанное в первую очередь с быстрым материальным обогащением. Молодежь, не имеющая четкой патриотической идентичности, поддается соблазну действовать по принципу «рыба ищет - где глубже, а человек – где лучше», причем, под «лучше» подразумевается - «богаче».

Сегодня конкуренция идет не только в сфере экономики или политики. Государства конкурируют за наиболее талантливую молодежь, ведь без нее невозможно эффективное общественное развитие в перспективе.

Эффективный способ снижения этих рисков - честная конкуренция. Конкуренция среда обесценивает не подтвержденный реальными знаниями диплом, делает его покупку бессмысленной, бесполезной, а открытая конкуренция в профессиональной среде требует реальных знаний и навыков.

Профессиональный аспект социализации или уровень профессиональной идентичности, являясь частью социализирующего комплекса, отображает процесс выбора и освоения профессии, наиболее соответствующей наклонностям личности и потребностям социума. Ее результатом (но не окончанием) служит трудовая деятельность, в ходе которой личность имеет возможность не только обеспечить себе определенный уровень удовлетворения материаль-

ных потребностей, но и утвердиться в качестве творца, создателя человеческих взаимоотношений.

Одним из основных критериев социальной зрелости в любую производительную эпоху является достижение экономической самостоятельности. Однако, если ранее приемлемым с точки зрения общественной морали способом обретения такой независимости могло быть наследование имущества или вступление в брак с более обеспеченным партнером, то с наступлением индустриального, а тем более, постиндустриального этапов развития эти каналы социальной мобильности хотя и сохраняют легальный статус, становятся все менее предпочтительными или заслуживающими уважения.

На первый план все больше выходят такие каналы восходящей вертикальной социальной мобильности, как образование и профессиональная карьера. В совокупности они позволяют наиболее полно раскрыть социальный потенциал личности и наиболее эффективно использовать социальный капитал общества. И то и другое есть суть трудовая деятельность.

Для современной молодежи возможны, а для определенной его части характерны и необходимы, следующие виды трудовой деятельности:

- Учебно-познавательная, в которой могут реализовываться как материальные, так и нематериальные аспекты, например авторитет среди одноклассников и уважение со стороны преподавателей и представителей администрации вуза, одобрение или порицание родителей;

- Трудовая непрофессиональная. Многие студенты не только вынуждены искать дополнительный заработок во внеучебное время, но, и делают это с удовольствием, так как дополнительные доходы не только решают вопросы их материального обеспечения, но и дают возможность чувствовать себя взрослыми, экономически самостоятельными людьми, то есть оптимизируются и ускоряются процессы первичной социализации;

- Общественная деятельность, позитивное материальное стимулирование которой, практически отсутствует или носит эпизодический, несистемный, а, следовательно, непредсказуемый характер. В нее вовлечено большинство молодежи, но значительная часть –

лишь как пассивные исполнители, делающие это в результате негативного стимулирования, принуждения. Лишь меньшая часть, занимается общественной волонтерской деятельностью добровольно и с удовольствием. Причем, определенная часть этого меньшинства делает это не из нравственных, социально-ориентированных, а из эгоистических карьеристских побуждений.

Наиболее эффективным с точки зрения личностной самореализации и общественного развития является путь профессионального совершенствования: «Современное богатство измеряется не элементарным количеством затраченного труда, а главным образом, факторами, связанными с его качеством: человеческим капиталом (знаниями и образованием, уровнем технологии и рационализации)».¹

Существует устойчивое мнение, что развитие рыночных отношений объективно приводит к индивидуализации сознания, формированию эгоистических черт личности, разрушению ценностей коллективизма. Однако, по мнению Ф. Фукуямы, этот вывод опровергается примерами наиболее развитых и конкурентоспособных государств мира. «... Япония, Германия и США стали ведущими индустриальными державами во многом благодаря тому, что имели здоровую опору в виде социального капитала и социализированности, а не наоборот».² С этой точки зрения важно наполнить понятие конкурентоспособности молодого специалиста не только качествами, отражающими его способность к определению собственных интересов и целей, но и качествами, способствующим эффективным социальным взаимодействиям на уровнях микро и макросоциума.

Как отмечалось выше, обладая общими признаками, молодежь внутренне далеко не однородна - она разделена на «статусные группы», среди которых основными по виду основной деятельности можно считать – работающая, учащаяся и неработающая молодежь. Каждую из этих категорий, в свою очередь, можно рассматривать через призму гендерной принадлежности, уровня доходов

1. Тоффлер А. Футурошок. [Перевод]. – СПб., 1997. – С.82.

2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: / Фрэнсис Фукуяма; [пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина]. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – С.251.

или постоянного места жительства. В соответствии с взглядами П. А. Сорокина, профессиональная деятельность и уровень доходов становятся основными критериями социально-статусной дифференциации в обществах индустриального типа.¹ То есть, индустриально и постиндустриально развивающееся общество нуждается во все большем числе специалистов высокой квалификации, а для молодежи высшее образование становится одним из основных социальных лифтов, обеспечивающих большие шансы на социально-экономическую, политическую и общественную самореализацию.

Современное общество связывает с молодежью основные надежды на будущие позитивные социальные преобразования, так как именно она уже не раз демонстрировала свои способности к социальному новаторству. Начиная со второй половины XX века, молодежь в целом оказывает значимое влияние на все социокультурные, социально-экономические и политические процессы. В общественно-политической жизни развитых стран именно молодежь составляет значительную часть контингента волонтеров политических партий и общественно-политических движений. В экономике эта социальная группа выступает не только в качестве огромного потребительского сектора, на который ориентированы целые отрасли, но и активной производительной силы, причем, все больше растет представленность молодых специалистов в наукоемких, высокотехнологичных областях. Не случайно, сферу IT-технологий называют экономикой молодых. Именно развитие новых коммуникационных технологий, в первую очередь глобальной сети Интернет, привело к тому, что молодежь стала оказывать решающее влияние на информационную политику в мировых масштабах. Причем, не только в качестве самой большой аудитории, но и в качестве производителя значительного количества медиапродуктов.

В завершении необходимо напомнить, что при всей значимости профессиональной социализации: «Демократический тип [личности]... стремится расширить горизонт за рамки своей специальности, полностью осознавая, что без этого нельзя быть культурным

1. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Питирим Сорокин; [пер. с англ. М. В. Соколовой]. Москва: Academia: LVS, 2005. – 588 с.

человеком».¹

Подводя итоги вышесказанного, можно отметить, что:

- социализация является важнейшим элементом общественного развития, обеспечивающим социуму не только стабильное воспроизводство уже сложившихся социальных отношений, но и общественный прогресс в результате творческого осмысления социального опыта и внесения инновационных форм социального взаимодействия каждым новым поколением;

- процессы социализации в современных условиях объективно имеют своей основной целью формирование нового типа личности – инициативной, высокопрофессиональной, конкурентоспособной, адаптивной, постоянно обучающейся и социально ответственной, а, следовательно, актуализируется поиск форм и методов самосоциализации молодежи;

- цели, формы и содержание социализации современной казахстанской молодежи необходимо рассматривать в неразрывной связи с процессами модернизации казахстанского социума.

Содержание следующих разделов представляет собой анализ социологической информации, полученной в ходе авторских исследований. Отправной точкой оценки результатов социализации первого казахстанского поколения XXI века стало изучение ценностей и социальных практик, свойственных современной молодежи в различных сферах общественной жизнедеятельности (см. *Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)*), что также соответствует подходу к изучению различных аспектов и сторон социализации, о котором говорилось выше. Материал был собран в двух крупных городах ВКО – Усть-Каменогорске и Семее и освещает широкий круг вопросов – отношение молодежи к экономической, культурной, религиозной жизни, ее понимание своего места в обществе, дополнительный акцент делается на значении и форме социальных коммуникаций и др. Сюжет, посвященный семье и репродуктивным установкам респондентов был выделен из общего объема материалов этого исследования и перенесен в следующий

1. Мангейм К. Избранное: Социология культуры. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С.219.

раздел *«Репродуктивные установки городской молодежи Казахстана»*. Это решение было продиктовано необходимостью сфокусировать внимание на основном институте социализации – семье и значению семейных ценностей в мировоззрении молодежи.

Раздел *«Репродуктивные установки городской молодежи Казахстана»* представляет собой попытку аккумулировать эмпирическую и аналитическую информацию, полученную по результатам разных исследований (*«Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области) (2020 г.)* и *«Региональные особенности репродуктивных установок городских казашек» (2021 г.)*). Эти материалы обработаны и объединены тематически, так как позволяют судить не только о результатах социализации молодежи в суверенном Казахстане, но и оценить сформировавшиеся у них установки на условия воспитания детей уже следующего поколения казахстанцев.

2. ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАЗАХСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Впервые в новейшей истории Казахстана демографические процессы страны практически полностью определяет казахское население. На эндогенной основе сложилась суверенная демографическая система, основным вектор которой направлен на города. Эти города постепенно освобождаются от демографической инерции советского наследия, когда городское русскоязычное население, особенно та его часть, которая оказалась в Казахстане в результате миграций из других республик СССР, была слабо связаны с казахской средой и казахской культурой.

Социальная среда советских городов в Казахстане в большинстве своем не подпитывалась казахской культурой, а городское население не знало казахского языка. Республика представляла собой два мира, существовавших параллельно: русифицированный город и казахское село. С момента обретения суверенитета идет формирование единого социального организма, в котором сельское и городское пространство тесно переплетаются семейными, культурными и экономическими связями. В результате внутренних миграций формируется устойчивый приток казахского населения в города, которые начинают меняться.

Несмотря на это, в силу большого регионального разнообразия, которое проявляется в социально-культурных различиях казахского общества, говорить о становлении «единого казахского стандарта» не приходится. Скорее всего, подобный стандарт и не возникнет: барьером этому служит широкий социокультурный диапазон цивилизационных установок, характерных для различных групп и категорий казахского населения. Таким образом, суверенная демографическая система Казахстана и социокультурное пространство казахстанских городов представляет собой сложное взаимодействие различных компонентов.

Однако, не только региональные различия влияют на сложность социально-демографической и социокультурной структуры современного казахстанского города. Важным фактором является

то, что урбанизация казахов исторически происходила в несколько этапов.

Представители каждого этапа формировали и продолжают формировать собственную систему ценностей, норм и социальных практики на основе жизненного опыта, возрастных особенностей и ряда других факторов. Эти системы ценностей взаимодействуют друг с другом, но не сливаются воедино, а создают социокультурную полифонию. Наиболее показательным этот процесс становится, когда речь идет о молодежи – с одной стороны, в различных пропорциях вбирающей в себя опыт предыдущих поколений, с другой – привносящей в современное городское пространство собственное звучание, отражая самые актуальные тенденции урбанизации и модернизации казахстанского социума. С третьей стороны, сама городская молодежь с точки зрения «городского бэкграунда», выступает не однородной группой, а представлена различными категориями. Изучение ценностных ориентиров именно этих категорий является основной целью данного исследования.

Методологической основой исследования служит теория ценностей, получившая широкое распространение в современных социальных науках. В частности, авторы проекта ориентировались на World Values Surevey (WVS) - Исследование жизненных ценностей населения. Этот исследовательский проект объединяет социологов по всему миру и направлен на изучение ценностей и их воздействия на социальную и культурную жизнь. WVS провёл социологические исследования уже в 97 странах, которые охватили в общей сложности 90 % населения.¹ Основным методологическим подходом в этом исследовании выступает условное деление ценностей на:

- «ценности безопасности» (выживание, физическая и экономическая безопасность, низкий уровень толерантности к инакомыслию, ксенофобия, низкая ценность свобод и прав человека, вертикальные авторитарные структуры управления, склонность к иррациональным формам мышления);

- и «ценности развития» (самовыражение и самореализация как высшая ценность, высокая значимость свобод и прав личности,

¹ <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

большое значение социальных коммуникаций, связь между личным и общественным успехом, экологичность сознания, установка на равенство полов, признание ценностей социального разнообразия).

Изучение распространения этих ценностей и их закрепления в форме социальных практик позволяет выявлять различия между социальными группами.

Методика и инструменты исследования в рамках проекта разработаны авторами самостоятельно, исходя из целей и задач всего проекта. Также, в ходе исследования определяется комплекс социальных практик как типичных моделей поведения в типичных городских ситуациях.

Изучение исследовательских проблем осуществляется через призму двух блоков - социологический и демографический. Социологический блок посвящен изучению трансформации содержания городской жизни: изменение ценностей и практик групп городского населения, обладающих разными социально-демографическими и социокультурными характеристиками. Демографический блок направлен на изучение трансформации социально-демографической структуры городского населения (этнического состава, структуры занятости, возрастно-половой структуры населения и др.) и миграционных потоков населения

Одной из основных задач данного этапа является проведение социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)». Для этого членами исследовательской группы грантового проекта КН МОН РК (АР АР09260600 «Региональные особенности репродуктивного поведения городских казахов: тенденции и перспективы») разработана программа, позволяющая собрать и интерпретировать социологический материал.

Цели социологического исследования:

- 1) Выявить характер распространения (возможное доминирование) различных ценностных ориентаций и социальных практик в различных группах казахской молодежи.
- 2) Определить механизмы и векторы взаимодействия различных социально-демографических и социокультурных групп казахской молодежи в городском пространстве.

Задачи социологического исследования.

За структурную основу программы исследования был взят институциональный подход к изучению динамики развития различных сфер жизнедеятельности общества:

- 1) Социально-репродуктивные институты (семья, образование)
- 2) Экономические институты (характер и перспективы экономической активности, практики экономического поведения, потребительские установки)
- 3) Социокультурные институты (интересы в области искусства, науки, спорта, досуговые практики и т.д.)
- 4) Религиозные институты (религиозная самоидентификация и ее обоснование, возможные формы участия в религиозной жизни)
- 5) Политические институты (степень вовлеченности в общественно-политические процессы)
- 6) Коммуникации (основные сферы общения – пересечение и дистанцирование, распространение различных языковых форм коммуникаций, коммуникационные предпочтения).

Методы сбора информации.

Основной метод – опрос в различных формах:

- массовый анкетный опрос в онлайн-режиме (500 представителей казахской молодежи в возрасте 17–25 лет, проживающих в ВКО);

- 5 фокус-групп (две фокус-группы с представителями группы А, две фокус-группы с представителями группы В, одна фокус-группа с представителями группы С). Все фокус-группы проводились в онлайн-формате.

При аналитической обработке данных были применены специфические социологические приемы, которые позволяют более четко обозначить тенденции, выявить смысловые параллели и противоречия:

- метод логической группировки: суммирование числа ответов по вариантам, близким по смыслу;

- метод поляризации: сопоставление числа ответов по вариантам, находящимся на противоположных полюсах мнений (при этом, средние значения исключаются из анализа). Метод поляризации также был применен при представлении результатов фокус-

групп – в отчете в основном отражены позиции группы А и В, как наиболее отличающихся по «городскому бэкграунду» (background), то есть по тому, насколько городская среда оказала влияние на формирование их личности;

- экстрим-метод: сопоставление минимальных и максимальных значений для определения диапазона мнений.

В большинстве случаев данные приводятся в формате простого процента: число участников опроса принимается за 100%, этот формат используется, если вопрос носит «простой характер», то есть респонденту нужно отметить только один вариант ответа (число респондентов = число ответов = 100%). Если вопрос носит «сложный» характер, то есть респондент может выбрать несколько вариантов ответа из числа предложенных, за 100% принимается не число респондентов, а число полученных ответов (заранее это число неизвестно – возможное число ответов = $x = 100\%$). В этом случае может дополнительно рассчитываться «процент наблюдений» от числа респондентов, в этом случае сумма процентов может быть больше 100 единиц.

Общие характеристики участников опроса

Социологический опрос проводился в период с 15 по 25 ноября 2020 года. В связи кризисной эпидемиологической ситуацией и в целях наиболее оперативного сбора информации опрос проходил в форме онлайн-анкетирования, для чего были использованы возможности программы Survio.com, для математической обработки собранных данных была применена программа SPSS, которая предназначена для обработки социологической информации.

Состав участников опроса по времени проживания в городской среде:

- группа А (Выходцы из полностью урбанизированных семей (второе или третье поколение городских жителей, полностью адаптированы к городской среде, слабые связи с традиционным сельским образом жизни) – 200 человек;

- группа В (Выходцы из сельской местности (первое поколение в городе, не более 3–5 лет проживания в городской среде, началь-

ный процесс адаптации, сильные связи с традиционным сельским образом жизни) – 200 человек;

- группа С (Выходцы из семей, которые переехали в город с детьми школьного возраста (по сути, первое поколение в городе, но с достаточно высоким уровнем адаптации к городской среде, сохранены сильные связи с традиционным сельским образом жизни) – 100 человек.

Из 500 респондентов 188 человек языком заполнения анкеты выбрали казахский (37,6%), 312 человек выбрали русский язык (62,4%).

Половозрастной состав респондентов:

- Женщины 55,4%, мужчины 44,6%;

- Основной возраст респондентов – 17–21 год (82,2%), участники опроса в возрасте 22–25 лет составляют 17,8%.

Половина респондентов проживает в г. Усть-Каменогорск (50,0%), половина в г. Семей (50,0%).

Основной род занятий респондентов во всех трех группах – учебная деятельность, что характерно для этой возрастной категории. Средний показатель - 82,4%. Однако, часть респондентов уже включились в активную экономическую деятельности и в группе А доля работающих почти на 8% выше, чем в группе В.

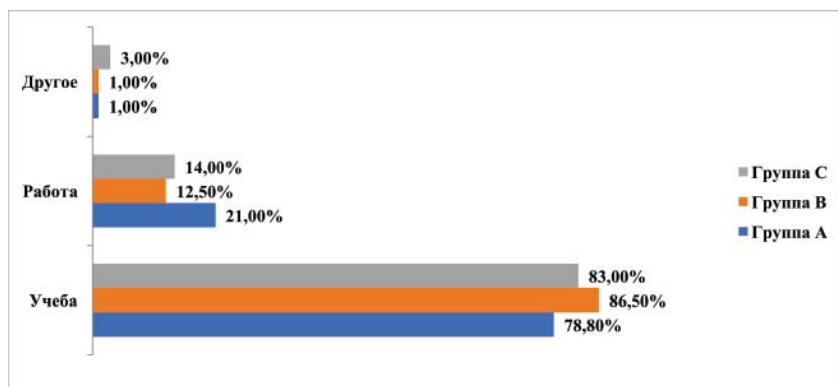

Рисунок 2.1 Основной вид занятий респондентов

Половина опрошенных проживает в частных домостроениях

(51,0%), несколько меньшее число указало местом постоянного проживания многоквартирные дома – 42,4%, общежитие назвали 5,6%. Однако, это обобщенные данные, в разрезе принадлежности к группам А, В и С выявляется ряд отличий, представленный на диаграмме.

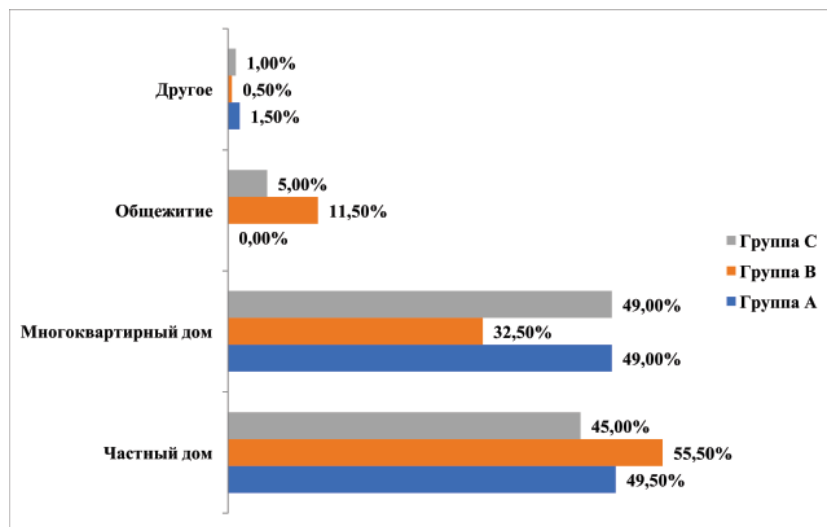

Рисунок 2.2 Постоянное место проживания

Как видно из данных, приведенных на диаграмме (рисунок 2.2), наибольшее различие в условиях проживания фиксируются у представителей группы В – самые высокие показатели проживания в частных домостроениях (55,5%) и самые низкие показатели проживания в многоквартирных домах (32,5%). То есть, даже находясь в городском пространстве, значительная часть этой группы казахской молодежи продолжает жить практически в «сельских» бытовых условиях.

Одним из атрибутов урбанизированного образа жизни является, так называемая, «pets culture» - содержание домашних животных в городских условиях. Например, только в Германии содержится около 30 млн домашних любимцев. В 2018 году, по данным Mars Petcare, питомцы были в 55 млн российских домохозяйств (53% от

их общего числа в стране).¹

Наличие домашних животных у людей, проживающих в городской среде, выступает одним из косвенных признаков урбанизированности, высокой степени адаптации к городским условиям жизни. Участникам опроса, указавшим местом проживания многоквартирный дом, был задан вопрос: есть ли у них домашние животные? Общее число положительных ответов – 27,1%, - значительно ниже уровня стран с высокими показателями урбанизации. Это объясняется тем, что активная миграция казахского населения в города началась не так давно – одно поколение назад, и многие признаки городского образа жизни только начинают распространяться в казахском городском социуме. Тем не менее, уже сейчас заметны различия между представителями различных групп казахской молодежи.

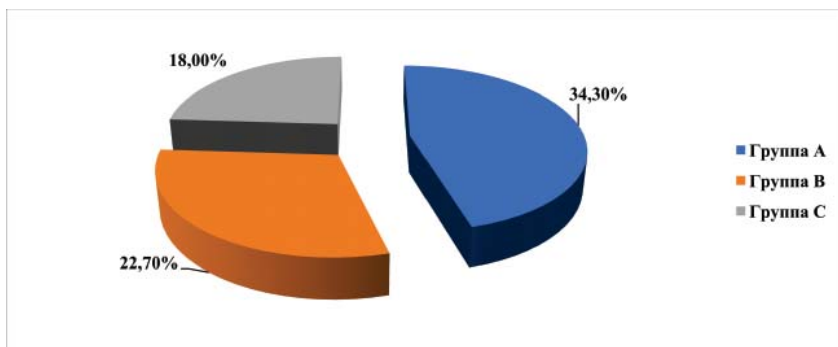

Рисунок 2.3 Наличие домашних животных

Среди представителей казахской молодежи – выходцев из полностью урбанизированных семей, каждый третий имеет домашнего питомца. Это на 11,6% выше, чем среди тех, кто переехал в город лишь недавно.

Основной целью данного исследования является определение ценностных ориентиров респондентов, принадлежащих к группам с различным городским бэкграундом – временем проживания и

1. Эта сфера регулируется специальными правовыми актами и является значительной отраслью экономики

адаптации к городской среде. Дальнейшие вопросы были сгруппированы по тематическим блокам. Тематическая направленность блоков, в свою очередь, определялось на основе институционального подхода и отражает важнейшие сферы жизнедеятельности современного городского населения.

Ценности образования и карьеры

В современных социально-экономических условиях образование приобрело значение, которого не имело ни в один период предыдущей истории человечества, оно стало, в полном смысле слова, общественным фактором, основным социальным лифтом, источником формирования социальной структуры социума. В первую очередь, это касается профессиональной подготовки, которая определяет дальнейшую экономическую активность человека. Но, это оценка института образования на макроуровне, а как осознается его значение на уровне отдельной личности?

В процессе исследования респондентам был задан вопрос – чем для них является профессиональное образование?

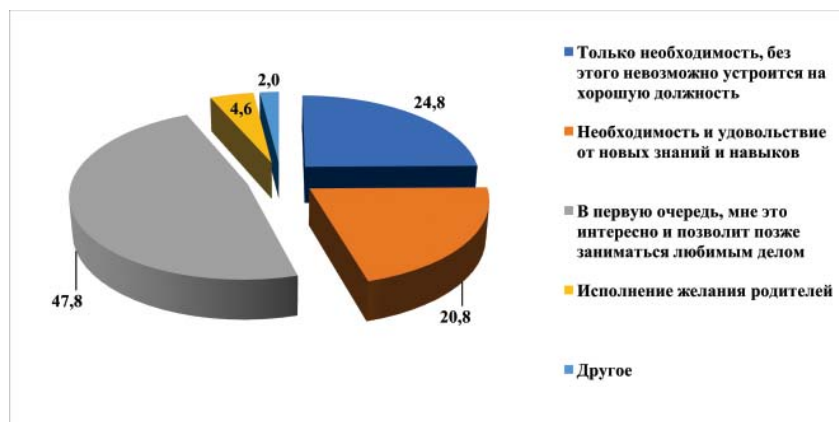

Рисунок 2.4 Значение профессионального образования

Почти половина респондентов отметили, что воспринимают профессиональное образование через призму возможностей само-

реализации, но каждый четвертый указал, что это лишь необходимое условие для дальнейшей карьеры. Несколько респондентов предпочли дать свой ответ на этот вопрос:

Группа А: *«Во-первых, реализация умственного потенциала. Во-вторых, вклад в свою будущую семью», «Для меня проф. Образование — это просто дополнительные возможности, которые человек выбирает себе сам, хочет он это или не хочет», «Любимая работа и хороший заработок в приоритете», «То, что поможет мне найти работу и построить карьеру»;*

Группа В: *«Достижение определённых целей», «Сейчас решают все деньги. Но не всегда»;*

Группа С: *«Самореализация».*

В принципе, все эти ответы, не отличаются от предложенных в опросе вариантов и не меняют общую картину.

Следующие вопросы носили открытый характер, это позволило не ограничивать респондентов готовыми вариантами ответа. В результате стало понятно, что среди участников опроса представлены разные уровни образования – от незаконченного среднего до второго высшего или магистратуры (включая среднее специальное). Также различны и профессиональные профили работающих или продолжающих обучение. Явно преобладают профессии сервисной сферы с разным уровнем профессиональной подготовки: секретарь-референт, визажист, кондитер, менеджер, повар, парикмахер, учитель, юрист, дизайнер, бухгалтер и др. Значительно реже указывались профессии, связанные с промышленным производством: инженер, геолог, геофизик.

Значительное число респондентов предполагает продолжить обучение – получать второе высшее образование, поступить в магистратуру или докторантуру. Отдельно отметим один ответ: *«образование за рубежом»* - написала девушка из группы В.

Цели при поступлении в профессиональное учебное заведение (высшее или среднее) также очень различны.

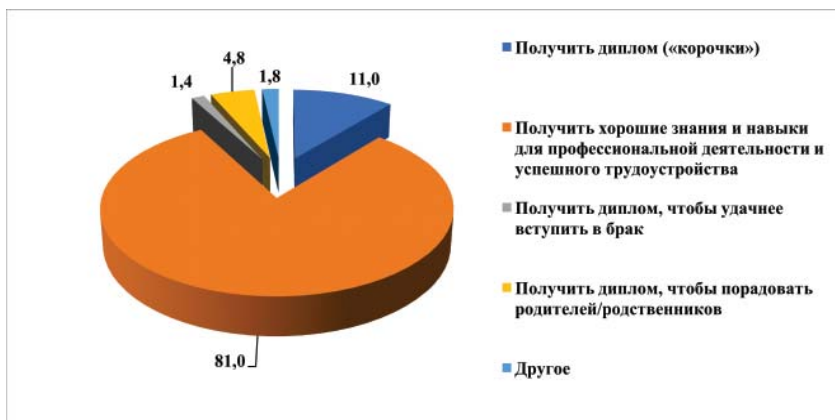

Рисунок 2.5 Цель получения образования

Абсолютное большинство участников опроса рассчитывали или рассчитывают получить в процессе образования качественную подготовку, которая станет для них пропуском в мир экономической активности. Чаще других этот вариант ответа выбирали респонденты из группы С – 86,0%. Обращает на себя внимание, то, что в выборе других вариантов ответа значительных различий между представителями групп не отмечается. Для полноты картины приведем два развернутых ответа, которые респонденты группы А сформулировали сами: «И для трудоустройства, и для карьеры, и для родины, и для будущей семьи», «Порадовать родственников, т.к. навыков у меня более чем достаточно, да и без бумажки мало куда возьмут». *Как видим, мотивация может очень отличаться.* Первый ответ дала девушка, второй – молодой человек.

Сегодня на рынке труда существует огромное разнообразие профессий и появляются все новые. Ответы на следующий вопрос позволяют увидеть, как участники опроса определялись с выбором специальности.

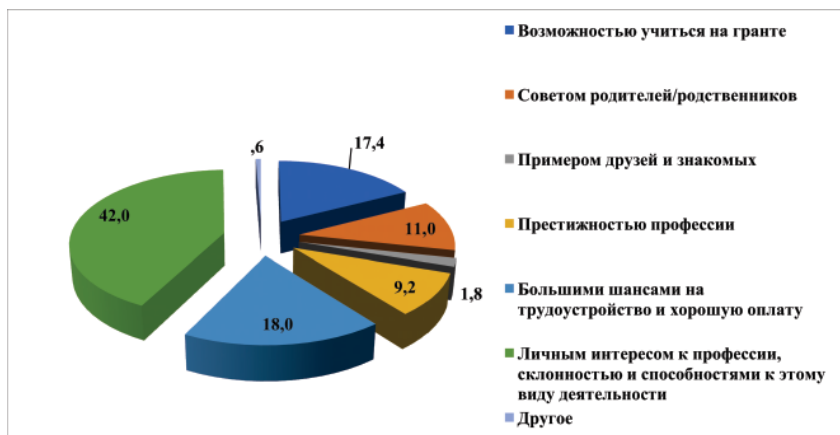

Рисунок 2.6 Что определяет выбор специальности

Анализ ответов на этот вопрос показал, что между полярными группами А и В нет значительных различий. Отличия заметны, скорее, в группе С, где в два раза реже выбирали вариант ответа «Возможность учиться на гранте» - 9,0%, несколько чаще других групп указывали вариант «Большими шансами на трудоустройство и хорошую оплату» (22,0%), но реже отмечали «Престижность профессии» в качестве причины выбора специальности – 6,0%.

Разнообразие ответов, которое фиксируется в результатах опроса, заметно и в данных фокус-групп.

Таблица 2.1 Ответы участников фокус-групп

Группа А	Группа В
<p>- Перспективная профессия в плане заработной платы. Небольшая конкуренция. Это связано с желанием создать семью</p> <p>- Специальность разнонаправленная, техники более востребованы чем гуманитарии. Конкуренто-</p>	<p>- Я выбрала свою специальность по любимому предмету. У меня была склонность к языкам, поэтому я выбрала английский язык. На гранте учусь.</p> <p>- Моя специальность дошкольное обучение. Я выбрала ее сама так</p>

Продолжение таблицы № 2.1

способность основное при выборе специальности

- Основывался на том, чтобы переехать в другой город, в нашей стране эта сфера очень развита и востребована. Финансовая независимость

- Выбор специальности определяется собственными интересами.

- По советам родителей, по внутреннему

- Чтобы было и интересно, и чтобы обучение было бесплатным

- Я в ней разбираюсь

- Спонтанно так получилось

- Грант, предмет на ЕНТ полегче

- мне кажется моя профессия будет востребована в будущем

- Мне самому нравится обучать людей тому, что я знаю

- Самое главное поступить на бакалавриат

- Помощь людям, потому что я врач

- Желание, интерес и грант

- Выбирая профессию опиралась на интересы

- Профессия была навязана родителями и планирую в будущем получить специальность по интересам

- Хотела год подумать о выборе профессии, но у нас так не принято, закончила школу поступаю в универ, поэтому я выбрала нынешнюю свою профессию, в будущем хочу закончить магистратуру по другой специальности для того, чтобы открыть свой бизнес

как люблю детей, но в будущем не хочу работать по специальности.

Потому что современные дети очень капризные.

- Я выбирал специальность с расчетом на будущее. Какая специальность будет востребована.

- Моя специальность туризм.

При выборе специальности я руководствовалась своей симпатией к будущей работе.

- Я с детства мечтала о соевой специальности. Также имеет значение статус и наличие гранта. Я будущий врач.

- Моя специальность технолог

приготовления пиццы и кондитер.

Поскольку я сама люблю печь торты то и выбрала именно эту специальность.

-Поскольку я не прошла на грант на основную специальность. Мне пришлось идти по второй специальности. Хотя я не особо владела английским и не планировала в будущем этим заниматься.

- Вначале, мне главное было поступить на грант. Я окончила профессиональное обучение.

- Я закончила ту специальность, которую хотела.

-Я окончил по специальности «пожарный инспектор». Но, к сожалению, не работаю по специальности, так как для трудоустройства там нужны знакомства. В будущем планирую окончить по другой специальности.

- Я выбрала специальность дефектолога отталкиваясь от её востребованности.

- Выбрала эту специальность из-за гранта. Но у меня появился

Продолжение таблицы № 2.1

	<p><i>интерес к моей специальности по мере прохождения учебы.</i></p> <ul style="list-style-type: none"><i>- Я долго выбирал свою специальность и считаю, что нужно работать по выбранной специальности в будущем. Поэтому я пошел на техническую специальность, а также меня устраивало цена обучения на эту специальность.</i><i>- Я выбрала специальность, отталкиваясь от гранта.</i><i>- Я выбрала специальность, о которой мечтала с детства. Филология английского.</i><i>- На мой выбор специальности повлияли родители и родственники.</i>
--	--

Подавляющее большинство опрошенных (69,8%) планируют работать по своей специальности после окончания учебы, а 10,4% уже работают и планируют продолжать работать в соответствии с полученным дипломом. В то же время, судя по полученным данным, некоторым респондентам еще предстоит найти дело своей жизни: 6,6% респондентов планируют получить дополнительное образование по другой специальности; 6,2% не планируют вообще работать по той специальности, которую сейчас получают или хотят сменить род занятий в будущем (5,4%). На основе полученных данных нельзя сделать вывод о причинах этих решений: результат ли это несамостоятельного выбора профессии или следствие появление новых форм деятельности и быстрой модернизации рынка труда. Возможно, присутствуют оба мотива, но это требует дополнительной проверки. Значимых различий между группами А, В и С в этом вопросе не отмечается.

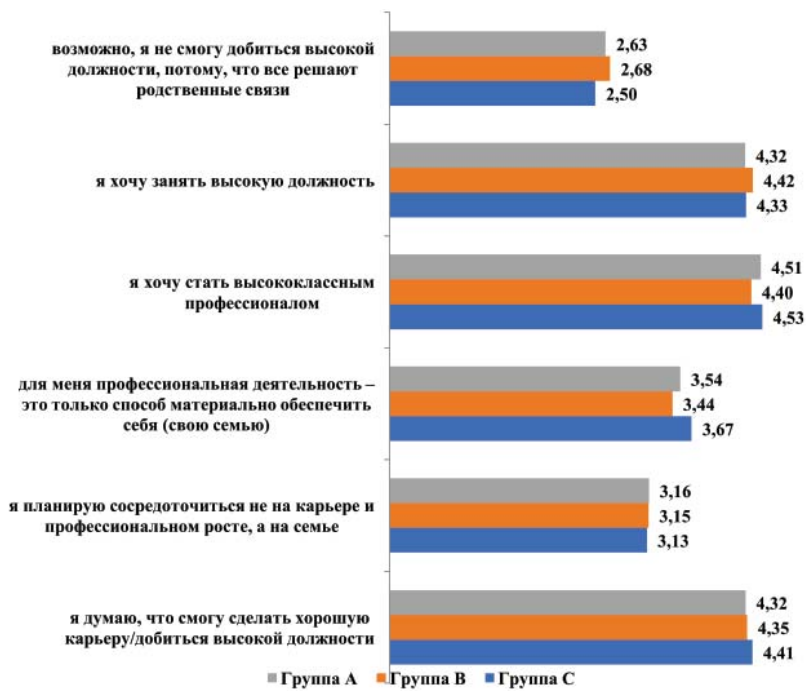

Рисунок 2.7 Сценарии профессиональной карьеры, средние оценки по группам

В отличие от XX века, когда для большинства людей существовала четкая последовательность – получить профессиональное образование, а затем работать по специальности всю экономически активную жизнь, сегодня образование тесно переплетается с трудовой деятельностью и, фактически, не прекращается с получением диплома. Тем не менее, для молодежи профессиональная карьера – это дело будущего. Каким они его видят?

Респондентов попросили оценить по 5-балльной шкале (где 5 баллов – полностью согласен, 1 балл – полностью не согласен) следующие высказывания, отражающие возможные варианты развития их профессиональной карьеры.

На рисунке 2.7 представлены средние оценки вероятных сценариев развития профессионального будущего, что позволяет вы-

явить максимальный уровень ожиданий респондентов по каждой из групп.

На диаграмме видно, что значимых различий между представителями разных групп практически нет. Лучше понять настроения респондентов помогает Обобщенный рейтинг ожиданий, который представлен в таблице 2.2:

Таблица 2.2 Рейтинг карьерных ожиданий респондентов

Высказывания для оценки	Средний балл
Я хочу стать высококлассным профессионалом	4,47
Я хочу занять высокую должность	4,36
Я думаю, что смогу сделать хорошую карьеру/добиться высокой должности	4,35
Для меня профессиональная деятельность – это только способ материально обеспечить себя (свою семью)	3,52
Я планирую сосредоточиться не на карьере и профессиональном росте, а на семье	3,15
Возможно, я не смогу добиться высокой должности, потому что все решают родственные связи	2,62

Как мы видим, участники опроса настроены очень оптимистично, менее всего они согласны с тем, что не смогут подняться по карьерной лестнице, так как все решают родственные связи. К этому моменту мы еще вернемся при анализе следующих вопросов. Однако, нельзя не обратить внимание на то, что между двумя разными по смысловой нагрузке позициями, которые возглавляют рейтинг, минимальная разница в оценках. Хотя лидирует установка на профессионализм, немногим отстает от нее стремление к занятию высокой должности.

Как уже отмечено, эти векторы имеют разное смысловое наполнение: для развития социума важно наличие в нем профессионалов во всех областях деятельности, что, зачастую, может вступать в противоречие с чисто карьерными устремлениями: администрирование требует особых навыков и личностных характеристик, не

всегда совпадающих с профессиональными требованиями.

Если для подавляющего большинства респондентов так значимы будущие статусные достижения, то какие условия для продвижения по карьерной лестнице участники опроса считают важными или не важными?

Этот вопрос был задан в двух вариантах. Первый - Что, на Ваш взгляд, определяет продвижение по карьерной лестнице на государственной службе в современном казахстанском обществе? Второй - Что, на Ваш взгляд, определяет продвижение по карьерной лестнице в бизнесе в современном казахстанском обществе?

Для каждой изучаемой группы были рассчитаны два рейтинга наиболее важных условий продвижения по карьерной лестнице – на государственной службе (таблица 2.3) и в бизнесе (таблица 2.4):

Таблица 2.3 Рейтинг условий для продвижения по карьерной лестнице на государственной службе

	Группа А		Группа В		Группа С	
1	Креативность и инновационность мышления	19,5%	Лидерские качества	38,5%	Лидерские качества	33,05%
2	Хорошо развитые коммуникативные навыки	17,5%	Хорошо развитые коммуникативные навыки	38,0%	Хорошо развитые коммуникативные навыки	33,0%
3	Лидерские качества	17,0%	Креативность и инновационность мышления	32,0%	Креативность и инновационность мышления	30,0%
4	Уровень профессиональных компетенций	14,5%	Престижность вуза, который закончил(а)	31,0%	Умение произвести впечатление на работодателя/ начальника	22,0%
5	Умение произвести впечатление на работодателя/ начальника	13,5%	Уровень профессиональных компетенций	30,5%	Уровень профессиональных компетенций	20,0%

Продолжение таблицы № 2.3						
6	Престижность вуза, который закончил(а)	9,0%	Умение произвести впечатление на работодателя/ начальника	30,0%	Престижность вуза, который закончил(а)	19,0%
7	Родственные связи	7,0%	Родственные связи	20,0%	Родственные связи	12,0%
8	Способность выдавать чужие заслуги за свои достижения	2,5%	Способность выдавать чужие заслуги за свои достижения	13,0%	Способность выдавать чужие заслуги за свои достижения	9,0%

Таблица 2.4 Рейтинг условий для продвижения по карьерной лестнице

	Группа А		Группа В		Группа С	
1	Креативность и инновационность мышления	19,5%	Лидерские качества	38,5%	Лидерские качества	33,05%
2	Хорошо развитые коммуникативные навыки	17,5%	Хорошо развитые коммуникативные навыки	38,0%	Хорошо развитые коммуникативные навыки	33,0%
3	Лидерские качества	17,0%	Креативность и инновационность мышления	32,0%	Креативность и инновационность мышления	30,0%
4	Уровень профессиональных компетенций	14,5%	Престижность вуза, который закончил(а)	31,0%	Умение произвести впечатление на работодателя/ начальника	22,0%
5	Умение произвести впечатление на работодателя/ начальника	13,5%	Уровень профессиональных компетенций	30,5%	Уровень профессиональных компетенций	20,0%
6	Престижность вуза, который закончил(а)	9,0%	Умение произвести впечатление на работодателя/ начальника	30,0%	Престижность вуза, который закончил(а)	19,0%

<i>Продолжение таблицы № 2.4</i>						
7	Родственные связи	7,0%	Родственные связи	20,0%	Родственные связи	12,0%
8	Способность выдавать чужие заслуги за свои достижения	2,5%	Способность выдавать чужие заслуги за свои достижения	13,0%	Способность выдавать чужие заслуги за свои достижения	9,0%

Рейтинги условий успешной карьеры в бизнесе и на государственной службе практически идентичны. Нужно учитывать, что у абсолютного большинства респондентов еще нет большого опыта самостоятельной активности в этих сферах, а значит, мы видим только отражение их воззрений на то, как добиться успеха.

В верхней строчке обоих рейтингов заметно расхождение во мнениях между представителями группы А, с одной стороны, и представителями групп В и С – с другой. Коренные горожане, в большей степени, делают ставку на креативность и инновационность мышления, в то время как выходцы из сельской местности отдают предпочтение лидерским качествам. Можно предположить, что в этом находит отражение попытка компенсировать меньшие информационно-развивающие возможности в раннем детстве (сельская местность) целеустремленностью и напористостью, которые являются неотъемлемой частью качеств лидера.

Кроме того, группе А свойственно ставить уровень профессиональных компетенций выше, чем престижность вуза, который закончил(а) (группа В) или умение произвести впечатление на работодателя/начальника (группа С).

В чем представители всех групп единодушны, так это в том, что родственные связи и способность выдавать чужие заслуги за свои достижения имеют наименьшее значение для успешной карьеры в современном казахстанском обществе. Хочется верить, что для этого поколения молодых казахских горожан дальнейшая социально-экономическая деятельность не станет поводом к разочарованию.

Социальный оптимизм звучал и в ответах участников фокус-групп:

— *Это зависит от самого человека. Если ты специалист сво-*

ей профессии, то все двери для тебя открыты.

— Я думаю, первое нужно желание. И знания своей работы. Связи и знакомства особого значения не имеют

— Главное, нужно высшее образование, а также свои личные навыки.

— У нас есть все возможности для карьерного роста и построения бизнеса.

— По моему мнению, главное любить то дело, которым ты занимаешься и будет тебе успех.

— Даже если дурака со знакомыми посадить директором, то он все там разрушит. Поэтому я считаю, нужны знания и опыт.

— Я думаю, что достичь успеха в карьере можно, для этого нужно дисциплинированность, трудолюбие и терпеливость.

— Можно достичь успеха в карьере, если есть талант. Я лично хорошо рисую и хочу добиться успеха с помощью этого таланта.

— Да я согласна, что можно достичь успеха в карьере благодаря своим усилиям.

Однако, были озвучены и другие точки зрения:

— В нашей стране работают все методы для карьерного роста. Коррупция, знакомства и личные качества. Если есть все в купе, то ты сразу станешь директором.

— Главное зависит от самого человека. Что касается связей, то они все равно нужны в любом месте.

— Я думаю, что с помощью своего образования и собственных усилий успеха достичь в нашей стране очень сложно. Потому что у нас царит коррупция, и на работу трудно устроиться без связей.

— Я считаю, что если есть знакомые, то нужно обязательно ими пользоваться для карьерного роста.

— Мне кажется, это зависит от выбранной специальности. Если в твоей специальности конкуренции, то без знакомств тяжело пробиться.

— По моему мнению, карьеру можно сделать только за границей или в мегаполисах. А в нашем городе тяжело построить карьеру.

— Без денег карьеру не построить

— Я думаю, что с помощью своего образования и собственных усилий успеха достичь в нашей стране очень сложно. Потому что у нас царит коррупция, и на работу трудно устроиться без связей.

— Я также считаю, что собственными силами очень тяжело достичь карьерного успеха в нашей стране. Везде берут на работу через связи.

Фактически, мнения участников фокус-групп разделились – вполне вероятно, что это отражение того модернизационного перехода, который происходит в стране: еще сильны традиции клановости и трайбализма, характерные для доиндустриального этапа общественного развития, но уже пробивают себе дорогу новые ценности конкурентоспособности и профессионализма. Какая из тенденций станет преобладающей и определит будущее Казахстана, зависит от того, какой выбор сделает городская молодежь.

Выводы по сегменту «Ценности образования и карьеры»:

1. Половина участников опроса (самый выбираемый вариант) видят в профессиональном образовании возможность в будущем заниматься интересным и любимым делом, то есть ценности саморазвития в этом случае имеют превалирующий характер. Каждый пятый отметил, что профессиональное образование совмещает необходимость и личный интерес.

Однако, для каждого четвертого респондента профессиональное образование – это только необходимость, без которой они не смогут рассчитывать на занятие хорошей должности. В данном случае, можно говорить о значении ценностей выживания/безопасности. Вероятно, ценности этого типа имеют большое значение и для тех почти 5% опрошенных, кто указал, что, получая профессиональное образование, они лишь исполняли желание своих родителей.

2. Абсолютное большинство участников опроса рассчитывали или рассчитывают получить в процессе образования качественную подготовку, которая станет для них пропуском в мир экономической активности. «Корочки», как таковые, имеют ценность только для 11% респондентов. Можно предположить, что, если содержательная сторона образования имеет такое большое значение, в бли-

жайшем будущем мы увидим рост требований к качеству профессиональной подготовки уже не только со стороны государства, но и со стороны общества. Этот фактор может подстегнуть конкуренцию в сфере образовательных услуг.

3. Высокую значимость личного интереса и склонности к тому или иному виду деятельности подтверждает тот факт, что эти мотивы определяют выбор специальности почти половины участников опроса. Возможность учиться на гранте все еще входит в топ—3 основных причин, по которым респонденты выбирали профиль обучения, но мотив больших шансов на последующее трудоустройство и достойный уровень оплаты явно конкурирует с этим мотивом. В этой ситуации мы видим противоречие между краткосрочной мотивацией – «главное поступить, а там посмотрим», и долгосрочным планированием успешной профессиональной карьеры. Вероятно, это противоречие также является отражением сложного взаимодействия ценностей безопасности и ценностей развития.

Нельзя не отметить, что практика выбора специальности по совету родителей, других родственников сохраняется в очень незначительной степени.

4. Две трети участников опроса планируют работать по своей специальности после окончания учебы или уже работают и планируют продолжать работать в соответствии с полученным дипломом. В то же время каждый десятый (как минимум) или не собирается работать по полученной специальности, или планирует сменить род деятельности, получив дополнительное образование.

5. Участники опроса демонстрируют высокий уровень оптимизма по поводу развития своей профессиональной карьеры в будущем. Но, если для одних это достижение высот профессионализма, то другие видят успех в занятии высоких должностей. Оба вектора представлены в равной степени.

6. По поводу наиболее важных качеств, необходимых для профессиональной карьеры, заметно различие между группами: коренные горожане, в большей степени, делают ставку на креативность и инновационность мышления, в то время как выходцы из сельской местности отдают предпочтение лидерским качествам.

7. Мнения участников фокус-группы о перспективах успешной

профессиональной карьеры сегодняшней молодежи разделились: вполне вероятно, что это отражение того модернизационного перехода, который происходит в стране. В город, концентрирующем основные тенденции развития, эти противоречия проявляются особенно ярко.

Экономическое поведение. Независимо от степени успешности профессиональной карьеры, большую роль в самостоятельной экономической жизни играет экономическая и финансовая грамотность. Комплекс экономических ценностей (ориентиров) и практик формируют экономическое поведение граждан, что, в свою очередь, оказывает непосредственное воздействие на экономическую реальность государства. Поэтому целью следующих вопросов стало выявление уровня финансовой дисциплины респондентов и навыков распоряжения доходами и расходами, а также фокус потребления, характерный для исследуемых групп казахской городской молодежи.

Общеизвестным фактом является то, что многие казахстанцы столкнулись с проблемой невозврата потребительских кредитов: на осень 2020 года жители Восточно-Казахстанской области занимали третье место в антирейтинге просроченных платежей по банковским займам, первые места держат гг. Алматы и Нур-Султан.¹

В городах, где постепенно концентрируется значительная часть населения республики, с их соблазнами и быстрыми потребительскими кредитами, бывает сложно рационально оценить свои возможности и устоять перед соблазном легкого получения банковских кредитов. Ответы на следующий вопрос позволяют оценить отношение респондентов к практике получения заемных средств.

Три варианта ответа отмечались участниками опроса чаще всего:

- На лечение и форс-мажорные обстоятельства – 25,6%;
- На ипотеку (покупку жилья) – 23,2%;
- Кредитов не надо брать вообще – 21,0%.

1. Казахстанцы не возвращают кредиты – [Электронный ресурс] https://www.banker.kz/news/kazakhstanstsy-ne-vozvrashchayut-kredityprosrochka/?sphrase_id=319343 – (дата обращения 28.12.2021)

Рисунок 2.8 Отношение к кредитам

Необходимо отметить, что по оценкам специалистов, социально оправданными и экономически выгодными среди потребительских кредитов являются только кредиты на завершение строительства или покупку жилья. В этом случае, в среднесрочной и долгосрочной перспективе, кредит выгоден его получателю. Отдельно заметим, что брать кредиты на лечение или в условиях личного форс-мажора – крайне опасно, ведь в таких ситуациях человек становится особенно уязвимым, его жизненные перспективы теряют определенность и резко возрастают риски лишь усугубить ситуацию, попав в долговую яму. Тем не менее, именно этот вариант ответа стал самым выбираемым респондентами.

В свою очередь, каждый пятый участник опроса, считает, что кредитов не надо брать вообще. Такая крайняя позиция, несмотря на ее безопасность, может стать причиной упущенных возможностей.

При анализе ответов на этот вопрос оказалось, что значимых отклонений в позиции исследуемых групп не фиксируется. Но, выявилась интересная тенденция, которая по количественным значениям значительно превышает колебания мнений между представителями разных групп — самые большие различия выявляются, если рассмотреть полученные данные в разрезе гендерной принадлежности респондентов. Особенно заметна разница при распределении ответов по варианту «На ипотеку (покупку жилья)». *Девушки*

считают такой кредит оправданным значительно чаще, чем молодые люди.

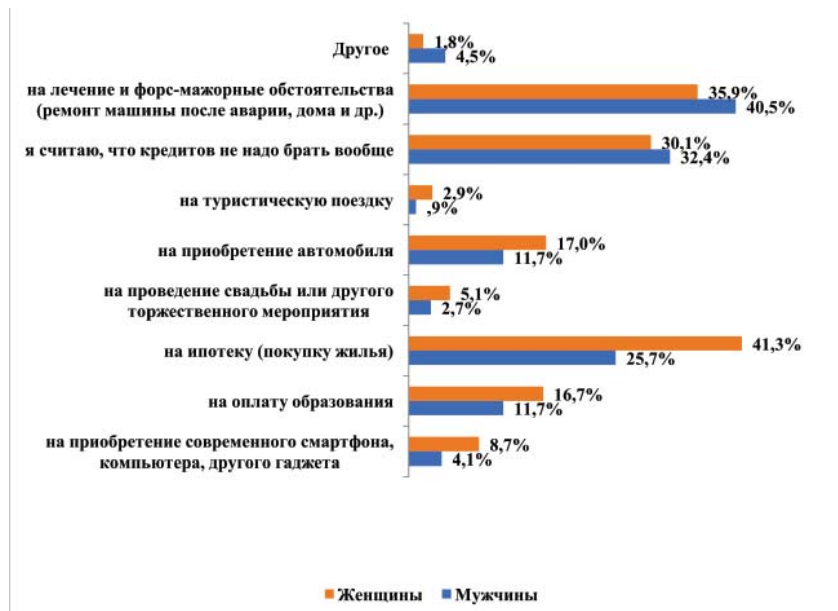

Рисунок 2.9 Отношение к кредитам, гендерный аспект

Разрушая устойчивые стереотипы, и кредит на приобретение автомобиля девушки указывали чаще. Ответы молодых людей преобладают лишь в позиции «*На лечение и форс-мажорные обстоятельства*».

Стоит отметить и тот факт, что кредиты на образование указывало небольшое число респондентов – не более 10% обобщенно. Вероятно, это связано с тем, что в Казахстане оплата образования в основном лежит на плечах родителей, в отличие от многих развитых стран, где практикуется получение и последующая выплата образовательных кредитов самой молодежью.

Вопрос о допустимости получения кредитов задавался и участникам фокус-групп. Ниже приведены наиболее показательные ответы.

Группа А:

— Кредит нужно брать только на жилье, образование и на бизнес, без остальных благ можно и обойтись. Вообще лучшие занимать у родственников, друзей на материальные блага, образование, курсы повышения и т.д.

— Кредит нужно брать только на жилье

— Только на жилье, движимое имущество и образование

— Если брать кредит, то нужно ответственно подойти к этому, когда ты знаешь, что можешь оплачивать его, но только в экстремальных ситуациях, например на здоровье.

Группа В:

— Только при острой необходимости на жилье и автомобиль. Но, в общем, я против кредитов на той и прочие.

— Я против кредитов.

— Я уже брал кредит. На технику и машину. Теперь вот на ипотеку думаю. А что касается кредитов на той, то я против.

— Я считаю, что кредиты брать не стоит. Если только на лечение или при острой необходимости

— Можно взять кредит только для ипотеки или открытия бизнеса.

— Кредит вреден для здоровья. Лучше подсобрать денег откладывая от заработка.

— Если есть острая необходимость, то я не против.

— В зависимости на какие цели берется кредит. Если это какая-то прибыльная вещь, то я не против.

В отличие от группы А, в ответах группы В достаточно отчетливо звучит негативное отношение к банковским кредитам. Отдельно делается акцент на неприятии кредитов «на той». Гипотеза, требующая дополнительной проверки: в сельской местности практика получения кредитов на проведение торжеств, встречается чаще, чем в городской (или эта практика более заметна в небольших населенных пунктах, где все на виду друг у друга) и это вызывает подобную реакцию у недавних выходцев из села.

Оборотной стороной проблемы кредитов является наличие или отсутствие способности откладывать часть денежных средств на будущие расходы – ведь, если можно накопить деньги, отпадает необходимость в кредитах. Но, наличие сбережений – это результат

развитых навыков и осознанного подхода к расходованию доступных средств. За последние годы в нашем государстве созданы условия, при которых большинство жителей городов имеют более или менее устойчивые доходы – заработная плата, социальные пособия, пенсии и другие легальные формы получения дохода. Это означает, что любой человек имеет возможность делать хотя бы не большие и не долгосрочные сбережения. Есть ли такой опыт у респондентов?

Судя по полученным ответам, большая часть участников опроса делают сбережения с разной степенью регулярности (78,0% суммарно по обобщенным данным). Интересно, что группа А заметно чаще других делает сбережения время от времени, а в регулярной практике эти респонденты отстают от представителей других групп, причем, это отставание носит значительный характер.

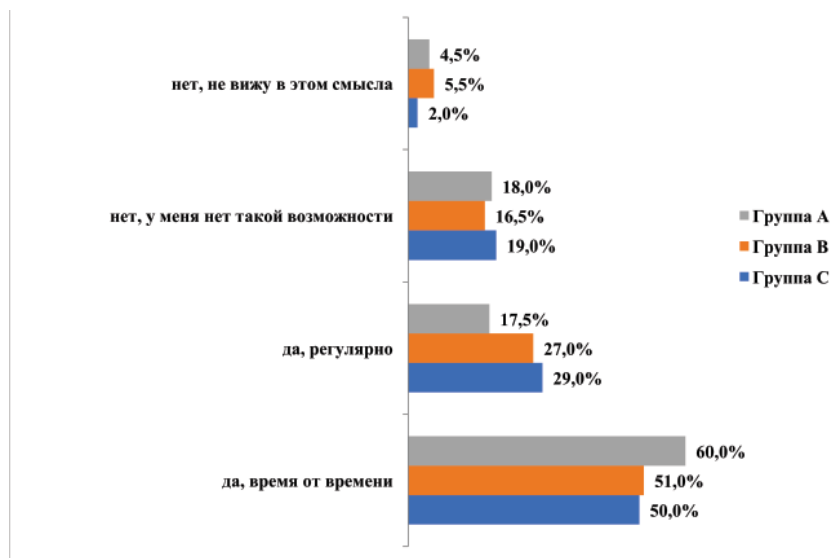

Рисунок 2.10 Практика финансовых сбережений

Интересно, что анализ ответов участников фокус—групп позволил выявить еще одно отличие в практике сбережения денежных средств.

Группа А:

— складывала в конверт по 4000, по совету преподавателя в университете

— так просто копила стипендию

— складывал мелочь в копилку

— не получается копить вообще, абсолютно

— 10% от заработка откладываю, хорошее настроение от накоплений появляется

— копил сбережения для обучения за границей

— откладывала на телефон, путешествия

— меняю деньги на доллары, чтобы не потратить тенге

— всей семьей копили деньги

— открыт депозит

— Жилстройсбербанк

Группа В:

— На данный момент из-за отсутствия стабильной работы я не делаю сбережения. Но если такая работа была бы, я в обязательном порядке откладывала, делала бы сбережения.

— Я не делаю не каких сбережений.

— Я откладываю свою стипендию, и считаю, что сбережения должны быть.

— Я также имею опыт накоплений.

— Я складываю деньги на депозит и на счёт в Жилстройсбербанке.

— На данный момент из-за отсутствия стабильной работы я не делаю сбережения. Но если такая работа была бы, я в обязательном порядке откладывала, делала бы сбережения.

— Я не делаю никаких сбережений.

— Я откладываю свою стипендию, и считаю, что сбережения должны быть.

— Я также имею опыт накоплений.

— Я складываю деньги на депозит и на счёт в Жилстройсбербанке.

Если участники группы В говорят о такой форме сбережения как банковский депозит, то среди ответов участников группы А можно встретить упоминания о других вариантах: например, откладывание небольших сумм наличными (копилка) или перевод

средств в валюту ради их сбережения. В этом случае можно говорить о своеобразной социально—экономической практике, характерной для определенной части городской молодежи.

Все, кто принял участие в исследовании — старше 14 лет, а значит, имеют право и возможность зарабатывать деньги самостоятельно. В каком возрасте участники опроса получили свой первый заработок?

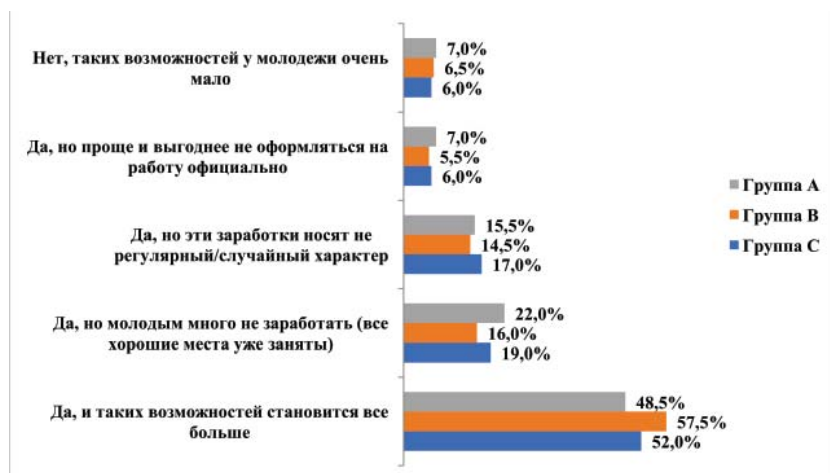

Рисунок 2.11 Оценка возможностей молодежи зарабатывать деньги

Как видно на рисунке 2.11, половина участников опроса во всех группах уверены, что возможностей для заработка у молодежи становится все больше.

Тех, кто придерживается противоположного мнения, совсем не много. Однако, многие отметили, что молодые люди не могут зарабатывать много и их заработки, зачастую, носят не регулярный характер. Сами по себе эти замечания не являются негативными характеристиками ситуации, а отражают объективное положение вещей. Во-первых, молодые люди часто совмещают работу с получением образования (этим может объясняться нерегулярность заработка), а, во-вторых, у большинства молодых людей еще от-

сутствует значительный профессиональный опыт, который бы позволил претендовать на более высокие заработки.

Мнения участников фокус-групп разделились. Внутри каждой группы есть те, кто считает: было бы желание, а работа найдется. В группе А сторонники этой точки зрения отмечают новые цифровые возможности для заработка молодых. Но, значительная часть респондентов в обеих группах отметила трудности, с которыми сталкиваются молодые люди при трудоустройстве: отсутствие профессионального стажа и опыта работы, которые требует работодатель, и, связанные с этим низкие заработки молодых специалистов.

Таблица 2.5 Оценка возможностей для экономической активности молодежи

Группа А	Группа В
<p>Для любого человека есть возможность заработать</p> <p>— Кажется, сейчас с 15—и лет возможно зарабатывать, цифровой мир как—никак</p> <p>— Молодым специалистам тяжело заработать по специальности, все требуют специалистов с опытом</p> <p>— Как молодой специалист я сейчас мало получаю</p> <p>— Молодежь может стать типичным блогером, можно найти онлайн работу в телефоне</p>	<p>— Я считаю, что можно, сейчас очень много шансов заработка через интернет для молодежи. Но не во всех сферах. Зависит от специальности</p> <p>— Сам я начал работать с 15 лет. Что касается заработка для молодежи, то все можно успеть и достичь, главное желание.</p> <p>— Я начала зарабатывать с 14 лет, будучи официантом. Главное желание.</p> <p>По моему мнению, в Казахстане возможностей заработать очень мало.</p> <p>— Как мне кажется, в нашей стране есть возможность заработать.</p> <p>— Возможностей заработать деньги мало, устроиться на работу по специальности очень трудно ведь просят стаж работы.</p> <p>— Молодежи очень трудно зарабатывать деньги.</p>

Последний вопрос этого блока носил открытый характер: *если*

бы у Вас были неограниченные финансовые средства, на чтобы Вы их тратили в первую очередь? Ответы на него позволили увидеть, на чем сфокусированы интересы и потребности респондентов. Условно можно выделить три группы ответов: фокус на личных/ семейных интересах и потребностях; фокус на общественных потребностях; фокус носит смешанный характер. Эти позиции не находятся в прямом противоречии друг другу, но их сравнение позволяет выделить ряд интересных особенностей.

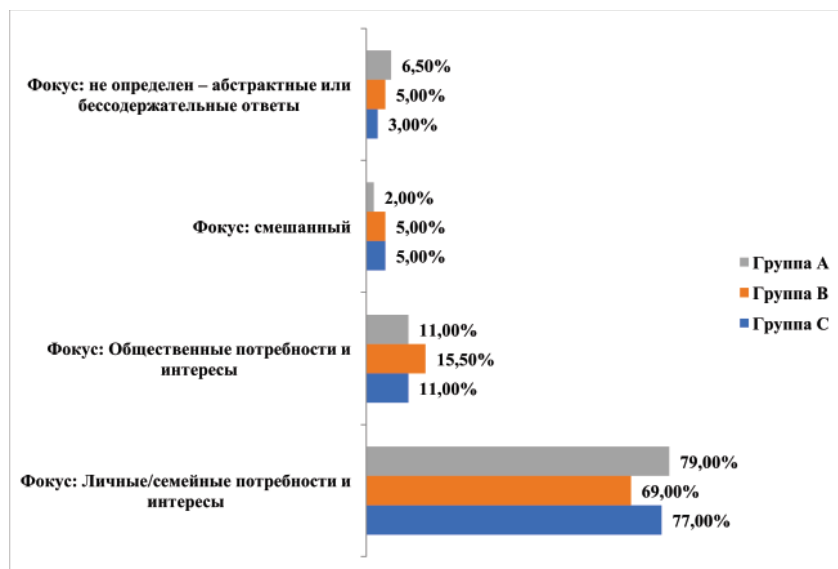

Рисунок 2.12 Первоочередные расходы

В первую очередь, необходимо отметить, что во всех группах фокус на личных/семейных интересах и потребностях безусловно доминирует. В то же время у респондентов группы В заметно более выражен фокус на общественных интересах. Это становится еще более явным, если суммировать ответы, сфокусированные на общественных потребностях и ответы, носящие смешанный характер. Тогда разница между группами А и В составит 7,5% (13,0% и 20,5% соответственно). Возможно, это косвенное проявление индивидуализирующего, атомизирующего влияния города. По-видимому,

разрушение традиционного образа жизни в какой-то мере снижает уровень социальной ответственности, что находит отражение в ответах респондентов. Однако, не стоит делать поспешных выводов об исключительно негативном характере этого процесса – данные, приведенные в Блоке Вовлеченность в общественно-политическое пространство, демонстрируют, как на место локальных интересов приходит интерес к глобальным событиям. Чтобы содержательное наполнение ответов стало более понятным, приведем некоторые из них.

Таблица 2.6 Фокусировка потребностей и интересов – личные/ семейные

Фокус: Личные/семейные потребности и интересы		
Группа А:	Группа В:	Группа С
<p><i>Все, чтобы моя семья ничем не ограничивалась, но это сказка</i></p> <p><i>Выезд за границу с семьей</i></p> <p><i>Купил бы родителям и себе огромный дом потом себе купил бы мото мечты</i></p> <p><i>На здоровье и обучение в Европе</i></p> <p><i>На получение пассивного дохода</i></p> <p><i>На приобретение кафе или ресторана</i></p> <p><i>На семью и бизнес и потом на хобби</i></p> <p><i>На создание инвестиционного портфеля</i></p> <p><i>Переезд в другую страну</i></p>	<p><i>Дом, машина</i></p> <p><i>Жилье и развитие бизнеса</i></p> <p><i>Жить хорошо</i></p> <p><i>Инвестиции</i></p> <p><i>Капиталовложение</i></p> <p><i>Купила бы акции в развивающиеся компании</i></p> <p><i>Купила бы квартиру</i></p> <p><i>Купить дом</i></p> <p><i>На благосостояние своей семьи</i></p> <p><i>На высшее образование</i></p> <p><i>На комфортные условия</i></p> <p><i>На путешествия</i></p> <p><i>На развитие личности</i></p> <p><i>На семью, вложение в бизнес</i></p>	<p><i>образование</i></p> <p><i>Для покупки недвижимости (квартиры, коммерческие помещения, земли), инвестиций, открытие собственного бизнеса, и для обеспечения безбедного существования родителям, братьям</i></p> <p><i>Купить дом</i></p> <p><i>Купить дом за границей</i></p> <p><i>Машина, путешествия, дом</i></p> <p><i>На развитие себя и своей семьи</i></p> <p><i>На самореализацию, учебу, творчество, досуг</i></p> <p><i>Путешествие и образование</i></p>

<i>Продолжение таблицы № 2.6</i>		
<i>Путешествия, квартиры, дома, машины</i>	<i>На старт ап и его развитие</i>	<i>Сначала бы на одежду и еду потому, что я в этом нуждаюсь потом уже на реализацию того, к чему стремлюсь Уехать из Казахстана Я хочу забрать своих родителей в Мекку, а если у меня много денег, я хочу забрать всю свою семью;</i>

Как видно из приведенных примеров, мечты молодежи из разных групп мало чем отличаются друг от друга. Практически все говорят о потребностях своей семьи (родителей), что дополнительно подтверждает значимость этого института. Перечень материальных желаний также идентичен: жилье (квартира, дом), транспортные средства (машина), комфортабельные условия жизни. Неоднократно говорится о саморазвитии и образовании. Отдельно нужно отметить мечты, связанные с предпринимательской деятельностью – создание и развитие нового собственного бизнеса или инвестиции в существующий (видимо, имеется в виду чужой успешный бизнес). Пожалуй, единственно важное отличие – в группе А дважды упоминается отъезд за границу. Подобный мотив встречается и в других группах, но в ином фокусе и контексте.

Таблица 2.7 Фокусировка потребностей и интересов – общественные

Фокус: Общественные потребности и интересы		
Группа А:	Группа В:	Группа С
<i>Благотворительная деятельность В страну Для малообеспеченных</i>	<i>На помощь людям На улучшение своего села и школы Отдаю родителям, детскому дому,</i>	<i>Благотворительная деятельность Благотворительный фонд В помощь животным</i>

Продолжение таблицы № 2.7

<p><i>семей</i> <i>На развитие</i> <i>инфраструктуры</i> <i>На развитие</i> <i>технологий и</i> <i>инновационные</i> <i>проекты на</i> <i>кикстартере</i> <i>На развитие</i> <i>экономики</i> <i>и благотвори-</i> <i>тельность</i></p>	<p><i>мечети на благотвори-</i> <i>тельность</i> <i>Мечети в медресе,</i> <i>а затем в детские</i> <i>дома для бездомных и</i> <i>престарелых.</i> <i>Кульки для детей—</i> <i>сирот, чтобы</i> <i>взять родителей</i> <i>в паломничество</i> <i>в Мекку, помочь</i> <i>одиноким родителям.</i> <i>Помощь</i> <i>нуждающимся</i> <i>Утилизация мусора и</i> <i>очистка городов</i> <i>Я сделаю все</i> <i>возможное, чтобы в</i> <i>первую очередь помочь</i> <i>нуждающимся,</i> <i>детскому дому, дому</i> <i>престарелых и так</i> <i>далее.</i> <i>Я бы построил дома</i> <i>для очень бедных</i> <i>семей.</i></p>	<p><i>и пожилым</i> <i>Короче я бы их</i> <i>потратила людям</i> <i>с ограниченными</i> <i>возможностями</i> <i>Сиротам</i></p>
--	--	--

В фокусе общественных интересов обращает на себя внимание, что благотворительные устремления респондентов из группы А носят достаточно общий, размытый характер: инфраструктура, экономика, в целом благотворительная деятельность. Респонденты групп В и С более конкретны: улучшение своего села и школы, помощь детским домам и домам престарелых, решение экологических проблем (утилизация мусора), поддержка людей с ограниченными возможностями. В группе В, в связи с благотворительной деятельностью, отчетливо видна связь с религиозными институтами, которые ни разу не упоминаются в группах А и С. Именно здесь появляется упоминание о поездке (не отъезде) за границу, но речь

идет о религиозном паломничестве.

В ответах смешанного фокуса повторяются в различных вариациях уже отмеченные выше темы.

Таблица 2.8 Фокусировка потребностей и интересов – смешанные

Фокус: Смешанный		
Группа А:	Группа В:	Группа С
<p><i>На исполнение своих желаний и желаний родителей, так же благотворительность</i></p> <p><i>На свои потребности и фонды благотворительности</i></p> <p><i>На свою семью и благотворительность</i></p> <p><i>Сделать пожертвование, помочь людям, затем моей семье, родственникам, друзьям и, наконец, себе, то есть записать песню и снять музыкальный клип</i></p>	<p><i>Решить социальные проблемы (нехватку денег в семье) открыть бизнес, полезный обществу, решить все проблемы.</i></p> <p><i>Я хочу быть полезным нашему обществу</i></p> <p><i>Поднял бы себя и свою семью, но самое главное на улицах нашей страны не было бы бездомных и у каждого человека был шанс иметь работу, идей миллион, но это не воплотимые мечты</i></p> <p><i>На помощь приютам для животных! На себя и семью. На родителей.</i></p> <p><i>На образование, на обеспечение родственников и помощь другим нуждающимся людям</i></p>	<p><i>Я бы купила большой дом для сирот, а потом для мамы</i></p> <p><i>Я бы поддержал бедную семью и в будущем открыл бы бизнес.</i></p> <p><i>Инвестиции в себя и в бизнес, а ещё бы построила приют для бездомных людей</i></p>

Выводы по сегменту «Экономическое поведение»:

1. Отношение к банковским кредитам скорее негативное, прибегать к такой практике, по мнению респондентов, стоит лишь в определенных ситуациях: покупка жилья (ипотека), форс-мажорные обстоятельства. Выходцы из сельской местности (группа В) четко артикулируют отрицательное отношение к кредитам на

проведение торжеств.

2. Представители группы А (коренные горожане) заметно чаще других делает сбережения время от времени, а в регулярной практике эти респонденты отстают от представителей других групп, причем, это отставание носит значительный характер. Для этой группы также более характерны разнообразные подходы к форме сбережений. Не только депозиты, о которых говорят представители всех групп, но и накопление мелкой наличности, и перевод средств в иностранную валюту как способ сбережения.

3. Оценка сегодняшних возможностей казахстанской молодежи в аспекте заработков носит двойственный характер: с одной стороны, респонденты отмечают рост таких возможностей как следствие развития сервисной сферы и цифровой экономики, с другой – говорят о проблемах трудоустройства по причине отсутствия «входного билета» на рынок труда, которым выступает профессиональный стаж и, связанную с этим недоступность высоких доходов для молодых специалистов.

4. Интересы большинства респондентов сфокусированы на удовлетворении личных и семейных финансовых потребностей. Лишь небольшая часть демонстрирует желание принять личное участие в решении общественно значимых проблем и в этой части преобладают представители группы В.

Религиозный выбор, религиозные ценности и практики.

Религиозные установки могут играть важную роль в жизни личности, определять и оформлять систему ценностей, влиять на поведение в различных общественных сферах: семейные отношения, экономическая активность, политические предпочтения и т.д. В то же время мы живем в условиях светского государства, религиозной толерантности и свободы совести, когда религиозный выбор человека может заключаться в отказе от религиозных убеждений, а его нравственные и моральные ценности могут базироваться на рационально-научной основе.

Довольно часто в массовом сознании понятия «вера» и «религия» воспринимаются, как тождественные. Это смещение может порождать как проблемы с собственной религиозной идентичностью, так и конфликты или непонимание в сфере социальных от-

ношений.

Разобраться с различиями между этими понятиями, действительно, бывает сложно. Однако, вдумчивое обращение к специальным источникам позволяет это сделать самостоятельно. Например, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Вера, 1890–1907), дает такое определение– «Вера (филос.) означает признание чего-либо истинным с такою решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формально-логических доказательств». Из этого определения становится ясно, что вера в божество, то есть, собственно, религиозная вера – это один из частных случаев. Более того, фактически неверующих людей, по-видимому, не существует. Каждый верит во что-то, причем, на разных этапах жизни объект веры может меняться.

В свою очередь, религиозность «- качество индивида или группы, проявляющееся в вере и поклонении священному и/или сверхъестественному на уровне сознания, поведения и отношений как в религиозных, так и нерелигиозной сферах». ¹

Не сложно заметить, что если вера – это, в первую очередь, достаточно постоянное внутреннее эмоционально окрашенное переживание, то религиозность в большей степени ориентирована на внешние социальные проявления. Таким образом, практически каждый человек может быть верующим (не обязательно в бога или иные сверхъестественные персонифицированные или не персонифицированные силы), но не обязательно эта вера соотносится с какой-то конкретной религиозной системой. В то же время человек может достаточно строго соблюдать внешние требования религии, не испытывая при этом глубоких внутренних переживаний. Бывает и так, что, следуя «букве», человек не слишком задумывается о «духе». Можно сказать, что вера – это сфера нравственности и носит сугубо индивидуальный характер, а религиозность – это сфера морали с четко выраженными общественными характеристиками. Безусловно, вера и религиозность могут сочетаться в конкретном человеке, но это не является обязательным правилом или условием.

Чем выше уровень открытости сознания с одной стороны, и навыки рефлексии с другой, тем больше личность склонна к раз-

1. Социологический словарь. – М., 2008. - С.389–390.

личению этих понятий, как в себе, так и в других людях.

Чтобы определить, какой религиозный выбор делает современная казахская городская молодежь и какую роль в ее жизни играет вера и религия, респондентам был задан ряд специальных вопросов.

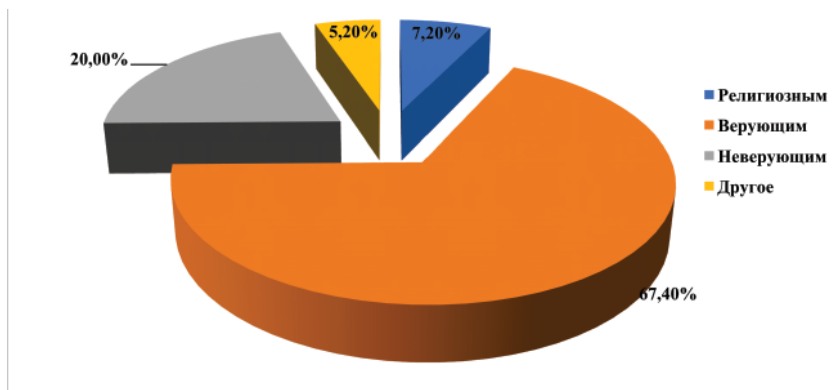

Рисунок 2.13 Самоопределение отношения к религии:
«Я себя считаю человеком...»

Как видно на рисунке 2.13, представляющей обобщенные данные, религиозными людьми себя считает лишь небольшая часть опрошенных. При этом, более половины определяет себя как «верующих». Каждый пятый респондент выбрал вариант «неверующий». Среди тех, кто выбрал вариант «другое» — часто встречается самоопределение «агностик» (1,2% из 5,2%). Сохраняется ли такое соотношение во всех трех группах?

Таблица 2.9 Религиозная самоидентификация студентов

	Группа А	Группа В	Группа С
Религиозный	8,0%	7,5%	5,0%
Верующий	62,8%	69,0%	74,0%
Неверующий	24,6%	17,0%	17,0%
Другое	4,5%	6,5%	4,0%

Сравнение по группам выявляет значимые отклонения по двум позициям – «верующий» и «неверующий». Самое большое число (каждый четвертый) определивших себя как «неверующие» — в группе А, то есть, среди коренных горожан. А самое большое число отметивших вариант «верующий» — в категории респондентов, чья социализация проходила в разных условиях: детство в сельской местности, а старшие школьные годы – в городской среде. Интересно, что «агностиками» себя назвали по два респондента в каждой из трех групп.

Респондентов также попросили определить, на чем основан их религиозный выбор. В этом вопросе обобщенные данные показывают основную роль национальных и семейных традиций (67,9% суммарно). Следующим, по частоте, вариантом стал «личный опыт» — 17,0%, а «научные знания», как основу религиозного выбора, отметили 7,0% участников опроса.

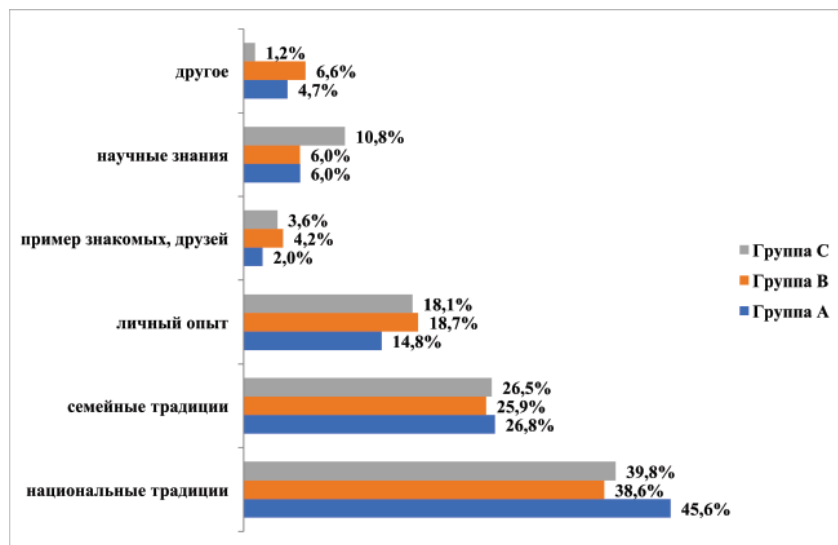

Рисунок 2.14 Основание религиозного выбора

Судя по полученным данным, именно национальные (не семейные) традиции определяют религиозный выбор наибольшего

числа молодых городских казахов. Особенно это характерно для группы А – почти половина респондентов. В этом контексте обратил на себя внимание ответ респондента из группы В – «против своей семьи». Одним из возможных направлений исследования в будущем могут стать внутрисемейные отношения в сфере религии.

Как уже отмечалось выше, большая часть респондентов определяет себя как «верующие». С какими конкретными практиками они соотносят это понятие?

В первую очередь, необходимо отметить, что на этот вопрос не отвечали те респонденты, которые определили себя как «неверующие», однако, чтобы сохранить сопоставимость данных, их ответы были учтены как «системно пропущенные». В результате мы видим, что среди тех, кто определил себя как «верующих», еще 15,4% участников опроса отметили, что не принимают никакого участия в религиозной жизни, то есть их отношение с верой полностью не институциональны. Больше трети опрошенных (35,8%) практикуют лишь отмечание некоторых религиозных праздников, то есть их религиозная жизнь носит, по сути, внешний, «социально—декоративный» характер. Таким образом, только четвертая часть респондентов (26,2% суммарно) следуют определенным религиозным практикам в повседневной жизни.

В аспекте принадлежности к изучаемым социально-демографическим группам значимые различия не выявляются.

Рисунок 2.15 Участие в религиозной жизни.

Значимое отличие между группами респондентов фиксируется в позиции «Регулярно посещаю храм (мечеть, церковь и т.д.)». Выбор этого варианта ответа в группе С в два раза выше, чем в группах А и В (таблица 2.10).

Таблица 2.10 Характер религиозного участия

	Стараюсь соблюдать все требования религии в повседневной жизни	Отмечая некоторые религиозные праздники	Регулярно посещаю храм (мечеть, церковь и т.д.)	Регулярно общаюсь и советуюсь с духовным наставником/священнослужителем	Я не принимаю участия в религиозной жизни	Другое	Итого
Группа А	20,0%	49,3%	6,0%	1,3%	19,3%	4,0%	100,0%
Группа В	25,3%	42,8%	7,8%	3,0%	18,7%	2,4%	100,0%
Группа С	21,7%	41,0%	12,0%	2,4%	20,5%	2,4%	100,0%

Очень схожую ситуацию по всем вопросам этого блока фиксируют данные фокус-групп. В двух категориях опрошенных (группы А и В) по два человека назвали себя «агностиками» или «атеистами». Однако то, как формулировали свою позицию участники фокус-групп, позволяет предположить, что агностицизм как мировоззрения распространен среди казахской городской молодежи более широко (таблица 2.11).

Таблица 2.11 Религиозная самоидентификация участников фокус-групп

Группа А	Группа В
— <i>отношусь к агностику</i> — <i>не углубляюсь в веру, не</i>	— <i>Я себя считаю агностиком. Я еще не готова к чистой вере.</i>

Продолжение таблицы № 2.11

<p>считаю себя религиозным — верующий — религиозный без экстремизма, без фанатизма — верующий и в бога, и в аллаха, и в будду и т.д. — не знаю, к какой вере отношусь — атеист — не религиозен, но верующий, нужно во что-то верить — бог один, он один и надо верить в него, но больше верить в себя и делать все самому — верю в галактику, но не верю в религию — верующий, но не 100%—й — религиозен, чем больше проживаю, тем больше верю в ислам.</p>	<p>— Я считаю себя верующей. Но не фанатиком. — Я считаю себя верующим человек. Это мой личный выбор. — Я верующая, придерживаюсь большинства религиозных обрядов — Я верующая мусульманка, но ничего не имею против остальных религий. — Я верующая, но не выполняю религиозные обряды. — Я верующий мусульманин. Это привито мне с детства от моих родителей и бабушки с дедушкой — Я верующая, верю в религию. — Я не считаю себя религиозной, но считаю себя верующей. Верю в силу желания, так принято у нас в семье. — Я религиозный человек, но не выполняю всё постулаты. — Я атеистка, думаю, что нужно полагаться на науку. — Я верующая, но не выполняю религиозные обряды.</p>
---	--

Те, респонденты, которые позиционировали себя как «верующих», объясняли свой выбор семейными и национальными традициями: «Родители ходят в мечеть, и я с ними»; «Все казахи мусульмане, поэтому я тоже к этому пришел»; «Вера основана на социуме, множество друзей—казахов повлияли на взгляд на религию».

Для тех, кто придерживается более светских взглядов, характерны другие высказывания: «Собственный опыт»; «Моя семья религиозна, но я атеист, это говорит о том, что выбор религии — это не влияние семьи. Я просто не верю, что кто-то там есть и он решает нашу судьбу. Сам лично к этому пришел»; «Нет фактов, доказательств религии»; «Моя семья все верующие, но я еще не пришла»; «Критический взгляд на религию»; «Изучение разных религий».

Выводы по сегменту «Религиозный выбор, религиозные ценности и практики»:

1. Очень небольшое число респондентов (менее 10,0%), определяя свое отношение к вере и религии, выбрали вариант «религиозный человек». Каждый пятый назвал себя «неверующим», а большинство участников опроса и фокус-групп идентифицируют себя как «верующих». Однако, судя по словам участников фокус-групп, понятие «верующий человек» для многих имеет различные смысловые оттенки, значительная часть фактически является агностиками, даже если так себя не называет.

2. Для тех, кто относит себя к категории религиозных или верующих людей, основной причиной такого выбора являются семейные и национальные традиции. Основаниями для другого выбора служат: личный опыт и жизненные наблюдения, изучение и сравнение различных религиозных течений.

3. Для подавляющего большинства респондентов (не считая тех, кто отнес себя к неверующим) участие в религиозной жизни сводится к отмечанию отдельных религиозных праздников, регулярное посещение мечети и строгое соблюдение религиозных требований для современной казахской городской молодежи – это скорее исключение, чем правило. Таким образом, религиозная жизнь подавляющего большинства респондентов носит не институциональный, социально-ориентированный, по сути, «декоративный» характер.

Вовлеченность в общественно-политическое информационное пространство. Формирование гражданской позиции и вовлеченность в общественно-политическое пространство – это одно из объективных следствий развития урбанизационного вектора развития.¹

Данная закономерность имеет универсальный характер и подтверждается всем ходом мировой истории. Можно ли в степени интереса к общественно—политическим событиям различного уровня увидеть отражение процессов городской социализации?

1. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине: (elementa philosophica de cive) / Томас Гоббс; пер. с лат. В. Погосского; с предисл. С. А. Котляревского. - М.: [Тип. и цинк. торг. дома Мысль], 1914. - XXIV, 269 с.

В задачи данного исследования не входит определение уровня политической активности респондентов, но ответы на следующие вопросы позволяют получить дополнительную информацию об их ценностных ориентирах и фокусе их политических интересов: *интересуетесь ли Вы событиями в общественно-политической жизни Вашего города, области Казахстана, других стран?*

При анализе этих данных был применен метод поляризации: то есть учитывались ответы, отражающие крайние позиции «*Да, постоянно*» и «*Нет, практически не интересуюсь*». Такой подход позволяет более четко выявить различия между группами и зафиксировать возможные тенденции. Ниже приведены две диаграммы, отражающие полярные позиции: высокая степень интереса к общественно-политической жизни и отсутствие интереса к ней.

Самый низкий уровень вовлеченности в общественно-политическую жизнь демонстрируют представители группы С. Гипотеза, которая нуждается в дополнительном изучении: возможно, промежуточное, по сути, маргинальное, состояние представителей этой группы (детство в сельской местности, последующая социализация в городской среде) не позволяет сформироваться достаточной мотивации для активного включения в общественно-политическое пространство. Это может свидетельствовать о наличии потенциального риска вовлечения в стихийные политические движения и акции – низкий уровень осведомленности об общественно-политических событиях служит питательной средой для некритичного восприятия популистских и радикальных лозунгов, а общественно-политическая апатия легко сменяется всплеском неконтролируемой социальной агрессии.

В зависимости от того, идет ли речь о событиях внутри страны или за ее пределами, представители группы А и В проявляют разный уровень заинтересованности. Интерес к общественно-политическим событиям на городском, областном и республиканском уровне более характерен для респондентов из группы В. Это можно трактовать как результат остро переживаемого перехода от статуса сельского жителя к статусу горожанина, что происходит, в том числе, через активизацию гражданской позиции. Потребность чувствовать себя сопричастным с общественно-политическими со-

бытиями жизни города сливается с потребностью сопричастности с жизнью страны.

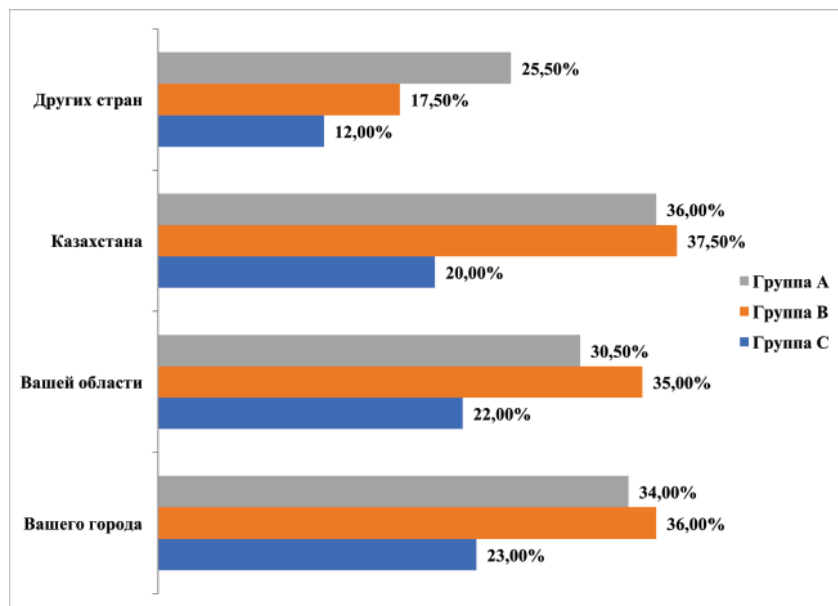

Рисунок 2.16 Активный интерес к общественно-политической жизни

Как уже отмечалось выше, понятия «горожанин» и «гражданин» имеют глубокую и органичную внутреннюю связь. Коренные горожане, в силу социализации в условиях урбанизма, воспринимают свой гражданский статус как нечто, само собой разумеющееся. Поэтому, они идут в своем общественно-политическом развитии дальше — их интересы уже выходят за пределы одного государства, глобализация оказывает на них более мощное воздействие.

Это особенно заметно, если сравнить количество ответов, характерных для представителей этой группы, соответствующих позициям «Да, постоянно интересуюсь событиями общественно-политической жизни других стран» (25,5% — каждый четвертый) и «Нет, практически не интересуюсь событиями общественно-политической жизни других стран» (9,5%). В других группах этот

аспект выглядит совсем иначе: группа В – 17,5% и 12,5%, группа С – 12,0% и 17,0% соответственно.

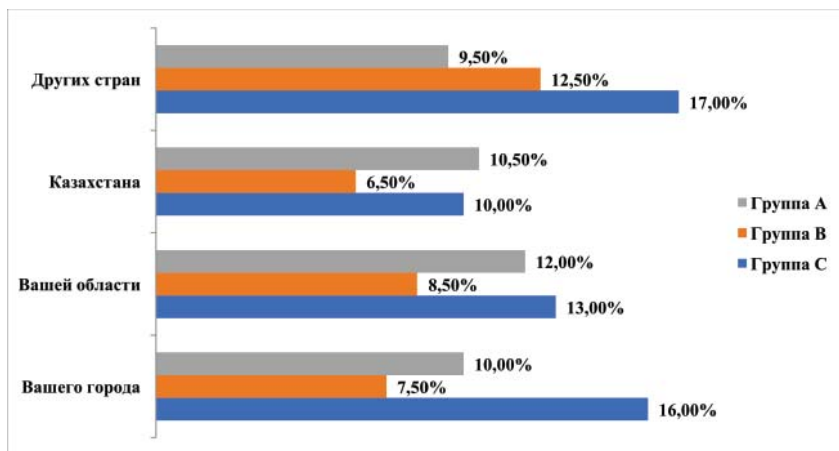

Рисунок 2.17 Отсутствие интереса к общественно-политической жизни.

Выводы по сегменту «Вовлеченность в общественно-политическое информационное пространство»:

1. Коренные горожане (группа А) и лишь недавно приехавшие в город (группа В) проявляют довольно высокий уровень интереса к общественно-политической жизни, что характеризует их как группы с активно формирующейся гражданской идентичностью. Однако, структура этого интереса различна – если группа обращает особое внимание на события за пределами страны, то интерес группы В сконцентрирован на региональных и республиканских общественно-политических событиях.

Самые низкие показатели интереса к общественно-политическим событиям любого уровня фиксируется у респондентов группы С — возможно, промежуточное, по сути, маргинальное, состояние представителей этой группы (детство в сельской местности, последующая социализация в городской среде) не позволяет сформироваться достаточной мотивации для активного включения в общественно-политическое пространство.

Миграционные установки. Одной из характерных черт современного Казахстана является высокий уровень внутригосударственной мобильности (межрайонные миграции). Основной вектор этой мобильности задают процессы урбанизации. В первую очередь, в эти процессы вовлечена казахская молодежь.

Процесс внутренней миграции с четко выраженным урбанизационным вектором – не новость для Казахстана. Достаточно активное переселение казахов (еще недавно – в основном сельских жителей) в города начинается в 70-80-е годы XX века. В 90-е годы, период становления суверенного Казахстана, этот процесс быстро активизируется. Сегодня отъезд молодежи из села в город уже воспринимается не только как обычное явление, но и как наиболее желательный сценарий и для самих молодых людей, и для их родителей, которые еще остаются в сельской местности. В результате внутренняя миграционная подвижность населения стала нормой, характеризующей социально-экономическое и социокультурное развитие страны.

Но, миграционный потенциал не ограничивается только перемещением внутри страны. С распадом СССР открылись и внешние границы, возникли и реализуются новые и разнообразные формы внешних миграций: учебные, экономические, культурные и т.д.

В XXI веке межгосударственная мобильность приобрела характер глобального тренда. Миграционные потоки приобрели разнообразную форму и имеют различный причинный характер. При всей сложности миграционных процессов можно выделить два основных типа, обусловленных определенными социальными факторами: 1) миграции, в основе которых лежит осознанное опасение за личную безопасность, стремление к выживанию – такие мигранты, по сути, являются беженцами; 2) миграции, в основе которых лежит осознанное стремление улучшить экономическое положение, достичь более высокого социального статуса, добиться более полного раскрытия личностного и профессионального потенциала, расширить свой культурный кругозор – то есть, решение об отъезде в другую страну продиктовано ценностями развития.

Определить, каковы миграционные мотивы и установки сегодняшней казахской городской молодежи – задача этого блока вопро-

сов. Участникам исследования был задан ряд вопросов, ответы на которые призваны выявить не только уровень потенциальной миграционной мобильности, но и ее характер (внутренняя или внешняя) и тип факторов, которые ее инициируют – ценности безопасности или ценности развития.

Первый вопрос в этом блоке был сформулирован следующим образом: *при каких обстоятельствах Вы бы уехали из страны?* Важно отметить, что вопрос носит гипотетический характер, а миграционный потенциал далеко не всегда реализуется в реальную миграционную активность.

На диаграмме, приведенной ниже, отчетливо видно значительное расхождение в ответах по варианту *«Я не уеду из своей страны ни при каких обстоятельствах»*. Число тех, кто отметил этот вариант в группе В в три раза, превышает число тех, кто отметил этот вариант в группе А (15,5% и 5,0% соответственно). То есть, установки на внешнюю миграцию выражены в группе А сильнее, чем в группе В.

Если говорить о мотивах отъезда, то во всех группах лидируют варианты, соотносимые с ценностями развития:

— возможность хорошо зарабатывать (среднее значение 52,5%);

— возможность получить хорошее образование (среднее значение 31,3%);

— если в другой стране я смогу добиться большего успеха (среднее значение 35,1%).

Реже всего указывался вариант, отражающий ценности безопасности:

— риск подвергнуться преследованиям по политическим, религиозным, этническим или другим причинам (7,8%).

Сам по себе такой результат не может не радовать – ведь он однозначно указывает на крайне низкий уровень ожидания реализации такого негативного сценария. Выросло новое поколение, которое не опасается репрессий и чувствует себя свободным, что говорит в пользу общего социально—политического климата в стране.

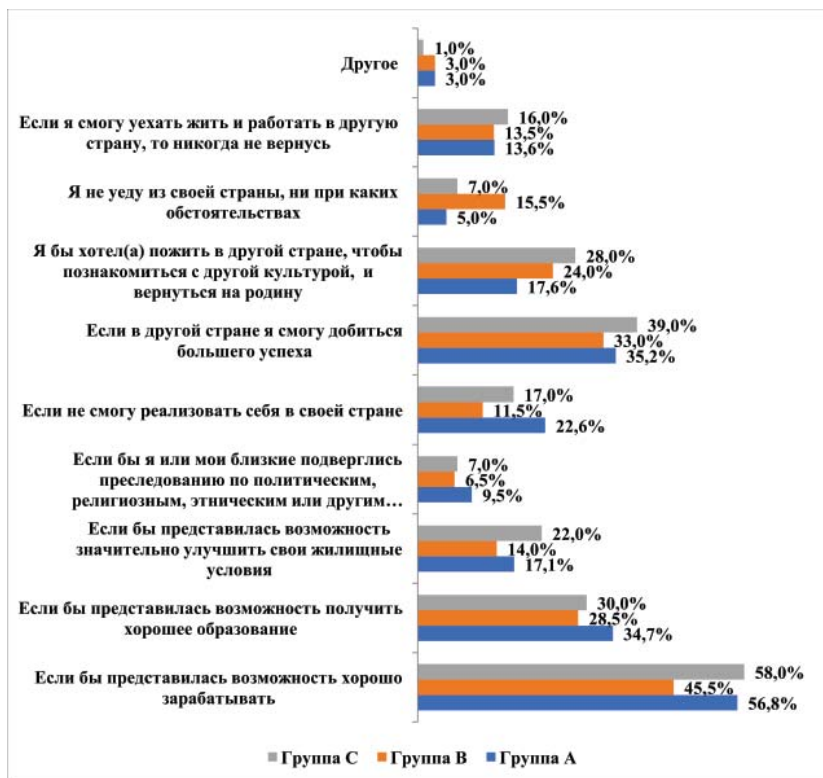

Рисунок 2.18 Обстоятельства возможного отъезда из страны

Разница в установках на внешнюю и внутреннюю миграцию подтверждается мнением участников фокус-групп. В сопоставительной таблице 2.12 видна заметная количественная разница между ответами, отражающими положительное отношение к самой идее отъезда из страны, высказанными респондентами разных групп.

Таблица 2.12 Установки на внешнюю и внутреннюю миграцию участников фокус-групп

Группа А	Группа В
<p><i>Переехал бы для более благополучного проживания, не устраивает способ управления и распределения ресурсов в государстве</i></p> <p><i>Переехать бы хотела, потому что уровень жизни выше, заработные платы</i></p> <p><i>Есть мечта переехать в США, но не всегда есть возможность. В отличие от Казахстана в зарубежных странах более благоприятные условия.</i></p> <p><i>Если бы появилась возможность, я бы переехал, по причине отношения людей друг к другу, образования</i></p> <p><i>Планируем переехать в Европу или в Канаду</i></p> <p><i>Если была бы возможность переехать по профессии в Европейские страны</i></p> <p><i>Переехала бы в страну, где более высокий культурный уровень жизни, но сначала нужно посмотреть реально это или нет</i></p> <p><i>Переехала бы при возможности в любую страну, для изучения разных культур</i></p> <p><i>Хорошо там, где нас нет. Временно можно в США, для обучения</i></p>	<p><i>Если за рубежом будет возможность для работы и нормальной жизни, то почему бы и не переехать</i></p> <p><i>Я планирую переехать в другую страну в течение десяти лет</i></p> <p><i>Я переехала бы за границу</i></p>

Однако, приведенные выше ответы, не означают, что большинство представителей группы А настроены на эмиграцию, а представители группы В вообще не рассматривают варианты выезда за границу. Были озвучены и другие позиции.

Таблица 2.13 Отношение к возможности эмиграции участников фокус-групп

Группа А	Группа В
<p><i>Переехал бы, но чувство патриотизма не дает</i></p> <p><i>Уехать чтобы набраться опыта, взять их знания и привести их сюда</i></p> <p><i>Не переехал бы, какая бы плохая страна не была бы, мы можем</i></p>	<p><i>Я бы хотела переехать за рубеж, поскольку моя специальность связана с иностранными языками, то хотела бы несколько лет пожить за рубежом.</i></p> <p><i>Я считаю, что нужно ездить за рубеж для того, чтобы набраться</i></p>

Продолжение таблицы № 2.13

*сделать ее лучше. Если каждый будет уезжать, развития страны не будет
Жил в другой стране (Шанхай), но вернулся. Родина есть родина, вечно кричать что все плохо можно везде. Лучшие поднимать свою страну*

*опыта. А окончательная эмиграция это не для меня. Время покажет. За рубежом лишь для того, чтобы набраться опыта и распространять его здесь на родине.
По моему мнению, за границу ездить можно только для получения образования или работы*

Как видно из приведенных ответов, в каждой группе есть респонденты, которые считают возможным пожить за границей (учеба, работа), но не рассматривают вариант окончательной эмиграции.

Возвращаясь к результатам опроса, необходимо отметить другой вариант, расхождение по которому хорошо заметны, «Если не смогу реализовать себя в своей стране». В этом случае мы наблюдаем обратную картину: в группе А этот вариант отметили 22,6%, а в группе В – 11,5%, то есть различие почти в два раза. Однако, не стоит считать, что возможность раскрытия личностного потенциала для представителей группы А («коренные горожане») имеет большее значение, чем для представителей группы В (недавние переселенцы из сельской местности в город). Такой результат легко объясним: для вчерашнего сельского жителя переезд в город – это уже достигнутые новые возможности для самореализации, в то время как коренные горожане воспринимают городскую среду с большей долей критичности и лучше видят ее ограничения.

Обращает на себя внимание и тот факт, что один и тот же вариант ответа «Я не уеду из своей страны ни при каких обстоятельствах», который встречается в двух разных вопросах, отмечает разное число респондентов. Во избежание разночтения, в следующей сравнительной таблице приведены не относительные (%), а абсолютные данные – число респондентов, отметивших этот вариант. По-видимому, часть респондентов придерживается этой позиции не настолько жестко.

Таблица 2.14 Отказ от возможности эмиграции

Вариант ответа	При каких обстоятельствах Вы бы уехали из страны?			Если бы Вы уехали в другую страну, то приложили бы усилия в перспективе перевезти своих родителей или других родственников?		
	Группа А	Группа В	Группа С	Группа А	Группа В	Группа С
Я не уеду из своей страны ни при каких обстоятельствах	10	31	7	8	30	3

Как уже отмечалось выше, для Казахстана сегодня очень характерна высокая внутренняя мобильность. Ответы на следующий вопрос позволили определить основные векторы внутренней миграции, особенно привлекательные для молодых горожан-казахов нашего региона. Однако, невнимательность респондентов при ответе на поставленный вопрос позволила, так же, обозначить и наиболее привлекательные направления внешней миграции. Дело в том, что вопрос был задан в открытой форме и, отвечая: если бы Вы хотели переехать в пределах Казахстана, то куда? — участники опроса, чья социализация происходила в основном в XXI веке, фактически указывали места предполагаемого переезда без оглядки на государственные границы. Сам по себе этот факт – уже примета нового суверенного Казахстана.

Таким образом, появилась возможность составить таблицу миграционных предпочтений как во внутреннем, так и во внешнем направлении (по возможности сохранено написание/обозначение географических объектов, использованное респондентами).

Таблица 2.15 Миграционные предпочтения направлений внутренней и внешней миграции

Внутренние миграции		Внешние миграции	
Я не хочу переезжать в пределах Казахстана	42,2%	Европейские государства	4,4%
Алматы	23,8%	США	1,8%
Нур—Султан	13,0%	Россия	1,6%
В сельскую местность	9,4%	Турция	0,8%
Павлодар	1,2%	Корея	0,6%
Другой город	0,4%	Япония	0,4%
Кокшетау	0,4%	ОАЭ	0,2%
Талдыкорган	0,4%	Украина	0,2%
Семей	0,4%	Другая страна	0,2%
Актау	0,2%	В экономический и политический стабильную страну	0,2%
Атырау	0,2%	За границу	0,2%
Аягоз	0,2%	Подальше	0,2%
Балхаш	0,2%		
ЗКО	0,2%		
Караганда	0,2%		
Тараз	0,2%		
Усть—Каменогорск	0,2%		
Шымкент	0,2%		
Из деревни в город	0,2%		
Итого:	93,2%	Итого:	10,8%

* Общее число процентов превышает 100, так как некоторые респонденты указывали несколько вариантов

Если дополнить полученные данные результатами фокус-групп, то основные внутренние миграционные настроения и векторы получают дополнительное подтверждение. Если респонденты группы А заметно чаще говорят о переезде за границу, то для ре-

спондентов группы В намного актуальнее возможности переезда в мегаполисы Казахстана. Видимо, существует своего рода смещение «шкалы миграционных целей», и для недавно переехавших из села в крупные областные города мегаполисы представляются таким же широким полем возможностей, как для коренных горожан – развитые зарубежные страны.

Таблица 2.16 Внутренние миграционные настроения участников фокус-групп

Группа А	Группа В
<p><i>Переехать в Алматы, но если будет где жить В пределах страны не хотелось бы переезжать Для перспектив в Алматы или Астану Если смотреть трезвым взглядом, то, наверное, в Астану (Нур-Султан), думаю через года два вся моя семья будет жить в Астане. Большой город — это мечта</i></p> <p><i>Мне нравится жить в Усть-Каменогорске, но если будут перспективы, то можно и переехать В Алматы, там тепло В Алматы, там более культурные люди</i></p>	<p><i>Внутри Казахстан если только Алматы или Астана, главная причина плохое экологическое положение в нашем городе Мы с семьей планируем переехать в Алматы, так как это город больших возможностей для молодежи По—моему, переезжать внутри Казахстана не куда. Здесь есть и работа, все мой друзья и родственники Внутри Казахстан если только в Алматы Я бы хотела переехать в Астану или Алматы Я хотела бы переехать в Атырау или Нур-Султан по причинам работы Я никуда не собираюсь Я бы хотела переехать в город Алматы, потому что там много возможностей Я бы переехал в пределах Казахстана, если была бы такая возможность Я бы хотела переехать в Алматы</i></p>

Полученные количественные (опрос) и качественные (фокус-группы) данные не дают оснований оценивать фактический уровень готовности к внешней или внутренней миграции, а лишь позволяют определить степень привлекательности тех или иных направлений для участников опроса. Из этих результатов можно сделать следующие выводы:

— Значительную часть казахской городской молодежи устраивает тот город, в котором они живут сейчас (друзья, родители, работа);

— Внутри Казахстана наибольшую привлекательность для молодежи Восточного Казахстана представляют города Алматы и Нур-Султан;

— Среди внешних направлений миграции чаще всего указываются страны и регионы с более высоким уровнем социально-экономического и социально-культурного развития (во всяком случае, с точки зрения респондентов) – Евросоюз, Северная Америка, Россия, Турция, Южная Корея, Япония и ОАЭ.

Для традиционного общества семейные и родственные связи являются важнейшей ценностью, за которой стоит не только эмоциональная привязанность, но и, что гораздо важнее, прагматичный экономический смысл. Насколько важна для участников опроса возможность воссоединиться с родственниками в случае отъезда за границу? На диаграмме ниже представлены общие результаты, полученные при анализе ответов на этот вопрос. Эти данные позволяют сделать вывод, что почти для половины респондентов родственные связи чрезвычайно значимы. Но, более детальный анализ в разрезе отдельных групп показал неожиданный результат.

Существует устойчивое мнение, что выходцы из сельской местности в гораздо большей степени, чем горожане, испытывают чувство родственной привязанности и стремятся к тому, чтобы их семья и родственники были рядом с ними.

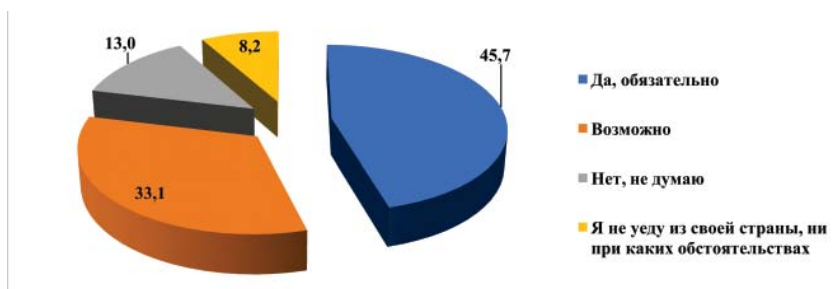

Рисунок 2.19 Установка на воссоединение с родственниками, внешняя миграция

Вопреки стереотипам вариант ответа «Да, обязательно» гораздо чаще выбирали именно горожане (59,3%), а не выходцы из сельской местности (34,5%). Причем, это расхождение носит значительный характер – в 1,7 раза.

Прослеживается ли такая тенденция в случаях, когда речь идет о возможности перевезти семью/родственников в другой регион/город Казахстана? Полученные ответы подтверждают сделанный ранее вывод: в случае переезда внутри страны лишь 35,1% респондентов группы В (недавние выходцы из сельской местности) готовы приложить все усилия, чтобы способствовать переезду на новое место своих родных. Среди респондентов группы А («коренные горожане») это число составляет 55,2%.

По сравнению с перспективой перевезти семью или родственников в другую страну, общее число тех, кто обязательно постарался бы перевезти своих родных, резко сократилось (почти в два раза — с 45,7% до 26,0%), когда речь зашла о такой возможности внутри Казахстана.

Интересный эффект был отмечен во время проведения фокус-групп с респондентами, недавно переехавшими из сельской местности: первой реакцией на вопрос, было «Да, конечно!», но затем последовали характерные уточнения:

— *Если родители были бы не против, я бы перевезла их.*

— *Если они сами захотят.*

— *Я бы не стала перевозить их потому, что все их знакомые и родственники здесь. Им будет там не комфортно. Пусть лучше приезжают в гости.*

— *Я бы перевезла бы их за границу. Но все зависит от их выбора*

— *Все зависит от ситуации. Поскольку мои родители уже в возрасте, то только если не далеко от родины.*

— *Я думаю, мои родители не захотят переезжать*

— *Если родители были бы не против, да я бы перевезла их*

Очень показательна оговорка условия «если родители не будут против» и пояснение «они не захотят переезжать».

Важный момент — число тех, кто не собирается уезжать из своей страны (8,2%) намного меньше, чем число тех, кто не собира-

ется переезжать внутри страны (42,2%). Эти данные требуют дальнейшей проверки, ведь получается, что у респондентов – городской казахской молодежи Восточно-Казахстанской области, установки на внутреннюю миграцию значительно слабее, чем на миграцию внешнюю. Однако, эти результаты не могут служить однозначным указанием на готовность к переезду (такой вопрос не задавался, так как не соответствует основным задачам исследования – выявлению ценностных ориентиров городской казахской молодежи).

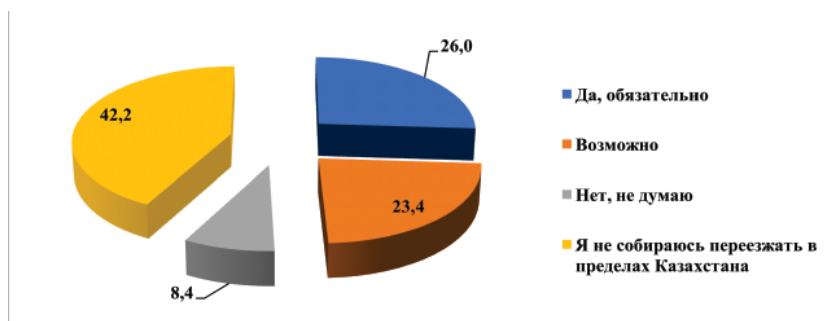

Рисунок 2.20 Установка на воссоединение с родственниками, внутренняя миграция

Как уже отмечалось выше, массовый миграционный приток из села в город стал неотъемлемой частью современной казахстанской реальности. Этот факт фиксируется официальной статистикой. Понятно, что город предоставляет большие возможности и лучшие условия. Однако, мы не всегда можем четко определить, какие именно плюсы городского пространства имеют для молодежи наибольшую ценность. И, если официальная статистика на этот вопрос ответить не может, так как фиксирует лишь действия людей, но не их мотивы, помочь в решении этой задачи могут социологические методы исследования.

В данном случае, респондентам было предложено оценить степень важности тех или иных городских преимуществ. Предлагаемые к оценке позиции были условно сгруппированы следующим образом:

— экономические;

- социальные;
- культурно-коммуникационные.

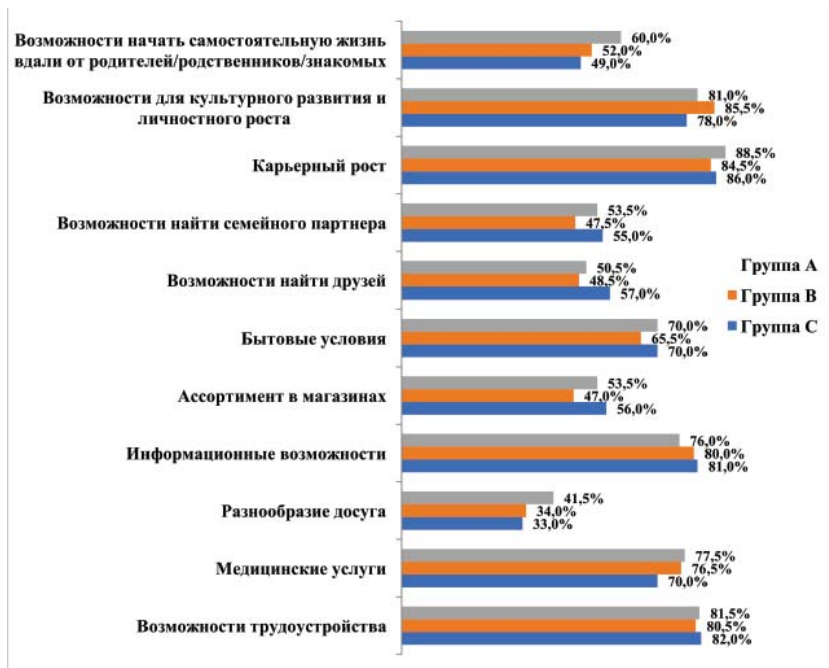

Рисунок 2.21 Очень важные причины, побуждающие к переезду в город

В анкете эти группы преимуществ явно не обозначались (позиции были расставлены в вопросе в случайном порядке), но при анализе это деление учитывается.

На диаграмме представлены данные по всем группам и, на первый взгляд, позиции этих групп достаточно близки. Однако, если выстроить отдельный рейтинг значимости тех или иных преимуществ города по сравнению с селом, то можно обнаружить ряд интересных отличий.

Таблица 2.17 Рейтинг преимуществ города перед сельской местностью

	Группа А		Группа В		Группа С	
1	Карьерный рост	86,0%	Возможности для культурного развития и личного роста	85,5%	Карьерный рост	88,5%
2	Возможности трудоустройства	82,0%	Карьерный рост	84,5%	Возможности трудоустройства	81,5%
3	Информационные возможности	81,0%	Возможности трудоустройства	80,5%	Возможности для культурного развития и личного роста	81,0%
4	Возможности для культурного развития и личного роста	78,0%	Информационные возможности	80,0%	Медицинские услуги	77,5%
5	Медицинские услуги	70,0%	Медицинские услуги	76,5%	Информационные возможности	76,0%
6	Бытовые условия	70,0%	Бытовые условия	65,5%	Бытовые условия	70,0%
7	Возможности найти друзей	57,0%	Возможности начать самостоятельную жизнь вдали от родителей/родственников/знакомых	52,0%	Возможности начать самостоятельную жизнь вдали от родителей/родственников/знакомых	60,0%
8	Ассортимент в магазинах	56,0%	Возможности найти друзей	48,5%	Ассортимент в магазинах	53,5%
9	Возможности найти семейного партнера	55,0%	Возможности найти семейного партнера	47,5%	Возможности найти семейного партнера	53,5%
10	Возможности начать самостоятельную жизнь вдали от родителей/родственников/знакомых	49,0%	Ассортимент в магазинах	47,0%	Возможности найти друзей	50,5%
11	Разнообразие досуга	33,0%	Разнообразие досуга	34,0%	Разнообразие досуга	41,5%

Важно понимать, что в данном случае, ответы респондентов группы А носят гипотетический характер – это представление коренных горожан о том, что мотивирует сельскую молодежь к переезду в город. С другой стороны, анализируя рейтинг, выстроенный по ответам группы В – той самой молодежи, которая недавно приехала в город, — нельзя не учитывать фактор, так называемых социально одобряемых ответов. Людям свойственно стараться представить себя в глазах других людей в лучшем свете, как они это понимают. Сделав эти оговорки, рассмотрим полученные результаты более детально.

В группах А и С две первые позиции идентичны и носят экономический характер – карьерный рост и возможности трудоустройства. У группы В эти позиции сдвигаются вниз, а первое место занимают возможности для культурного развития и личностного роста, то есть, позиция, которая относится к группе культурно-коммуникационных преимуществ. Во всех трех группах в пятерку лидеров входят лучшие информационные возможности и лучшие медицинские услуги. Таким образом, несмотря на некоторые различия, пять первых позиций во всех группах занимают преимущества городской среды в сферах экономики (карьера и трудоустройство), социального обеспечения (медицина), а также, культуры и доступа к информации.

В шестой позиции рейтинга все три группы единодушны – это бытовые условия. А вот дальше, вновь заметны значительные расхождения. Если респонденты из групп В и С ставят на седьмое место возможности начать самостоятельную жизнь вдали от родителей/родственников/знакомых, то, по мнению группы А, эта позиция занимает лишь десятое (предпоследнее место). Напомним, что уже ответы на вопрос *«Если бы Вы переехали в другую местность в Казахстане, то приложили бы усилия в перспективе перевезти свою семью или других родственников?»* показали, что ценность семейных и родственных связей для респондентов группы В не так высока, как принято думать. Отмеченное расхождение в рейтингах коренных горожан и недавних выходцев из сельской местности подтверждают ранее зафиксированный результат.

На последнем месте в рейтингах всех групп оказывается раз-

нообразии досуга, хотя, судя по довольно частым высказываниям представителей старших поколений (в том числе, представителей государственных структур) – это одна из главных проблем молодежи в селе. Складывается впечатление, что взрослые недооценивают стремление сельской молодежи использовать потенциал города для своего экономического, культурного роста и их нацеленность на конструктивную социально-экономическую активность, а не на развлечения.

Выводы по сегменту «Миграционные установки»:

1. Установки на внешнюю миграцию выражены у коренных горожан, а установки на внутреннюю – респондентов, недавно переехавших из сельской местности в городскую среду. В группе В заметно больше респондентов (в три — пять раз), которые не планируют уезжать из страны ни при каких обстоятельствах.

Среди внешних направлений миграции чаще всего указываются страны и регионы с более высоким уровнем социально—экономического и социально-культурного развития (во всяком случае, с точки зрения респондентов) – Евросоюз, Северная Америка, Россия, Турция, Южная Корея, Япония и ОАЭ.

2. Среди потенциальных мотивов внешней миграции безусловно преобладают ценности развития – стремление добиться большего успеха, как в области личностного роста (образования), так и в возможностях достичь финансового благополучия.

3. Хотя, значительную часть казахской городской молодежи устраивает тот город, в котором они живут сейчас (друзья, родители, работа), внутри Казахстана наибольшую привлекательность для молодежи восточного региона представляют города Алматы и Нур-Султан;

4. В случае отъезда из страны или в другой регион Казахстана, выходцы из сельской местности в меньшей степени, чем горожане, настроены на то, чтобы перевезти свою семью или родственников.

5. Среди причин, по которым молодежь стремится переехать из сельской местности в город, по мнению всех участников исследования, самыми важными являются: карьерный рост, возможности трудоустройства, возможности для культурного развития и личностного роста, информационные возможности и медицинские

услуги (нельзя не учитывать, что опрос проводился на фоне пандемии Ковид—19).

Досуговые предпочтения.

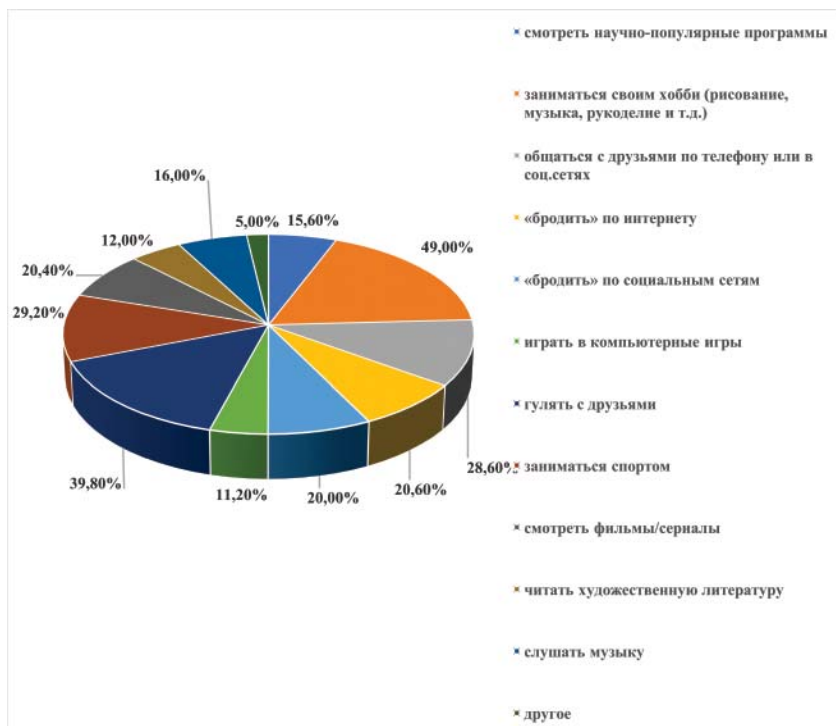

Рисунок 2.22 Досуговые предпочтения, обобщенные результаты

Важную информацию о ценностных ориентирах сегодняшней казахской молодежи, проживающей в городах, могут дать их ответы на вопрос: *Как Вы предпочитает проводить свое свободное время?*

Обобщенные данные показывают, что наиболее популярными занятиями в свободное время для респондентов являются: занятия своим хобби, прогулки с друзьями, занятия спортом, общение с друзьями по телефону или в социальных сетях и интернет-серфинг.

Эти пять позиций лидируют в общем рейтинге (Рисунок 2.22).

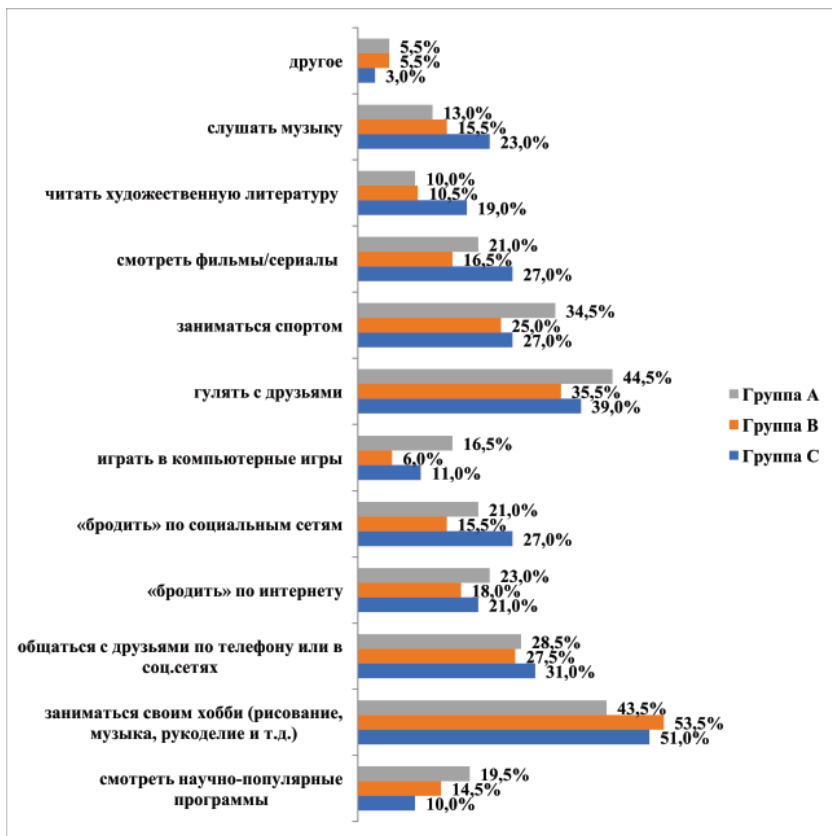

Рисунок 2.23 Досуговые предпочтения

Но, на рисунке 2.23 можно видеть, что по каждой позиции фиксируются определенные различия между группами. При более детальном изучении выясняется, что рейтинг предпочтений группы А выглядит так – «гулять с друзьями», «заниматься хобби», «заниматься спортом», «общаться по телефону или в социальных сетях», «бродить по интернету». Для группы В характерен тот же набор предпочтений, но порядок их несколько меняется: «заниматься хобби», «гулять с друзьями», «общаться по телефону или в соци-

альных сетях», «заниматься спортом», «бродить по интернету».

Респонденты группы С, также, как и респонденты группы В, предпочитают в свободное время «заниматься хобби», «гулять с друзьями», «общаться по телефону или в социальных сетях», «заниматься спортом», но четвертое место в их рейтинге занимает не одна позиция, а три – к занятиям спортом добавляются просмотр фильмов/сериалов и интернет-серфинг.

Учитывая возможности и технологии современного медиа-пространства, особенно когда речь идет о молодежи («цифровом поколении»), фильмы, сериалы и музыка играют большую роль в формировании мировоззрения и ценностных ориентиров личности. Важнейшей особенностью медиарынка является его глобальность, то есть доступность продукции любой страны или региона в любой точке мира. Этот фактор определенно значительно влияет на выбор, который делают участники опроса.

Большое разнообразие жанров фильмов, сериалов и книг, отмеченное участниками опроса, имеет гендерную специфику: драмы, мелодрамы, романы и аниме предпочитают девушки, а детективы, триллеры, боевики и т.д. чаще указывают молодые люди. Так как источником всей этой информации является интернет, то нет заметной разницы в предпочтениях разных групп.

Отметим лишь, что один респондент, указавший Казахстан в качестве предпочитаемой страны производителя кино- и сериальной продукции, принадлежит к группе В. Среди тех 11 опрошенных, кто указал казахскую литературу — по 5 человек из групп В и С, 1 человек из группы А.

Таблица 2.18 Рейтинг предпочтения стран-производителей видеопродукции

Место в рейтинге	Страна/регион – Фильмы, сериалы	Число упоминаний
1-2	США, Канада	30
1-2	Азиатские страны (Южная Корея, Япония, Турция)	30

Продолжение таблицы № 2.18		
3	Европейские страны (Великобритания, Германия, Испания, Франция)	9
4	Россия	3
5	Зарубежные страны	2
6	Казахстан	1

Музыкальные интересы участников опроса полностью глобализированы. Из жанров чаще всего называли К-поп (особое музыкальное направление из Южной Кореи, чрезвычайно популярное у молодежи во всем мире), многие указывали американскую и британскую музыку (рок, блюз, джаз, различные направления поп-музыки). Из восьми ответов, отмечающих интерес к казахстанской/казахской музыке, пять были даны представителями группы В, два – представителями группы С, один – представителем группы А. Таким образом, судя по полученным данным, коренные горожане проявляют меньшую заинтересованность в казахстанской/казахской музыке, литературе, кино- и сериальной продукции, чем выходцы из сельской местности. Можно предположить, что городская социализация в большей степени способствует формированию глобализированных вкусов в сфере досуга, в том числе, за счет более широкого доступа к мировому социокультурному информационному пространству.

Таблица 2.19 Рейтинг предпочтения стран-производителей медиа продукции

Место в рейтинге	Страна/регион – Медиа продукция	Число упоминаний
1	Америка, США, Канада	28
2	Казахстан	11
3	Мир, Зарубежная, Иностранная	8
4	Япония	7

Продолжение таблицы № 2.19		
5	Европейские страны (Великобритания, Франция)	3
6	Россия	3

Таблица 2.20 Рейтинг жанровых предпочтений видеопродукции

Место в рейтинге	Жанр – Фильмы, сериалы	Число упоминаний
1	Драмы, Мелодрамы, Дорамы, Романтика	38
2	Комедия	23
3	Ужасы	22
4	Фантастика, Фэнтези, Антиутопия	16
5	Детективы, Триллеры	13
6	Приключения, боевики	10
7	Аниме, яой, седзе	4
8	Документальные, Исторические	3

Таблица 2.21 Рейтинг жанровых предпочтений литературы

Место в рейтинге	Жанр/тематика - Литература	Число упоминаний
1	Драма, Романы	14
2	Фантастика, Фэнтези, Антиутопия	13
3	Психология/мотивационная литература	12
4	Казахская литература	8
5	Классика	6
6	Детективы, Триллеры	5
7	Научно—популярные, Исторические	3
8-9-10	Философия	2
8-9-10	Бизнес	2
8-9-10	Саморазвитие	2

Продолжение таблицы № 2.21		
11-12-13	Приключения	1
11-12-13	Сказки	1
11-12-13	Стихи	1

Отдельно скажем, что 24 респондента (4,8% по обобщенным данным), описывая свое свободное времяпрепровождение, выбрали вариант «Другое». Треть из них указали, что предпочитают проводить время с семьей.

Выводы по сегменту «Досуговые предпочтения»:

1. Все участники опроса указали, что наиболее привлекательными занятиями в свободное время для них являются: занятия своим хобби, прогулки с друзьями, занятия спортом, общение с друзьями по телефону или в социальных сетях и интернет-серфинг. Так как высокоскоростной интернет и устойчивая мобильная связь в Казахстане пока доступны в основном в городах, можно предположить, что распространение таких форм времяпрепровождения является своеобразной городской социальной практикой.

2. Интересы респондентов в области литературы, музыки, кино— и сериальной продукции несут на себя явный отпечаток глобализации. Заинтересованность в казахстанской медиа продукции очень низкая во всех группах.

Коммуникативная сфера

Процессы социализации, формирования ценностных ориентиров и усвоения социальных практик происходит под воздействием большого числа различных факторов. На протяжении всей доиндустриальной истории эти факторы концентрировались в сфере непосредственной коммуникации, но с наступлением информационной эпохи возникли новые условия — влияние сначала СМИ, а затем, и интернета, значение которых на формирование личности сегодня трудно переоценить. Более того, представители старших поколений, сталкиваясь с тем, что они оценивают как негативные явления в среде современной молодежи (и что, зачастую, является

лишь проявлением объективных поколенческих различий и модернизационных процессов) часто винят влияние этих новых социальных переменных. Однако, непосредственные коммуникации по—прежнему оказывают определяющее воздействие на формирование ценностных ориентиров.

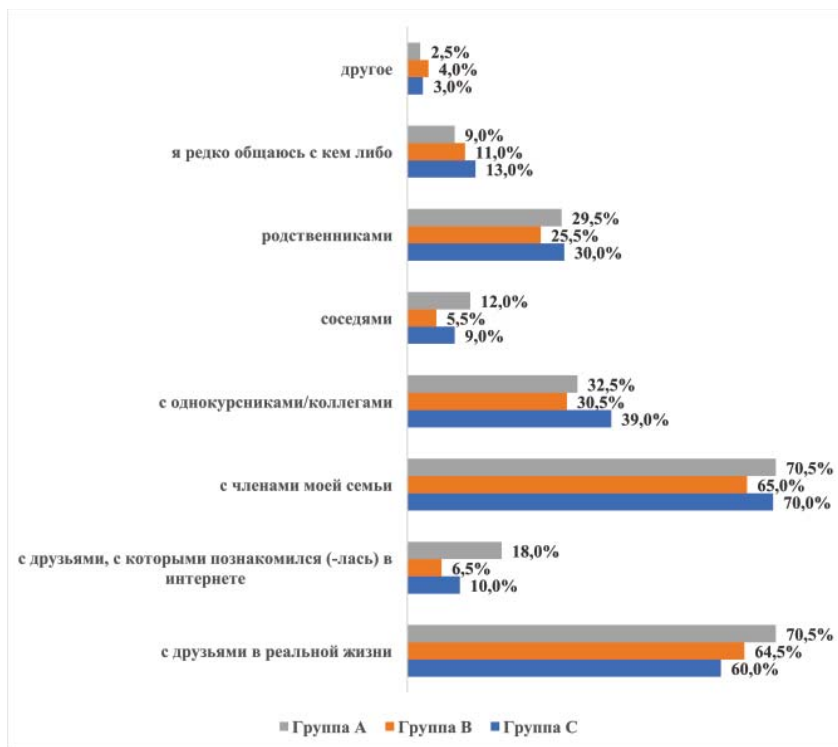

Рисунок 2.24 Основной круг общения

Анализ ответов на вопрос «С кем Вы чаще всего общаетесь?» позволят наметить основные коммуникационные векторы, характерные для современной казахской молодежи, проживающей в городской среде.

Как видно на диаграмме, два основных коммуникационных вектора во всех изучаемых группах направлены на членов их семей и друзей в офлайн. Можно отметить следующие заметные отличия:

— Респонденты из группы А чаще, чем представители других групп, общаются с друзьями в реальной жизни (сравнить: 70,5% группа А и 60,0% - группа С);

— Респонденты группы А значительно чаще общаются с соседями (сравнить: группа А – 12,0% и группа В – 5,5%). Это расхождение может объясняться именно временем проживания на одном месте, временем, в течение которого и налаживаются соседские контакты;

— Еще заметнее различия в ответах по варианту «с друзьями, с которыми познакомился (-лась) в интернете». В группе А этот показатель составляет 18,0%, а в группе В почти в три раза меньше – 6,5%.

— Респонденты группы С чаще других общаются с однокурсниками и коллегами (группа С – 39,0%, группа В – 30,5%).

Несмотря на определенные количественные различия, основной круг общения во всех трех группах состоит из одних категорий контактов: семья, друзья в офлайн и однокурсники/коллеги.

Таблица 2.22 Категории контактов респондентов

	Группа А	Группа В	Группа С
С членами моей семьи	70,5%	65,5%	70,0%
С друзьями в реальной жизни	70,5%	64,5%	60,0%
С однокурсниками/коллегами	32,5%	30,5%	39,0%
Родственниками	29,5%	25,5%	30,0%
с друзьями, с которыми познакомился (—лась) в интернете	18,0%	6,5%	10,0%
Соседями	12,0%	5,5%	9,0%
Я редко общаюсь с кем—либо	9,0%	11,0%	13,0%
Другое	2,5%	4,0%	3,0%

Выявив основной круг общения (семья, друзья, учеба/работа), мы получаем возможность определить, на каком языке основываются коммуникации респондентов.

Рисунок 2.25 Казахский язык как основной инструмент коммуникации

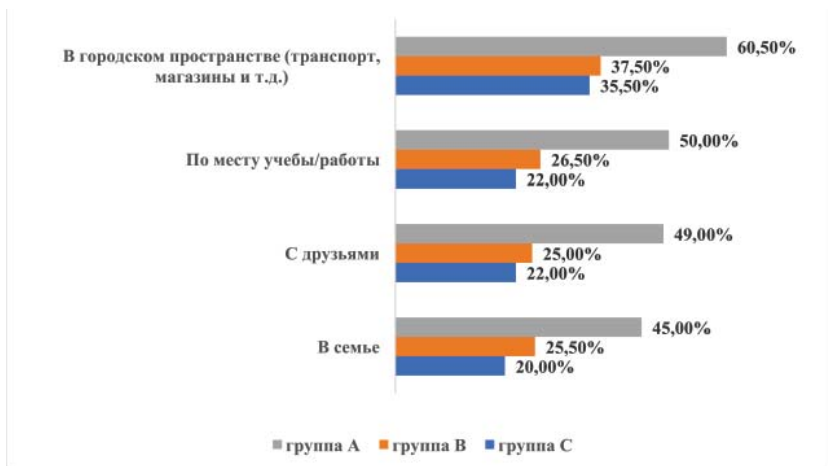

Рисунок 2.26 Русский язык как основной инструмент коммуникации

Сопоставление данных на диаграммах 2.25, 2.26 и 2.27 рисует довольно однозначную картину. В среде недавних выходцев из

сельской местности (группа В) в качестве основного языка общения преобладает казахский, а среди представителей группы А (коренных горожан) заметно чаще используется русский язык.

В то же время для молодых (и не только молодых) городских казахов характерно и такое явление, как общение на смешанном языке, когда в одновременно используются отдельные казахские или русские слова, словосочетания и языковые обороты. И этот вариант наиболее характерен для представителей промежуточной группы С.

По результатам опроса, можно предположить, что:

— основной язык общения в современных городских условиях является важным атрибутом для каждой группы;

— русский язык более характерен для общения коренных горожан Восточного Казахстана (в первую очередь, это касается города Усть-Каменогорск), респонденты, недавно прибывшие из сельской местности, чаще общаются на казахском языке, но, с течением времени проживания в городской среде, он постепенно заменяется смешанным вариантом.

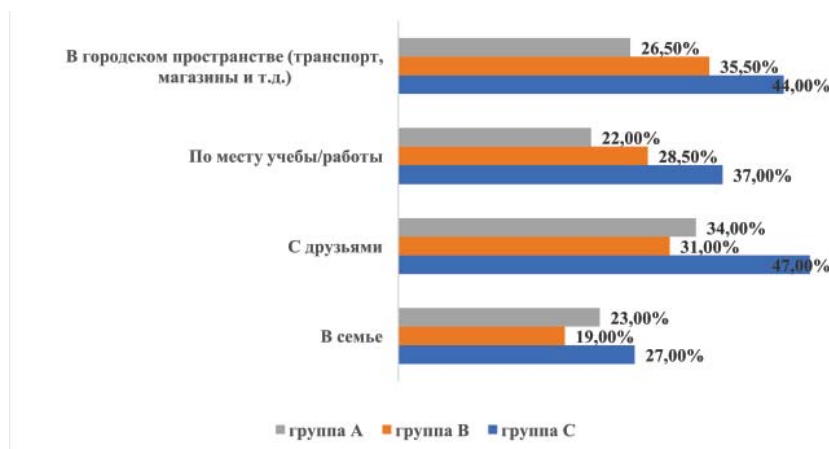

Рисунок 2.27 Смешанный язык как основной инструмент коммуникации

Эти предположения подтверждаются данными, полученными

в ходе фокус-групп.

Группа А. Два групповых интервью, проведенных с коренными горожанами, показали, что общение на русском языке для большинства из них комфортнее и привычнее: *«У нас в городе Усть-Каменогорск большинству удобнее на русском, поэтому общаюсь на русском»*; *«Вижу сны только на русском языке»*. При этом, в начале разговора всем была предоставлена возможность говорить на том языке, на котором им удобнее и трое из двадцати трех (в двух фокус-группах суммарно) перешли на казахский язык.

Это не означает, что родной казахский язык утерян коренными горожанами. Многие отмечали, что с легкостью могут переходить с одного языка на другой при необходимости, но в кругу семьи и друзей (как отмечалось выше – это основные векторы коммуникации) общаются в основном по-русски несмотря на то, что многие закончили казахские школы или учились в вузе в группах с казахским языком обучения.

Таким образом, для этой категории участников исследования билингвизм можно считать достаточно устойчивой языковой практикой. Интересное замечание было сделано одним из респондентов: *«Хотелось бы продвигать казахский, а еще чтобы более экспрессивно выразить свою мысль казахский удобнее»*. То есть, различие в практике применения того или иного языка может проходить не только по сферам коммуникации, но и по ее целям. Но, это предположение нуждается в специальном социолингвистическом исследовании и не входит в круг задач данного исследования.

Группа В. В этой группе фиксируются различные варианты языковых практик:

— *Внутри семьи на смешанном, на работе на английском, со сверстниками на русском*

— *Поскольку я учусь в русской группе то на учебе на русском, а в семье на казахском.*

— *Я общаюсь со всеми на казахском языке, только на работе иногда на русском.*

— *В семье и с друзьями я общаюсь на казахском, на работе на смешанном.*

— *Всегда стараюсь говорить на казахском языке.*

— В большинстве случаев на смешанном русском и казахском языках.

— На учебе на разговариваю на русском. В остальных ситуациях на смешанном.

— Желательно везде говорить на казахском.

— Внутри семьи мы разговариваем на казахском, с друзьями на обоих языках.

— С друзьями и между членами семьи я разговариваю на казахском языке.

— В обществе семьи я разговариваю на казахском языке, и считаю казахский язык очень красивым.

Как видно из ответов, недавно переселившиеся из сельской местности молодые казахи и казашки значительно чаще используют родной язык для общения. Безусловно, основное влияние здесь оказывает семья.

В группе С практически все респонденты отметили, что свободно переходят с одного языка на другой и в различных сферах широко используют смешанный вариант для более точного выражения мыслей. Само групповое интервью проходило на русском языке, лишь одна девушка воспользовалась предложенной возможностью и говорила на казахском.

Респондентам было предложено оценить степень соответствия действительности ряда утверждений. Эти утверждения могут быть сгруппированы по нескольким направлениям.

1) Влияние на круг общения смены места жительства (село-город):

— Мои друзья живут в городе столько же, сколько и я

— Среди моих сегодняшних друзей большинство – это те, с кем я знаком(а) с детства

— Со многими из моих сегодняшних друзей я познакомился(лась) после поступления на учебу/работу

— Я переехал(а) и мне трудно найти новый круг общения.

2) Степень близости контактов внутри круга общения:

— Мои родители/родственники хорошо знакомы с моими друзьями

— У меня есть друзья в онлайн-пространстве, с которыми я

никогда не встречался(лась) в «реале».

3) Ценностные ориентиры, влияющие на формирование круга общения:

— Среди моих друзей и знакомых, в основном, люди моей национальности, религии, культуры и т.д.

— Я хочу, чтобы среди моих знакомых и друзей были люди другой национальности, религии, культуры

— Я не хочу, чтобы среди моих знакомых и друзей были люди другой национальности, религии, культуры.

С помощью 5-балльной шкалы респонденты могли выразить разную степень согласия (5 баллов – утверждение полностью соответствует действительности) или не согласия (1 балл – утверждение полностью не соответствует действительности) с предложенными утверждениями.

Для более полной картины результаты были проанализированы и сгруппированы по направлениям. Для анализа были использованы методы поляризации (выделение крайних позиций и оценок) и смысловой группировки (суммировалось число оценок 4–5 баллов и оценок 1–2 балла).

Влияние на круг общения смены места жительства (село—город).

Различие между группами становится особенно заметным при анализе оценок утверждения *«Мои друзья живут в городе столько же, сколько и я»*. На диаграмме хорошо видно, что круг общения респондентов, с точки зрения времени проживания в городе их друзей, гораздо разнообразнее у представителей групп В и С. Можно предположить, что, оказавшись в городе, недавние выходцы из сельской местности стремятся расширить свои контакты за счет горожан – ведь это способствует более быстрой адаптации в новой для них городской среде. При этом многие из них продолжают поддерживать дружеские отношения с друзьями детства. Однако, не всем приезжим удастся легко выстроить новые коммуникации – каждый четвертый респондент из группы В отметил, что после переезда столкнулся с трудностями в создании нового круга общения.

Фокус-группы подтвердили, что коренные горожане в основном общаются с горожанами, но это не результат особого выбора:

эти респонденты продолжают жить там, где они выросли и у них нет объективных причин разрушать или значительно менять дружеские связи, сформировавшиеся в школьные годы. Другая ситуация у респондентов группы В – они переехали и оказались в новом социальном пространстве. Как следствие, возникают новые социальные контакты, а старые могут сохраняться или разрываться:

- Да, у меня есть друзья из сельской местности.
- У меня часть друзей в городе, часть до сих пор в селе
- Да, у меня есть подружки из сельской местности
- У меня есть друзья и из города, и из сельской местности
- У меня нет близких друзей из села
- Да, у меня есть друзья из городской местности, мои сокурсники
- У меня есть друзья и из города, и из сельской местности.

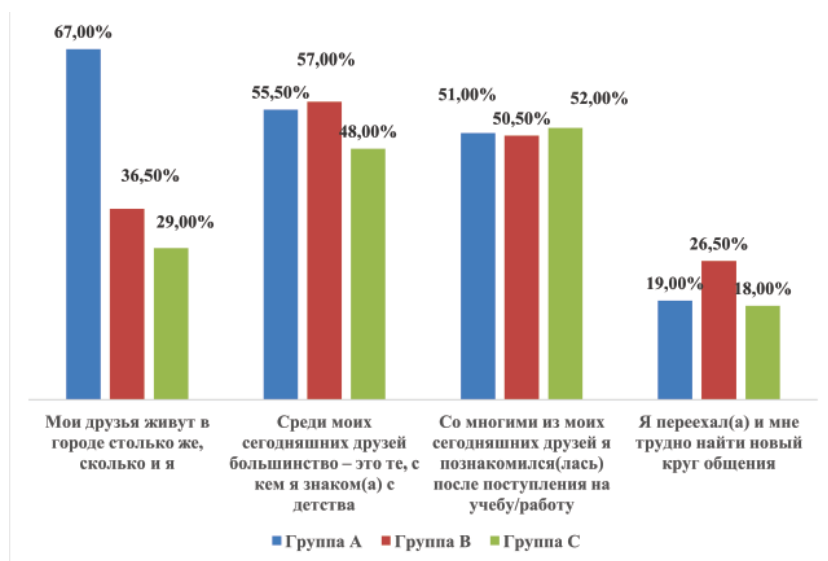

Рисунок 2.28 Согласие с утверждениями, суммы оценок 4–5 баллов

Результаты анализа отрицательных ответов картину принципиально не меняют, а лишь подтверждают отмеченные выше раз-

личия.

Взаимодействие между актерами, представляющими основные круги общения.

Многим родителям свойственно быть в курсе того, с кем дружат их дети. Но, начиная с подросткового возраста, сами дети не всегда хотят знакомить родителей с друзьями по разным причинам. В числе таких причин могут быть ценностные установки семьи, не совпадающие с нравственным поиском формирующейся личности. В этом случае подросток может опасаться осуждения со стороны родителей, критики в адрес новых друзей и, даже, запрета на общения. В данном исследовании принимали участие молодые люди, уже вышедшие из подросткового возраста, но четверть из них еще живет вместе с родителями, а еще половина – с другими родственниками и, можно предположить, имеют тесные контакты с родительской семьей. В то же время это уже достаточно взрослые люди, чтобы иметь свой круг общения.

Кроме того, выше отмечалось, что семья и друзья – это основные элементы коммуникативной сферы участников опроса. Ответы на следующий вопрос позволяют определить, насколько они пересекаются и взаимодействуют друг с другом. Результаты показали, что в этом вопросе между группами фактически нет значимых различий.

Таблица 2.23 Сопоставление согласия или несогласия с утверждением

Группа А	Группа В	Группа С
Согласие с утверждение (сумма оценок 4–5 баллов)		
66,0%	65,5%	62,0%
Несогласие с утверждение (сумма оценок 1–2 балла)		
11,5%	14,0%	11,0%

Еще один вопрос, касавшийся степени близости контактов, имеет совсем другое смысловое содержание. Вместе с распространением цифровых технологий неотъемлемой частью современной

реальности стало интернет-общение. Чем доступнее интернет, тем больше возможностей найти единомышленников и установить дружеские контакты с людьми, с которыми могут разделять тысячи километров и почти нет шансов встретиться «вживую». К тому же онлайн-общение дает определенную степень анонимности, чем способствует большей откровенности, чем общение офлайн. Поддерживать устойчивые коммуникации в интернете – это тенденция, характерная для городского образа жизни, чему есть как понятные технологические причины, так и специфические социокультурные различия между городским и сельским образом жизни. Данные исследования подтверждают этот тезис.

На рисунке 2.29 очень наглядно показано, насколько респонденты группы В отличаются от тренда, который демонстрируют респонденты групп А и С. По-видимому, недавно приехавшей из сельской местности молодежи еще предстоит расширить сферу своих коммуникаций за счет интернет-контактов.

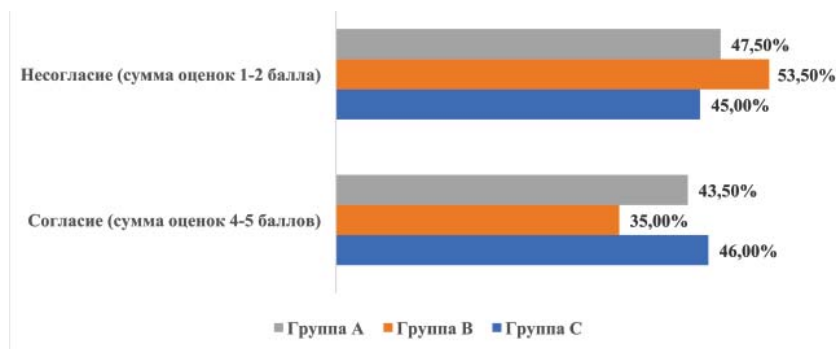

Рисунок 2.29 Оценка утверждения «У меня есть друзья в онлайн-пространстве, с которыми я никогда не встречался (лась) в «реале»

Ценностные ориентиры, влияющие на формирование круга общения.

Данные, представленные на рисунке 2.30, показывают, что основные различия в позициях групп определяются не вопросами предпочтений в общении, а статусом кво (status quo) – на момент опроса респонденты группы С значительно чаще других отмечали эт-

ническую, религиозную и культурную однородность своего круга общения. Респонденты группы А делали это на 15,5% реже.

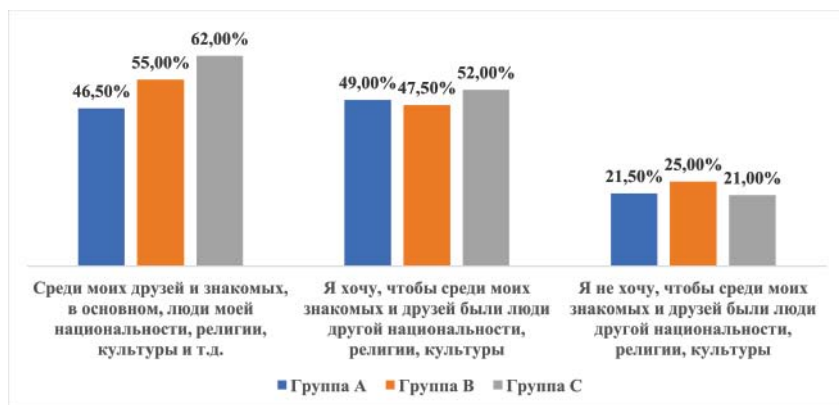

Рисунок 2.30 Согласие с утверждениями

Интересно, что анализ отрицательных ответов, выражающих несогласие с утверждениями, не выявляет таких значимых расхождений, хотя определенные различия между группами все же есть.

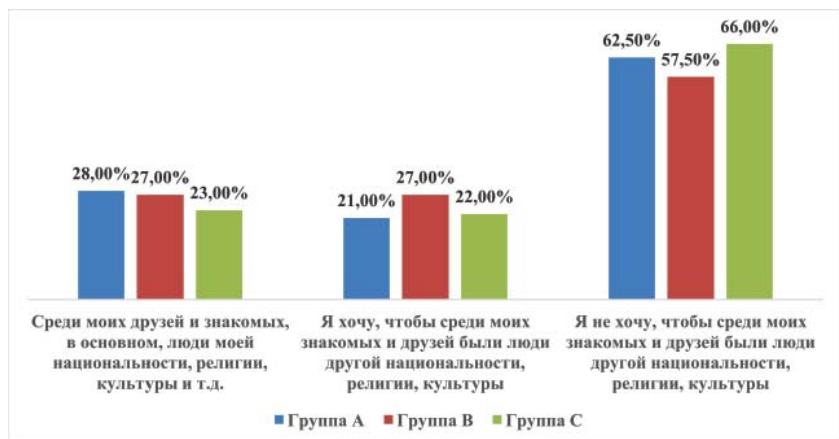

Рисунок 2.31 Несогласие с утверждениями

Несмотря на отмеченные особенности в позициях групп, в целом, ценностные ориентиры, определяющие круг общения всех респондентов, достаточно близки чтобы сделать вывод: казахская городская молодежь не склонна ограничивать свои коммуникации исходя из этнической, религиозной или культурной принадлежности другого человека.

Если указанные выше характеристики не являются определяющими, то что участникам опроса важно в людях, какие качества они ценят выше всего?

Респондентам был предложен общий список различных качеств личности – 16 наименований, из них 11 можно отнести к индивидуальным свойствам (*Знания, Порядочность, Честность, Трудолюбие, Чувство юмора, Принципиальность, Успешность, Целеустремленность, Умение слушать, Готовность поддержать в трудную минуту, Пунктуальность*), а 5 – к общественным характеристикам (*Общие интересы, Национальная принадлежность, Религиозная принадлежность, Благополучие семьи, Семейные связи*). Все эти качества было необходимо расставить в порядке убывания значимости: на первом месте – самое важное в людях по мнению отвечавших, на последнем – самое не важное.

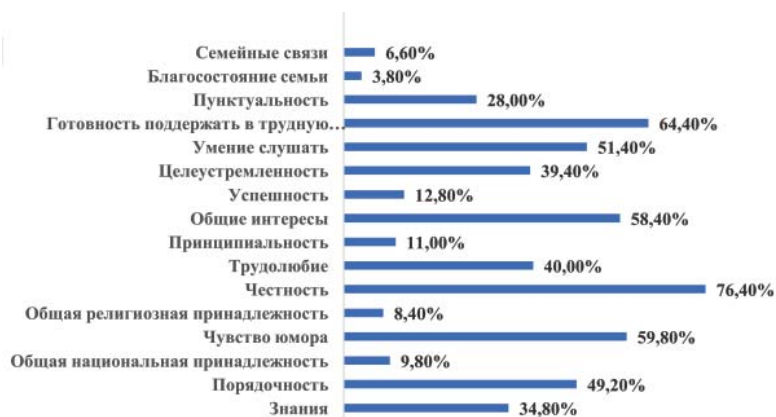

Рисунок 2.32 Приоритеты социальных качеств и характеристик при выборе круга общения

На рисунке 2.32 представлены общие результаты: в них лидируют *Честность*, *Готовность поддержать в трудную минуту*, *Чувство юмора* и *Общие интересы*, но для задач исследования большее значение имеют три рейтинга – отдельно для каждой группы. В этих рейтингах отмечается ряд совпадений и различий.

В Таблице 2.24 представлены позиции, по которым мнения респондентов полностью совпали.

Таблица 2.24 Сопоставление рейтингов качеств личности по группам респондентов - совпадения

Качества личности	Место в рейтинге	Группа А	Группа В	Группа С
Честность	1	77,0%	77,0%	74,0%
Трудолюбие	7	38,5%	42,5%	38,0%
Целеустремленность	8	38,0%	41,5%	38,0%
Знания	9	37,0%	34,0%	32,0%
Пунктуальность	10	27,5%	27,0%	31,0%

По другим позициям наблюдаются частичные совпадения – таблица 2.25.

Таблица 2.25 Сопоставление рейтингов качеств личности по группам респондентов – частичные совпадения

Качества личности	Место в рейтинге	Группа А	Группа В	Группа С
Готовность поддержать в трудную минуту	3	61,0%	2 место в рейтинге (66,5%)	67,0%
Порядочность	6	5 место в рейтинге (54,5%)	44,0%	49,0%
Общая национальная принадлежность	13	5,0%	11 место в рейтинге (16,0%)	7,0%

Продолжение таблицы № 2.25				
Общая религиозная принадлежность	14	5,0%	10,0%	12 место в рейтинге (12,0%)
Семейные связи	15	16 место в рейтинге (3,5%)	10,0%	6,0%
Благосостояние семьи	16	15 место в рейтинге (4,0%)	3,5%	6,0%

Как видно по данным, приведенным в таблице 2.25, для представителей группы В общая национальная принадлежность в рейтинге важности качеств личности стоит выше, чем у респондентов других групп. В то же время для группы С большее значение имеет общая религиозная принадлежность.

Есть и другие отличия — о важности еще пяти качеств, не указанных в таблицах выше, мнения участников опроса не совпадают, хотя и не противоречат друг другу – колебания не превышают 2–3 пунктов рейтинга.

Общие интересы: группа А – 2 место в рейтинге (62,5%), группа В – 4 место в рейтинге (55,0%), группа С – 5 место в рейтинге (57,0%).

Чувство юмора: группа А – 4 место в рейтинге (60,0%), группа В – 3 место в рейтинге (55,0%), группа С – 2 место в рейтинге (69,0%).

Умение слушать: группа А – 6 место в рейтинге (45,5%), группа В – 5 место в рейтинге (51,5%), группа С – 4 место в рейтинге (63,0%).

Принципиальность: группа А – 11 место в рейтинге (14,0%), группа В – 12 место в рейтинге (10,5%), группа С – 14 место в рейтинге (6,0%).

Успешность: группа А – 12 место в рейтинге (14,0%), группа В – 13 место в рейтинге (10,5%), группа С – 11 место в рейтинге (15,0%).

В целом, следует отметить, что, несмотря на ряд различий, верхние позиции рейтингов во всех группах занимают такие характеристики личности, которые не являются следствием этнической, религиозной или социокультурной принадлежности человека. Скорее, их можно отнести к универсальным, гуманистическим, общечеловеческим ценностям. А вот такие свойства, как общая национальная и религиозная принадлежность, семейные связи и благосостояние семьи, которые можно определить как ценности традиционного общества, располагаются в нижней части рейтингов всех групп.

Выводы по сегменту «Коммуникативная сфера»:

1. Основные векторы взаимодействия и коммуникации во всех группах направлены на членов семей и друзей офлайн. Наиболее отчетливые различия в структуре коммуникации между представителями группы А фиксируются по двум векторам: общение с соседями и общение с друзьями онлайн – здесь играют роль два разных фактора. В первом случае влияние оказывает проживание на одном месте, во втором – лучшие информационные возможности, которые предоставляет городское пространство, что уже отмечалось выше (см. Блок Миграционные установки).

2. Основным языком общения в современных городских условиях является специфической характеристикой каждой группы: русский язык более характерен для общения коренных горожан Восточного Казахстана (в первую очередь, это касается города Усть-Каменогорск), респонденты, недавно прибывшие из сельской местности, чаще общаются на казахском языке, но, с течением времени проживания в городской среде, он постепенно заменяется смешанным вариантом, который наиболее характерен для группы С, занимающей промежуточное положение с точки зрения времени проживания в городе.

Определяющим фактором выбора языка коммуникаций выступают 1) общение в семье; 2) социальный контекст конкретной ситуации. В то же время язык обучения не оказывает принципиального влияния на коммуникативные предпочтения. В целом, для современной казахской городской молодежи характерен полилинг-

визм (мультилингвизм)¹ – то есть, способность одновременно или попеременно использовать разные языковые системы и применять эту способность в практике социальных коммуникаций. Такая способность, формирующаяся естественным образом в современной казахстанской городской среде, не только не препятствует, а напротив, эффективно способствует развитию интеллектуальных навыков, системному и логическому мышлению, конкурентоспособности и культурной толерантности личности.

3. Круг дружеского общения респондентов группы А на две трети состоит из таких же молодых горожан. В отличие от этой категории, оказавшиеся в городе, недавние выходцы из сельской местности стремятся расширить свои контакты за счет горожан – ведь это способствует более быстрой адаптации в новой для них городской среде, поэтому структура их дружеского общения более разнообразна.

Поддерживать устойчивые коммуникации в интернете – это тенденция, характерная для городского образа жизни, чему есть как понятные технологические причины, так и специфические социокультурные различия между городским и сельским образом жизни. По данным исследования, респонденты группы В имеют значительно меньше дружеских интернет—контактов, чем представители групп А и С. Так как различий в этом вопросе между респондентами групп А и С не фиксируется, видимо, процесс расширения коммуникативной сферы за счет интернет—общения происходит достаточно быстро.

4. Среди характеристик личности, наиболее важных с точки зрения респондентов во всех группах лидируют *Честность, Готовность поддержать в трудную минуту, Общие интересы, Чувство юмора*, то есть черты, которые не имеют прямой связи с этнической или религиозной принадлежностью, а являются отражением общечеловеческих ценностей.

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов - [Электронный ресурс] https://lingvistics_dictionary.academic.ru/ - (дата обращения 28.08.2022)

Общие выводы по исследованию Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области).

Как отмечалось во введении к данному отчету, методологической основой исследования служит теория ценностей, выделяющая две различные ценностные подсистемы: первая — ценности безопасности/выживания и вторая – ценности развития.

Каждая из этих групп ценностей несет в себе преимущества и риски, для устойчивого развития социума необходим определенный баланс между ними, который обычно обеспечивался за счет разницы поколений. Старшие поколения, в силу жизненного опыта и физического состояния тяготеют к ценностям безопасности/выживания, а молодежь, по своей природе, является наиболее инновационной частью общества. Но, такое сочетание имело устойчивый характер при более низкой продолжительности жизни, когда одновременно социально-активными были в лучшем случае два поколения. Сегодня во многих странах мира (и Казахстан входит в их число) сложилась совершенно новая для мировой истории ситуация, когда ценности, нормы и социальные практики формируют и реализуют в общем социальном пространстве одновременно три поколения – это результат роста средней продолжительности жизни и изменения-удлинения времени социально-экономической активности. Новый баланс ценностей различных типов еще предстоит найти каждой стране в отдельности и человечеству в целом.

Еще одним глобальным фактором, повлиявшим на нарушение баланса ценностей в обществе, стало явление, получившее название «ускорение исторического времени» — наступление эпохи быстрых, мало предсказуемых перемен, охвативших практически весь мир. Для Казахстана ситуация усложняется активно идущими процессами внутренней модернизации, главный тренд которой – формирование урбанизированной нации.

В этих условиях, когда возможно впервые в истории способность к быстрой адаптации оказывается важнее и полезнее накопленного опыта (так как, опыт устаревает быстрее, чем успевает закрепиться в устойчивых формах) молодежь оказывается в более

выгодном положении, чем среднее и старшее поколение. Сегодня многочисленное молодое поколение Казахстана делает выбор в пользу тех или иных ценностей и этим определяет перспективу развития страны на ближайшие годы. Разнообразие вариантов этого цивилизационного выбора, с одной стороны – открывает широкие возможности, с другой – таит в себе определенные риски.

Один из таких рисков — степень различия ценностных ориентиров внутри самой молодежной среды. Пока амплитуда различий в ценностях носит характер оттенков, общество может рассчитывать на высокий уровень гибкости и адаптивности. Если же эти различия примут форму ценностного конфликта, трудно разрешимого социального противоречия, то это может стать угрозой социальной стабильности и целостности формирующейся нации.

Основные результаты исследования¹:

1. Образование и карьера

Общедоступное образование, в том числе профессиональное, является относительно новым социальным институтом, который возникает только с утверждением индустриального образа жизни. Причем, профессиональное — среднее и высшее — образование сосредотачивается именно в городах, то есть является одним из основных факторов урбанизации молодежи.

Половина участников опроса видят в профессиональном образовании возможность в будущем заниматься интересным и любимым делом, то есть ценности саморазвития в этом случае имеют превалирующий характер. Каждый пятый отметил, что профессиональное образование совмещает необходимость и личный интерес.

Однако, для каждого четвертого респондента профессиональное образование – это только необходимость, без которой они не смогут рассчитывать на занятие хорошей должности. В данном случае, можно говорить о значении ценностей выживания/безопасности. Вероятно, ценности этого типа имеют большое значение и для тех почти 5% опрошенных, кто указал, что, получая профессиональное образование, они лишь исполняли желание своих родителей.

Для большинства опрошенных ценность представляет именно

1. Материалы, отражающие репродуктивные установки и отношение к семейному институту см. в следующем разделе **Репродуктивные установки городской молодежи Казахстана**

качественное образование, а не только получение диплома.

В будущей профессиональной карьере разные группы казахской молодежи расставляют разные акценты: для коренных горожан на первом месте креативность и инновационность мышления, а для выходцев из сельской местности важнее лидерские качества. Необходимо заметить, что ставка на лидерские качества более эффективна в традиционных вертикальных структурах в большей степени соотносится с ценностями выживания/безопасности, в то время как креативность и инновационность мышления – это качества, особенно востребованные в условиях постоянных изменений, то есть более соответствуют ценностям развития.

Как об определенных новых социальных практиках, которые формируются и уже получили достаточно широкое распространение, можно говорить о выборе специальности обучения на основе долгосрочного планирования — личный интерес и склонность к тому или иному виду деятельности, последующее трудоустройство и достойный уровень оплаты. К числу новых практик следует отнести и установку на многоступенчатое образование, в том числе с приобретением новой или дополнительной специальности.

2. Экономическое поведение.

Важными элементами экономического поведения являются ценностные установки на:

- возможности использования заемных банковских средств;
- необходимость формирования «подушки безопасности» в виде сбережений.

Современная казахская городская молодежь со значительной долей недоверия относится к банковским кредитам, воспринимая их как неизбежное зло при невозможности приобрести собственное жилье или в форс-мажорных ситуациях. Такой подход скорее свидетельствует о превалировании ценностей выживания/безопасности.

В данном случае стоит говорить о *несформированности* таких социальных практик, как кредиты на образование и развитие бизнеса, характерных для развитых стран. Хотя, большинство респондентов указывали, что они рассчитывают на успешную карьеру, видимо, у них нет прочной уверенности в этом, что не позволят брать

кредит на образование. Это косвенно подтверждает, что ценности развития в сфере перспективного использования заемных средств не получили распространения. В задачи данного исследования не входит определение уровня развития банковской системы Казахстана, отметим лишь, что одной из причин торможения может выступать низкая степень доверия к ней со стороны молодежи.

Практики сбережения средств могут отражать как ценности развития, так и ценности выживания/безопасности. Многое здесь зависит от характера и формы этих сбережений. Если выходцы из сельской местности чаще указывали такие регулярные формы, как депозиты, то коренные горожане демонстрировали большее разнообразие социальных практик в этой сфере — накопление мелкой наличности и перевод средств в иностранную валюту как способ сбережения. Однако, этот тот случай, когда представители групп В и С проявляют большую склонность к ценностям устойчивого развития — ведь банковский депозит является свидетельством более регулярного подхода к вопросу аккумулирования денежных средств.

Важной характеристикой экономического поведения выступает фокус на личных/семейных или общественных потребностях. Этот фокус не является абсолютным, он лишь отражает соотношение тех или иных интересов и потребностей личности. Правда, в случае данного сюжета в исследовании, речь скорее идет не об экономическом поведении в реальности, а об «экономических фантазиях» респондентов. Тем не менее, для всех респондентов, независимо от времени социализации в городской среде, характерен очень высокий уровень фокуса на личных/семейных потребностях. Эта ситуация является типичной для развитого индустриального города. Один из аспектов диалектики общественного развития заключается в том, что фокус интересов и потребностей постепенно смещается. От общественных интересов в традиционных обществах (где общественное и личное почти неотделимы друг от друга) он переходит к личным/семейным интересам в индустриальных обществах (где высок уровень атомизации личности). И только с развитием постиндустриального общества начинает формироваться культура сопричастности, которая стремится к равновесию между

общественными и личными интересами на новой, рациональной основе.

На данный момент выходцы из сельской местности, в отличие от горожан во втором-третьем поколении, еще сохраняют заметно большую долю ориентиров на общественные потребности, однако, такое состояние вряд ли продлится долго. Лучшим вариантом развития для казахстанского социума, с учетом ускорения социальных процессов, стала бы ситуация, когда сбалансированный постиндустриальный фокус интересов и потребностей быстро приходит на смену индивидуализированному индустриальному. Но, есть ряд факторов, которые могут этому воспрепятствовать – высокий уровень коррупции, недостаточные темпы диверсификации и трансформации национальной экономики, региональные различия в темпах и векторах социокультурного развития и др.

3. Религия. По своему содержанию, процесс формирования религиозной идентичности у молодежи имеет ряд значимых отличий от представителей других возрастных групп.

С одной стороны, молодежь более восприимчива, обладает подвижным мышлением, но значительно меньшим жизненным опытом. Поэтому, глубинные ценностные установки и модели повседневного бытового поведения молодежи зачастую носят не рационально осознанный характер, а инерционно воспроизводят установки и модели, характерные для среды первичной социализации. В значительной степени это относится и к религиозному элементу в картине мира молодежи.

С другой стороны, более активное существование в современном информационном пространстве; сознание, более открытое глобальным стандартам и образцам поведения – все это вносит свои коррективы в религиозную идентичность молодежи. В Казахстане, в силу его социокультурного и экономического разнообразия, фактор постоянного места проживания, места первичной социализации, внутренней миграционной активности также оказывает значительное влияние на процессы формирования религиозной идентичности.

Результаты исследования довольно однозначно показывают, что для большинства представителей казахской городской молоде-

жи личную ценность имеет вера, но не религия. То, как свободно высказывались участники фокус-групп, озвучивая широкий спектр воззрений от атеизма до религиозной убежденности, свидетельствует о укоренной в молодежной среде ценности веротерпимости, межконфессиональной толерантности и свободы совести.

Две трети участников исследования назвали себя верующими, вкладывая в это разные оттенки смыслов – об этом говорят и ответы участников фокус-групп, и собственные ответы участников опроса, которые они давали, уточняя вариант «Другое». Однако, для подавляющего большинства устойчивые религиозные практики – это исключение, а не правило. Для них участие в религиозной жизни носит не институциональный, а, по сути, «декоративный» характер. Их выбор определяется семейными и национальными традициями, по принципу: *я казах, поэтому – мусульманин*. Сами практики сводятся, в основном, к отмечанию отдельных религиозных праздников. Такое состояние можно определить, как реализация ценностей развития, так как за подобной позицией стоит собственный нравственный поиск.

4. Вовлеченность в общественно-политическое информационное пространство.

Две полярные по своему опыту проживания в городском пространстве группы – горожане во втором-третьем поколении и недавно переехавшие из сельской местности – демонстрируют примерно равный интерес к общественно-политическим событиям. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что вовлеченность в общественно-политическое информационное пространство является одной из ценностей современной казахской городской молодежи. Но, в структуре этого интереса между группами фиксируется заметное отличие – если «новых» горожан интересуют события общественно-политической жизни внутри страны, а то, что происходит за ее пределами занимает их в гораздо меньшей степени, то коренные горожане гораздо чаще говорили о своем постоянном интересе к событиям за рубежом. Оба вектора общественно-политических интересов свидетельствуют о процессе активной гражданской социализации, пусть и в разной форме, отражающей ценности развития.

Таким образом, обе группы практикуют получение общественно-политической информации, отличия лишь в ее масштабах.

5. Миграции. Установки на возможность внешней миграции заметнее выражены у горожан во втором-третьем поколении. Для них город как цель уже не актуален, этот этап пройден поколением их родителей (или бабушек—дедушек). А перед недавно приехавшими в город из сельской местности, напротив, остро стоит задача адаптации к городской среде. Поэтому, для этой категории респондентов более приоритетны вопросы внутренней миграции. В то же время мобильность как средство найти лучшие условия для самореализации – это безусловная ценность развития, в равной степени присущая всем группам респондентов. Однако, то, как очерчивается возможное пространство такой мобильности, проявляет различия между группами. Если наиболее привлекательными объектами внешней миграции выступают страны и регионы с более высоким уровнем социально-экономического и социально-культурного развития (во всяком случае, с точки зрения респондентов) – Евросоюз, Северная Америка, Россия, Турция, Южная Корея, Япония и ОАЭ, то в качестве направлений внутренней миграции участники исследования чаще всего называли города Алматы и Нур-Султан.

Среди потенциальных мотивов как внешней, так и внутренней миграции безусловно преобладают ценности развития – карьерный рост, возможности трудоустройства, возможности для культурного развития и личностного роста, информационные возможности. Пожалуй, к ценностям безопасности/выживания можно отнести часто называемый респондентами более высокий уровень медицинских услуг.

Определенно сложившейся практикой можно считать переезд сельской молодежи в город по причине поступления в средние профессиональные или высшие учебные заведения. Более того, эта практика уже приобретает институциональный характер учитывая активную и системную профориентационную деятельность, которую ведут в сельской местности сами учебные заведения.

Так как речь шла о гипотетической ситуации отъезда из страны, миграционные установки сами по себе не являются основой для формирования социальных практик. Для выявления наличия и

степени сформированности внешних миграционных практик необходимо исследование особой категории казахской молодежи – тех, кто уехал за границу.

6. Досуг. Круг культурных интересов респондентов (музыка, кинофильмы и сериалы, литература) очень широк и полностью глобализирован. В числе предпочтений — медиа продукция США, Великобритании, стран Евросоюза, современная азиатская культура представлена, в основном, Южной Кореей. Такая культурная направленность способствует формированию открытого мышления и, без сомнения, отражает ценности развития. В то же время казахская городская молодежь проявляет мало интереса к отечественной музыке, литературе, кино— и сериальной продукции. Вероятно, это связано с недостаточной конкурентоспособностью современной казахской культуры на фоне открытого доступа к всемирному информационному пространству.

К специфическим городским досуговым практикам, получившим распространение в молодежной среде, можно отнести общение с друзьями по телефону или в социальных сетях и интернет-серфинг. Городскими эти практики являются потому, что доступ к высокоскоростному интернету и устойчивой мобильной связи в Казахстане пока может обеспечить только городское пространство. Не случайно, респонденты указывали информационные возможности как одну из причин привлекательности города для сельской молодежи. Эти возможности влияют и на коммуникационную сферу.

7. Коммуникативная сфера. Отличительной чертой социальных коммуникаций современной городской казахской молодежи является такая характеристика как мультилингвизм (многоязычие). Хотя в языковых предпочтениях каждой из изучаемых групп есть своя оттенки – коренные горожане чаще общаются на русском языке, те, кто переехал в город в школьном возрасте – на смешанном казахско-русском, а «новые горожане» в большей степени на казахском, — ни одна из этих групп не является моноязычной. Определяющим фактором выбора языка коммуникаций выступают 1) общение в семье; 2) социальный контекст конкретной ситуации. Все участники исследования отмечали, что легко переходят с одного языка на другой, а в ходе фокус-групп наглядно это демонстри-

ровали. Мультилингвизм объективно формирует почву для ценностей развития, так как выводит личность за рамки одной культуры и раскрывает перед ней новые информационные возможности. В современных условиях распространение таких социолингвистических практик выступает большим конкурентным преимуществом.

Еще одним проявлением распространения ценностей развития можно считать то, что среди качеств, наиболее ценимых респондентами в людях, они указывали социально приобретенные свойства личности, не этническую или религиозную общность.

Особой социальной практикой, в настоящий момент более характерной для горожан второго-третьего поколения, выступает установление дружеских контактов в интернет-пространстве. То, что эта практика более распространена среди коренных горожан, чем в среде недавних выходцев из сельской местности, объясняется двумя видами факторов. Во-первых, город более технологичен и предоставляет большие информационные возможности. Во-вторых, так называемые «интернет-друзья» — это специфический ответ на свойственную городу атомизированность и социальное одиночество. Современная молодежь высоко ценит в людях общность интересов, а интернет позволяет находить близких по духу людей независимо от их географического положения. Дополнительным плюсом служит и упомянутый ранее мультилингвизм.

Подводя итоги исследования, можно отметить, что:

У современной казахской городской молодежи Восточного Казахстана преобладают, но не доминируют ценности развития. Соотношение ценностей развития и ценностей безопасности/выживания имеет различия в зависимости от времени проживания в городе. Однако, эти различия не всегда носят линейный характер: в большинстве сфер жизнедеятельности ценности развития заметнее проявляются у коренных горожан, но в отдельных аспектах семейных отношений и миграционных настроений они более четко выражены у недавних выходцев из сельской местности.

Основным вектором, определяющим ценностные ориентиры всех опрошенных, независимо от времени проживания в городе, является экономическая активность и профессиональная карьера, которые они связывают с самореализацией в урбанизированной

среде. Город – это место, в котором современная казахская молодежь планирует строить свое будущее. Как следствие, основные механизмы и практики социального взаимодействия реализуются в образовательном и профессионально-экономическом пространствах, а все более важным элементом коммуникации становится общение в онлайн-формате.

Таким образом, современная казахская молодежь подвержена, с одной стороны, влиянию сложившихся мировых городских стандартов. Но не менее значимо и социокультурное воздействие на казахстанский город этнической культуры прибывающего сюда сельского населения. Пока сложно сказать, по какому сценарию пойдет развитие казахстанского города. Вероятно, стоит рассматривать следующие сценарии, которые могут реализовываться, одновременно интегрируясь и конфликтуя друг с другом:

— Завершенная урбанизация, когда город нейтрализует особенности этнической культуры, выводя на первый план универсальные общечеловеческие максимы;

— Урбанизация на начальном этапе. Это сценарий, в свою очередь, может иметь два различных и даже противоположных развития. Если условия для адаптации складываются благоприятно, то «новые горожане» стремятся как можно быстрее приобрести все, типичные, на их взгляд, городские черты. То есть, стать даже более «городскими», чем коренные горожане – их ровесники. Если же процесс адаптации проходит болезненно и, с точки зрения сельских мигрантов, город их отторгает, защитная реакция заставляет их искать поддержки в традиционных ценностях. В этом случае можно говорить об элементах рурализации городского пространства.

— Переходный этап урбанизации, когда в различных пропорциях присутствуют как городские, так и традиционные ценности. Именно это состояние, по всей видимости, наиболее точно характеризует состояние казахской молодежи в современной городской среде.

Полученные в ходе исследования результаты имеют определенную познавательную ценность, так как углубляют представление о процессах урбанизации и модернизации казахстанского социума через призму ценностных ориентиров молодежи.

3. РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА

Семья является первым в истории человеческого общества социальным институтом и продолжает играть основополагающую роль во всех современных социумах. Такое продолжительное существования семьи, как базовой формы социальной организации, свидетельствует, во-первых, что она отвечает на глубинные потребности общества, а, во-вторых, что этот институт обладает необычайной гибкостью и адаптивностью. Изучение истории семьи позволяет выявить ее внутреннюю диалектическую противоречивость:

- семья обладает большой инерционностью, формирует, сохраняет и транслирует в следующие поколения самые устойчивые традиции, тем самым выступая главным институтом обеспечения безопасности;

- через семейную организацию распространяются в обществе основные социальные инновации – новые ценности и социальные практики, то есть, семья выступает институтом развития, более эффективным, чем государство.

В этой связи, оценивая результаты социализации казахстанской молодежи и ее собственные репродуктивные установки, важно проанализировать какое место в ее сознании занимают институты семьи и какие формы семейной жизни молодежь считает наиболее предпочтительными. Это проблематике посвящен настоящий раздел. По мнению авторов, основную роль в выборе семейного формата и репродуктивных сценариев играют женщины, так как в Казахстане в той или иной степени сохраняется традиционное деление на две сферы общественной жизни: внешнюю – экономическая и общественно-политическая активность, которая является в основном прерогативой мужчин, и внутреннюю – семья, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, которая продолжает оставаться ответственностью женщин и находится под их контролем. Поэтому, значительная часть социологического материала, представленного в данном разделе – это результат исследования «Региональные особенности репродуктивных установок городских

казашек».

Раздел открывают результаты исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)» - сегмент «Семейные ценности», которые знакомят с обобщенным взглядом на вопросы репродуктивного поведения и семейных практик юношей и девушек двух крупных городов Восточного Казахстана. В этих материалах есть и гендерный анализ, что позволяет увидеть различия в установках представителей разных полов.

Семейные ценности. Изучение ценностных установок и семейных социальных практик молодых казахов, живущих в современном городе, включало в себя ряд подзадач:

- определить смысловое содержание понятия «семья», то есть выявить, ответом на какие потребности выступает семейный институт с точки зрения респондентов;

- Находит ли распространенная в Казахстане межэтническая и межконфессиональная толерантность отражение в восприятии межэтнических браков;

- каким видится участникам опроса распределение семейных ролей и принципы семейной организации;

- каковы репродуктивные установки респондентов и насколько они продолжают репродуктивные практики предыдущих поколений.

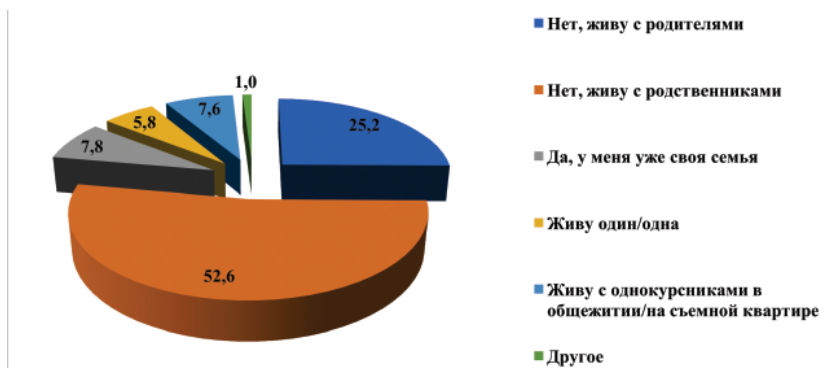

Рисунок 3.1 Условия проживания респондентов

Во-первых, было выяснено, что подавляющее число респондентов еще не создали собственные семьи.

Большие различия, что вполне логично, можно наблюдать в зависимости от возраста респондентов: в возрастной группе 17–21 год число уже создавших собственные семьи составляет лишь 10 человек, в возрастной группе 22–25 лет этот показатель возрастает в три раза – 29 лет. Вероятно, именно с этого возраста начинается период активного создания семей, что можно считать определенной социальной практикой. Это предположение находит свое подтверждение в данных, полученных по результатам пяти фокус-групп – в них принимали участие респонденты более старшего возраста (22–25 лет) и доля создавших свои семьи поднялась до показателя 27,0%.

Ответы на другие вопросы этого блока позволяют определить факторы, оказывающие значительное влияние на принятие решения о создании семьи.

Интересно, что различия между изучаемыми группами, практически не фиксируются: если среднее число семейных составляет 7,8%, то по 8,5% таких респондентов отмечается в группах А и В, абсолютно равное в каждой. В группе С этот показатель ниже (5,0%), но не значительно отклоняется от среднего.

Стоит отметить один ответ из разряда «Другое»: «уже в разводе» - респондент из группы А, пол – женский, возраст 22–25.

Участников опроса попросили определить, какие факторы/события являются для них значимыми условиями создания собственной семьи.

В первую очередь, необходимо отметить, тот факт, что такие практики, как принятие решение о вступлении в брак и подбор брачного партнера родителями, с точки зрения респондентов, утратили свою актуальность. Так считают представители всех изучаемых групп. Основными фактора, определяющими возможность создания семьи, выступают трудоустройство (особенно характерно для группы В) и «встреча подходящего человека» (самый выбираемый вариант ответа в группе С). В целом рейтинг базовых условий создания семьи выглядит следующим образом:

- Только когда встречу подходящего человека 27,2%;

- Только когда устроюсь на работу 27,2%;
- Только когда закончу учебу 16,5%;
- Только когда будет свое жилье 10,2%.

Нельзя не отметить, что два варианта «Я не планирую создавать семью раньше 30 лет» и «Я вообще не планирую создавать семью», хоть и не заняли первых мест, но набрали по 6,7% каждый (по 31 ответу). Это значимый показатель, свидетельствующий, что в сознании молодых городских казахов и казашек уже произошли серьезные изменения традиционных установок на создание семьи. При этом, среди коренных горожан создавать семью раньше 30 лет не планируют 9,3% (17), а среди недавних выходцев из сельской местности лишь 4,4% (8). А вот тех, кто вообще не планирует создавать семью, в обеих группах равное количество – по 6,6% (по 12 ответов).

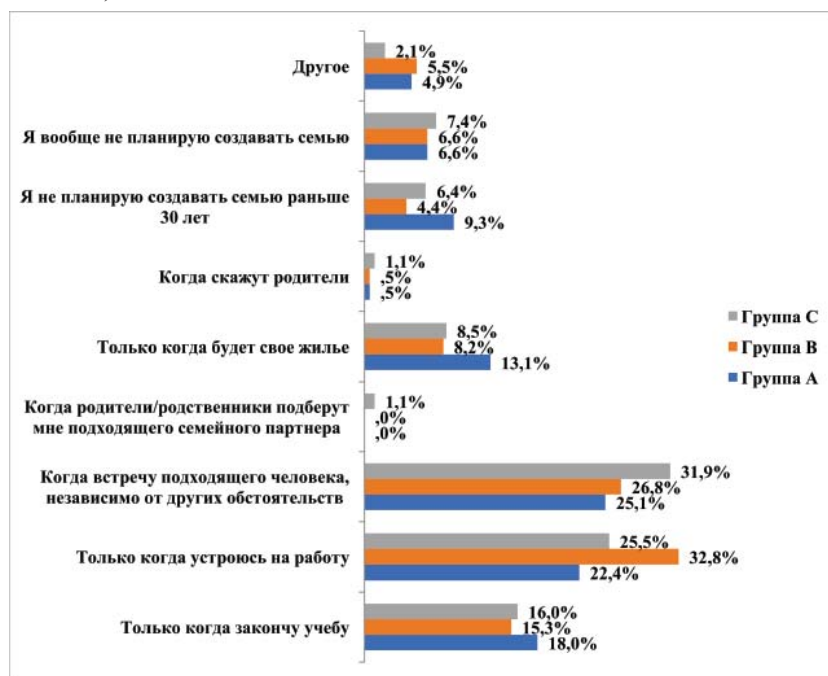

Рисунок 3.2 Планируемое время создания собственной семьи

В ходе фокус-групп звучали такие варианты ответов, как:

Таблица 3.1 Время и условия создания семьи – ответы участников фокус-групп

Группа А	Группа В	Группа С
<p>- сначала построить карьеру</p> <p>- важно материальное благо</p> <p>- создал семью, потому что ждать не захотел</p> <p>- не строю планов на семью</p> <p>- когда найду ту самую</p> <p>- не хочу заводить семью</p> <p>- сначала закончить учебу</p> <p>- влюбилась</p> <p>- когда партнер будет готов</p> <p>- в следующем году</p> <p>- не раньше 23-х, в 22 закончу университет в 23 работать буду</p> <p>- я бы хотел и сейчас, но хочется сначала закончить ВУЗ, но это не самое главное.</p> <p>- уже создали</p> <p>- только после обучения</p> <p>- родители сказали только через год</p> <p>- пока не входит в планы, пока не реализую планы семью не заведу</p> <p>- сначала помочь родителям в материальном плане, а потом только думать об этом</p>	<p>- Да у меня есть семья и есть дочка</p> <p>- Я планирую завести свою семью к 25 годам. После окончания университета и устройства на работу.</p> <p>- Я женат, у меня есть дочь двух лет.</p> <p>- Планирую следующим летом выйти замуж. Мы с моим будущим мужем уже знакомы 8 лет планировали в этом году, но из-за карантина перенесли на следующий год</p> <p>- В ближайший пять лет не планирую. После окончания учебы и устройства на работу</p> <p>- Я замужем, есть дочь.</p> <p>- Еще не встретила.</p> <p>- Пока не собираюсь</p> <p>- Женился в этом году, есть семья</p> <p>- Я планирую завести свою семью к 25 годам. Потому что считаю, что в этом возрасте человек способен прокормить свою семью.</p> <p>- Я думаю, что семью надо заводить после прихода осознанности в жизни.</p> <p>- По моему мнению, подходящий возраст, чтобы создать семью для девушек 23–25 лет (после окончания университета), а для мужчин старше 25 лет (как будут готовы обеспечивать семью).</p> <p>- После своей финансовой независимости.</p> <p>- Я думаю, что нельзя торопиться с заведением семьи, ведь это большая ответственность. Подходящий возраст для этого 23–27 лет, когда человек становится финансово самостоятельным и сможет правильно определить свою вторую половинку.</p>	<p>- Я считаю, что для девушки семью нужно заводить в 24–25 лет, и сама планирую заводить семью в этом возрасте.</p> <p>Этим возрастом я руководствуюсь по причинам таких нужд как: получение высшего образования и устройство на работу. Также я считаю, что 18-19 летние девушки не должны выходить замуж в их возрасте по причине ещё несформированного узкого кругозора жизни, и частые разводы в наше время происходят по этим причинам.</p>

Фактически, участники фокус-групп озвучили те же позиции, что и участники опроса. В связи с этим, пожалуй, самый примечательный факт, то, что не собираются создавать семью в два раза

больше девушек, чем молодых людей (21 и 10 респондентов соответственно). Участники фокус-групп такой явной диспропорции по этой позиции не показали.

В ходе следующего вопроса была предпринята попытка определить, какие функции семьи, по мнению участников опроса, являются самыми значимыми. С этой целью им был задан вопрос «По Вашему мнению, зачем нужна семья?» Ниже представлено, какие варианты ответа чаще или реже ставились респондентами на первое место.

Таблица 3.2 Оценка функций семьи

Вариант ответа	Средний показатель	Группа А	Группа В	Группа С
Семья нужна, чтобы не быть одиноким/одинокой	46,8	46,5	48,5	44,0
Семья – это опора в трудных жизненных ситуациях	22,6	22,0	22,0	25,0
Семья нужна для продолжения рода/чтобы стать родителем	11,4	11,0	11,5	12,0
Поддержка семьи позволяет более полно раскрыть свой потенциал	10,0	10,0	10,0	10,0
Семья – это возможность достигать общих целей	4,8%	6,0	4,0	4,0
Семья – это стимул для личностного роста	2,8%	3,5	2,0	3,0
Семья – это материальная поддержка	1,6%	1,0	2,0	2,0

Из приведенной выше таблицы 3.2 видно, что респонден-

ты ценят семью, прежде всего как источник эмоциональной поддержки. Здесь можно отметить сочетание разных функций семейного института – как традиционных (охранительная), так и новых (психотерапевтическая). По-прежнему актуальна репродуктивная функция семьи, хотя в рейтинге смыслов и значений респондентов эта позиция, со значительным отставанием, занимает лишь третье место. Этот результат может оцениваться как модернизационное явление, при котором дети остаются главным, но перестают быть единственным смыслом семьи. В то же время семья как ресурс личного роста, пространство социализации ее взрослых членов, участниками опроса практически не осознается.

Данные фокус-групп не противоречат результатам опроса:

Таблица 3.3 Оценка функций семьи – ответы участников фокус-групп

Группа А	Группа В	Группа С
<ul style="list-style-type: none"> - для поддержки в трудную минуту, всегда рядом - поддерживать в материальных, любовных начинаниях. Эмоции, которые дает семья - для продолжения рода и все - для роста популяции населения - не хочу семью - семья — это близкие люди, которые рядом с тобой и в печали в радости, которые поддержат тебя в трудную минуту - чтоб рядом был твой, любящий человек, возможно на всю жизнь - эмоциональное, психологическое, социальное здоровье - для того, чтобы была опора 	<ul style="list-style-type: none"> - Внутри семью ты сможешь получить огромную моральную поддержку. Также семья нужна для того, чтобы достичь финансового успеха. Семья будет рядом даже в самую тяжелую минуту. - Семья нужна для счастья в жизни. Для заведения детей. - Я считаю, что создание семьи — это навязанное поведение нашим социальным обществом и нашими родителями. Я бы не хотела бы заводить семью в будущем. Хочу жить только для себя и для своего образования. - Семья нужна для поддержки. Что бы вместе идти через радости и печали жизни. 	<ul style="list-style-type: none"> - Для продолжения рода. Я считаю, что семья — это маленькое государство. Я уверена в том, что стать матерью является долгом каждой девушки. В семье нужно дать должное воспитание для своих детей чтобы и они тоже заводили такие же достойные семьи и для этого и нужно заводить семью. - Человек не может быть в жизни одиноком, для этого и нужно создавать семью. - Семья появляется, когда люди с одинаковыми жизненными ценностями и дальнейшими жизненными целями находят друг друга. И в дальнейшем такая семья может заводить и детей и улучшать своё благосостояние.

Подводя итог анализа ответов на этот вопрос, необходимо отметить, что представители всех групп проявляют редкое единоду-

шие в определении значения семьи.

Дополнительную информацию о смыслах и значениях семейного института для участников опроса позволили получить ответы на следующий вопрос. Респондентам было предложено оценить ряд высказываний по пятибалльной шкале, где 5 баллов было знаком полного согласия, а 1 балл – знаком абсолютного несогласия. Соответственно, ниже представлены две таблицы: первая отражает самые высокие баллы, вторая – самые низкие.

Таблица 3.4 Согласие с высказываниями о семье

Высказывание	Общий показатель	Группа А	Группа В	Группа С
Семью нужно создавать только прочно встав на ноги (работа, собственное жилье, экономическая независимость и т. д.)	54,0	57,0	54,5	47,0
Если семейная жизнь серьезно не ладится (взаимное непонимание, постоянные ссоры, предательство, нарушение верности, отсутствие доверия и поддержки), возможно, стоит расстаться и строить новую жизнь	45,6	49,5	44,5	40,0
Если в основе межэтнического брака взаимные любовь и уважение, другие различия для меня не важны	45,4	53,0	40,0	41,0
Межэтнические браки – это нормально, если супруги принадлежат к одной религии	44,6	49,0	40,5	44,0
Межэтнические браки – это нормально, если супруги принадлежат к одной расе, близким национальностям, у них схожие культурные традиции	41,8	47,5	37,0	40,0

Продолжение таблицы № 3.4				
Если люди создали семью, они обязательно должны прожить вместе всю жизнь, разводы не допустимы	41,0	35,0	47,5	40,0
В современном мире необязательно создавать семью, чтобы достичь успеха	40,0	43,0	35,5	43,0
К семейным людям в обществе относятся с большим уважением и доверием	37,0	40,5	39,5	25,0
Взаимное влечение – еще не повод создавать семью	36,2	38,0	34,0	37,0
В Казахстане межэтнические браки – это норма	34,0	38,0	31,0	32,0
Все, что нужно для создания семьи – это любовь. Все остальные проблемы как-нибудь решатся	33,8	30,0	40,0	29,0
Создавать семью нужно только с человеком своей национальности, религии и культуры	26,8	23,0	31,0	26,0
Если родители против, брак заключать нельзя	24,6	21,0	30,0	21,0
Не создав семьи, человек не сможет быть счастливым и успешным	23,6	28,0	20,0	22,0

Среди наиболее поддержанных респондентами высказываний следующие:

- Семью нужно создавать только прочно встав на ноги (работа, собственное жилье, экономическая независимость и т. д.); чаще других это высказывание оценили 5 баллами представители группы А – коренные горожане (57,0%). В этом отчетливо проявляется свойственный городу прагматизм;

- Если семейная жизнь серьезно не ладится (взаимное непонимание, постоянные ссоры, предательство, нарушение верности,

отсутствие доверия и поддержки), возможно, стоит расстаться и строить новую жизнь; в оценке этого высказывания также лидируют молодые казахи – коренные горожане (49,5%). По мнению авторов исследования, это отражение возрастающего запроса на эмоциональную, психотерапевтическую функцию семьи, что также более характерно для городской цивилизации;

- Если в основе межэтнического брака взаимные любовь и уважение, другие различия для меня не важны; и вновь, самые высокие оценки согласия получены от респондентов из группы А. Причем, в этом случае, различия между группами особенно заметны – диапазон в оценках между группами А и В составляет 15,1%. Это можно рассматривать как косвенное подтверждение того факта, что именно городское пространство формирует общегражданскую идентичность, в отличие от традиционного социума, в котором этническая, религиозная, клановая принадлежность имеет гораздо более важное значение. Можно предположить, что одним из факторов межконфессиональной и межэтнической толерантности казахстанского социума стал мощный урбанизационный импульс, характерный для всего периода суверенитета.

Таблица 3.5 Оценка высказываний по семье – по группам респондентов

Высказывание	Общий показатель	Группа А	Группа В	Группа С
Создавать семью нужно только с человеком своей национальности, религии и культуры	38,6	39,0	37,0	41,0
Не создав семьи, человек не сможет быть счастливым и успешным	32,0	30,0	33,5	33,0
Если родители против, брак заключать нельзя	29,2	32,5	29,5	22,0

Продолжение таблицы № 3.5				
Все, что нужно для создания семьи – это любовь. Все остальные проблемы как-нибудь решатся	17,0	15,0	17,0	21,0
В современном мире необязательно создавать семью, чтобы достичь успеха	13,4	12,5	15,0	12,0
Взаимное влечение – еще не повод создавать семью	10,8	5,5	16,0	11,0
Межэтнические браки – это нормально, если супруги принадлежат к одной расе, близким национальностям, у них схожие культурные традиции	10,8	8,0	14,5	9,0
Межэтнические браки – это нормально, если супруги принадлежат к одной религии	10,6	7,0	15,5	8,0
Если в основе межэтнического брака взаимные любовь и уважение, другие различия для меня не важны	10,4	6,0	15,0	10,0
Если семейная жизнь серьезно не ладится (взаимное непонимание, постоянные ссоры, предательство, нарушение верности, отсутствие доверия и поддержки), возможно, стоит расстаться и строить новую жизнь	9,0	7,0	12,5	6,0
В Казахстане межэтнические браки – это норма	6,2	6,0	8,0	3,0

Продолжение таблицы № 3.5				
Семью нужно создавать только прочно встав на ноги (работа, собственное жилье, экономическая независимость и т.д.)	5,6	4,5	7,5	4,0
К семейным людям в обществе относятся с большим уважением и доверием	5,2	4,5	7,5	2,0
Если люди создали семью, они обязательно должны прожить вместе всю жизнь, разводы не допустимы	15,4%	19,0	12,0	15,0

Анализ ответов, отражающих несогласие респондентов с тем или иным высказыванием, подтверждает, что традиционные ценности в области семейных отношений постепенно сдают свои позиции. Среди высказываний, которые получили наибольшее число оценок в 1 балл («совершенно не согласен») лидируют:

- Создавать семью нужно только с человеком своей национальности, религии и культуры; более трети респондентов высказали активное несогласие с этим тезисом. Как уже отмечалось выше, ценность внутрисемейной эмоциональной коммуникации выходит на первый план в городских условиях, а значение этнической и религиозной идентичности не исчезает, но несколько отступает на второй план. Во всяком случае, так этот процесс осознается участниками опроса. По-видимому, приоритет оценки личности на основе общечеловеческих качеств воспринимается как морально одобряемый.

- Не создав семьи, человек не сможет быть счастливым и успешным; очень показателен тот факт, что каждый третий респондент в каждой из изучаемых групп необходимость семьи как обязательного условия социальной успешности. Такая точка зрения совершенно не типична для традиционного менталитета.

- Если родители против, брак заключать нельзя; еще одно значимое отклонение от традиционных установок. Но, по этой пози-

ции есть значительная дифференциация в оценках представителей разных групп: если среднее число отрицаний составляет 29,2%, то в группе С этот показатель равен 22,0%, а в группе А – 32,5%. То есть, амплитуда колебаний превышает 10 пунктов.

Очень интересные, хотя и противоречивые результаты, были получены от участников фокус-групп. В основном, близкие по смыслу ответы давали представители групп А и С:

- Люди старой закалки, конечно, считают, что семья должна быть однонациональной и осуждают межэтнические браки, но я так не считаю. Нация никогда ни на что не влияет. Влияет то, какой человек сам по себе, люди бывают плохие, хорошие.

- Национальность не имеет никакого значения, все люди равны.

- межнациональные браки нормально, каждая национальность хороша. Если мне предстоит выбор, постараюсь выбрать нашу национальность.

- Как таковой нет разницы, но я все равно предпочел бы казашку, это внутреннее предпочтение.

- Для меня национальность важна и для моей семьи, но не против межэтнических браков.

- очень хорошо отношусь к межэтническим бракам, мне нравится наблюдать за такими семьями, за внешностью детей. Я сама метиска, но считаю себя немкой.

- Хотелось бы в будущем межнациональный брак

- Межэтнические браки норма, если нет пренебрежения к другой национальности.

- Главное, чтобы уважали и любили друг друга.

Как мы видим, в этих ответах не только преобладает положительное отношение к межэтническим бракам, но некоторые респонденты считают такой вариант более предпочтительным для себя. Несколько иную картину дают ответы участников группы В (хотя, в целом, отношение к межэтническим бракам все же позитивное):

- Я считаю, что межэтнические браки и браки между людьми, с разными религиозными взглядами это норма. Такие примеры я встречала в своей жизни. Лично я не вышла бы замуж за представителя другого этноса или религии, но не была бы против та-

кого брака для своих детей.

- Я не против таких браков. Самое главное душа. Я слышал, что дети от таких браков рождаются красивее, нежели от брака представителей одной национальности.

- Я не против таких браков, но думаю, что такой брак может повлиять на ребенка после. Он может подвергаться дискриминации от общества. Я лично не вышла бы замуж за мужчину другой нации. Не бывает плохой нации, бывает плохой человек.

- Я не против таких браков, главное любовь. Среди моих друзей есть примеры межэтнических браков.

- Я также не против, и думаю, что нужно учить культуре и языку обоих родителей и ребенок сам выберет в будущем в какую школу пойдет, на каком языке будет разговаривать.

- Я против, ведь ребенок в будущем не сможет освоить казахский язык. В наше время очень много молодежи казахской национальности, предпочитающей разговаривать на русском языке, я думаю это неправильно. Нужно помнить свой родной язык!

- Я сама ребенок межэтнической семьи. Моя семья выбрала японскую модель воспитания детей, при которой, до 12 лет я учила только казахскую культуру и язык и только после 12 лет начала изучать русский и английский.

- Я лично не против таких браков, но мои родители придерживаются других взглядов. Мне кажется, это неправильно, ведь сердцу не прикажешь.

Интересно, что и в группе А, и в группе В есть респонденты, которые подчеркивали отличия взглядов на межэтнические браки современной молодежи и «поколения родителей». Складывается впечатление, что для некоторой части респондентов межэтнические браки и отношение к ним – это некий атрибут, свидетельствующий о их «продвинутости», принадлежности к модернизировавшейся части общества.

Еще один аспект отношения к семейной организации – это распределение ролей и права принятия решений по семейным вопросам. Чтобы определить, какую модель семьи респонденты считают «правильной», им был задан вопрос Какими Вы видите распределение прав и обязанностей в Вашей семье?

На рисунке 3.3 хорошо видно, что более половины участников опроса во всех группах (65,4% общий показатель) выбрали вариант ответа, отражающий модернизационный взгляд на семью, как на союз равных. Все остальные варианты ответа отражают смыслы, характерные для традиционной семьи, в том числе, четкое разделение гендерных сфер ответственности (вариант «Есть решения, которые должен/может принимать только мужчина, а есть решения, которые должна/может принимать только женщина»).

Суммарно на эти четыре варианта приходится 34,0%, почти в два раза меньше, чем на один вариант «Семья – это союз равных, все важные вопросы решаются только вместе». Однако, внутри этого варианта отмечается значимое различие между группами А и С: диапазон колебаний составляет более 10 пунктов, причем чаще такой вариант ответа отмечали респонденты из группы С.

Рисунок 3.3 Распределение прав и обязанностей в семье

Фокус-группы выявили интересный феномен: участники мужчины соглашались, что в семье необходимо обсуждать принятие

решений, но:

- Какие-то решения нужно принимать вместе, в каких-то вопросах взять инициативу на себя, как мужчина:

- В семье главный мужчина, будет так как он скажет.

- Финальную точку должен ставить мужчина, до этого нужно обсудить с семьей.

Все приведенные выше слова были произнесены участниками группы А.

Девушки в присутствии молодых людей старались занять компромиссную позицию:

- Есть темы, в которых женщина права, например, в бытовом плане, а мужчина, например, в гараже.

- какие-то легкие вопросы каждый может решить самостоятельно, если это важные вопросы, которые касаются семейных тем, то решение принимать вместе.

Гораздо более определенно свою позицию озвучивали девушки в группе В:

- Я ещё не создала собственную семью, но в моей нынешней семье в принятии решения участвуют все члены семьи. Я думаю, что нашему казахстанскому обществу не хватает феминистических движений. И в семье все должно решаться на равных.

- Если человек создал семью, он обязан советоваться со своей второй половинкой.

- Семья — это маленькое государство. Поэтому оно должно быть демократичным. Все от великого до малого должны принимать участия в жизни семьи.

- По моему мнению, мужчины и женщины равны. Поэтому, все решения должны быть приняты совместно.

- Я согласна с мнением других отвечающих. Решения должны приниматься совместно.

- Я считаю, что в нашей стране царит патриарха. И согласна, что нашей стране нужен феминизм.

Таким образом, в ходе фокус-групп проявилось, что девушки, недавно приехавшие в город, настроены весьма решительно. Мы не знаем, как они поведут себя в реальных отношениях. Но сейчас они озвучивают идеи, явно идущие в разрез с традиционными уста-

новками.

Если продолжить разговор о традициях, необходимо отметить, что традиционная казахская семья, как и любая традиционная семья, была многодетной. В условиях аграрного образа жизни, семейного ведения хозяйства и с учетом высоких показателей детской смертности в традиционном обществе, такая модель репродуктивного поведения подтверждала свою эффективность на протяжении длительного времени. В результате, у всех этносов в доиндустриальный, догородской период многодетность закрепляется в качестве устойчивой социальной практики. Сохраняются ли эти установки у казахской молодежи, осваивающей городское пространство?

Участников опроса попросили ответить на три вопроса: 1) какое число детей они считают идеальным для себя; 2) какое число детей они реально планируют, а также, 3) какое число детей они считают оптимальным для семей современного Казахстана.

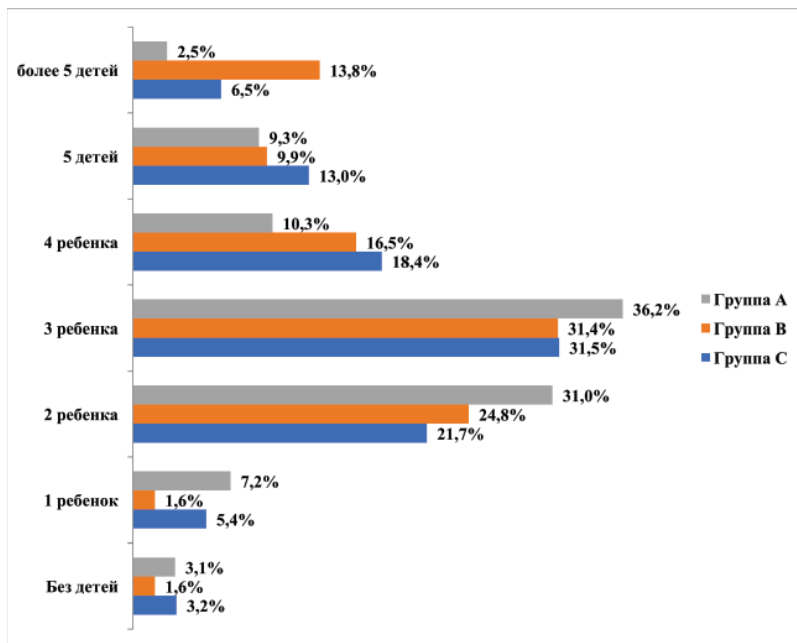

Рисунок 3.4 Идеальное число детей

Полученные результаты представлены на диаграммах ниже. Они позволяют сделать вывод, что традиции многодетности по-прежнему играют большую роль для определенной части респондентов. В то же время большая часть опрошенных уже не только не планирует стать в будущем многодетными родителями, но даже не считают это привлекательным вариантом для себя лично и оптимальным для других казахстанских семей. Чаще всего респонденты указывают трех детей, как наиболее отвечающим их потребностям и ожиданиям.

Хорошо заметны отличия группы А: для респондентов этой группы особенно характерно снижение репродуктивных установок. Если суммировать ответы «1, 2 или 3 ребенка» (более характерные для второй фазы демографического перехода), то мы получим следующее соотношение:

Таблица 3.6 Оценка количества детей в семье

	Кол-во детей, подходящее для любой казахстанской семьи	Кол-во детей, в идеале желательное для респондентов	Кол-во детей, реально планируемое респондентами
Группа А	78,5%	74,4%	73,9%
Группа В	55,1%	57,8%	62,0%
Группа С	58,3%	58,6%	61,0%

Отдельно стоит отметить ответы тех респондентов, у которых в данное время фиксируется установка на бездетность. В группе А, на момент опроса, реально не планируют иметь детей 7,3% в то время, как в группах В и С этот показатель составляет 3,0% и 3,5% соответственно.

Установки на многодетность зеркально отражают сложившуюся ситуацию.

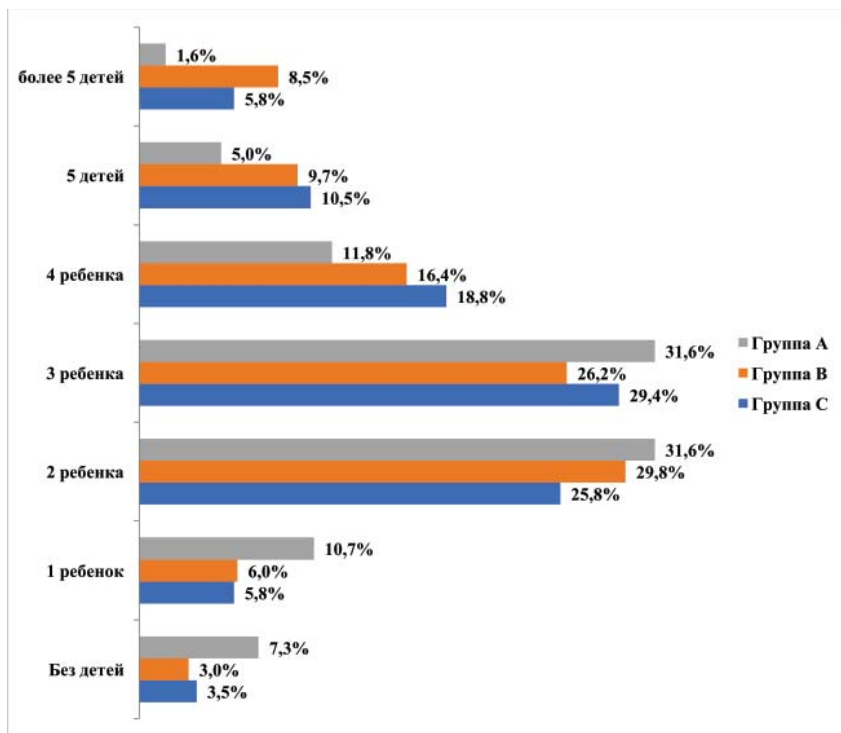

Рисунок 3.5 Планируемое число детей

Таблица 3.7 Оценка количества детей в семье – по группам респондентов

	Кол-во детей, подходящее для любой казахстанской семьи	Кол-во детей, в идеале желательное для респондентов	Кол-во детей, реально планируемое респондентами
Группа А	21,2%	22,1%	18,4%
Группа В	44,7%	40,2%	34,6%
Группа С	40,4%	37,9%	35,1%

В таблице 3.7 ясно видны различия (практически в два раза) в установках на многодетность среди представителей отдельных социально-демографических групп казахской молодежи в городах. Среди выходцев из сельской местности такую позицию еще сохраняют порядка 40% опрошенных, а среди коренных горожан этот показатель уже снижается до 20%.

Данные в следующей таблице 2.8 позволяют увидеть, что процесс урбанизации оказал заметное влияние на репродуктивные установки еще в предыдущем поколении. То, установки на малодетность у казахской молодежи - коренных горожан унаследованы ими, как минимум, у их родителей.

Таблица 3.8 Число детей у родителей респондентов – сравнение по группам

Число детей у родителей респондентов	Группа А	Группа В	Группа С
1–2 ребенка	57,5%	32,5%	35,0%
3–4 ребенка	34,5%	46,5%	47,0%
5 и более детей	8,0%	21,0%	18,0%

Важно отметить, что результаты исследования фиксируют лишь намерения, и могут служить только основой для предварительных прогнозов. Жизнь всегда вносит свои коррективы.

Тем не менее, изменения в сознании казахской молодежи, которые происходят под воздействием проживания в городской среде, выявляются достаточно четко. Можно заключить, что универсальные тренды снижения числа рождений, характерные для процессов урбанизации, получают распространение и в городах Казахстана.

Некоторые респонденты выбрали вариант «Другое» и дали развернутые ответы, уточняющие их позицию:

Группа А: «Про каждого ребенка надо отдельно думать», «Этот вопрос будет решать моя будущая жена», «Абсолютное любое количество детей это зависит от самой пары», «Если есть деньги, и ты богат, то рожай хоть 10. в наше время много семей которые без

нормальной крыши над головой и всё ещё рожают детей не смотря на своё состояние. Меня это раздражает, для меня 3 ребёнка в семье это максимум», «Финансовое положение играет большую роль, т.к. у ребёнка должен учиться», «Не важно сколько, ограничений по этому поводу нет, у каждого свои потребности и планы, сколько пожелает столько и будет», развиваться и возможность купить игрушки и т.п. Возможно 3 - 5 самое максимальное»,

Группа В: «Думаю каждая семья должны решать это сами в соответствии с их возможностями», «Сколько семья хочет, учитывая достаток», «У каждого должен быть ребенок, это хорошо, это увеличивает количество наций!», «У каждого своя воля. Думаю, ему также следует посмотреть на свои жилищные условия».

Группа С: «Это зависит от самих людей, сколько они хотят и могут завести детей, столько и должны. Никто не может им в этом указывать, это право каждого человека».

Обращают на себя внимание следующие тенденции: прагматизм в подходе к вопросу о числе детей, а также индивидуализация репродуктивного поведения – респонденты подчеркивают, что число детей является результатом выбора отдельной семьи или даже отдельного человека. Такая точка зрения не является характерной для традиционного мышления.

В то же время некоторые ответы (незначительное число) сводились к тому, что респонденты не задумались над этими вопросами или полагаются на волю «высших сил».

Участники фокус-групп, так же, как и участники опроса, придерживаются репродуктивных установок, в большей степени характерных для городской цивилизации, чем для традиционного общества:

- В идеальных условиях - сколько угодно. Я, конечно, не патриот, но у нас в Казахстане небольшое население. Сам я планирую 3 ребенка, идеально количество чтобы продолжить род.

- В идеальных условиях я бы завел столько детей, сколько бы смог, но сейчас сложно обеспечить, поэтому 2–3 детей.

- В семье в Казахстане 2–3 ребенка, но себе хотел бы максимум двоих.

- Идеальная цифра это 3, два ребенка перекрывают мать и отца, третий прирост дает, а если оценивать возможности реально, то одного.

- Сколько бог даст, но хотела бы двоих.

- Идеальное количество детей — это шесть, для себя планируем хотя бы одного, лучше троих или шесть.

- В хоть в каком идеальном мире (для себя) планирую ноль детей, в казахстанской семье хорошо двое.

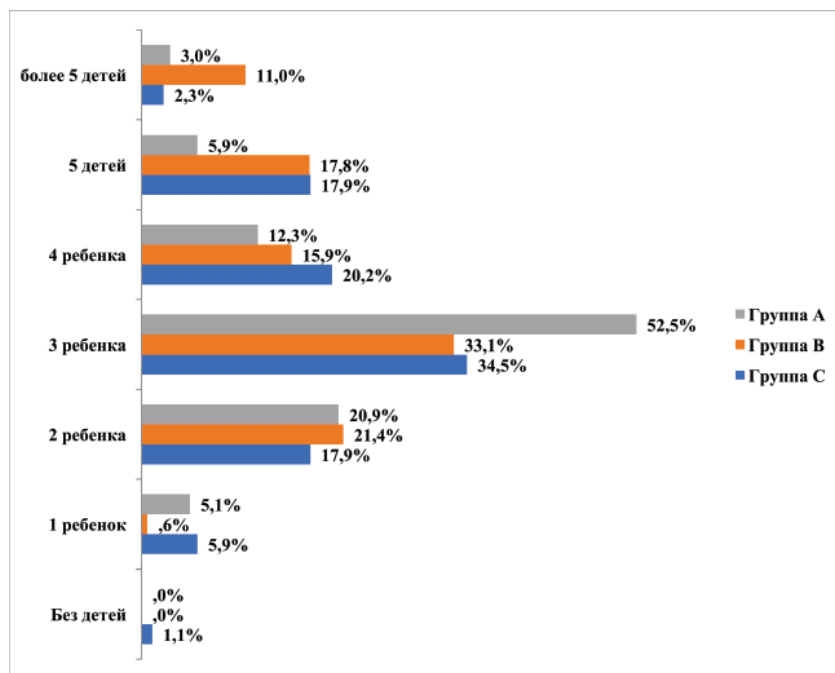

Рисунок 3.6 Число детей для казахстанских семей

На репродуктивные установки населения оказывают влияние разнообразные факторы. Их можно условно и обобщенно разделить на две группы: факторы прошлого (инерция опыта предыдущих поколений) и факторы будущего (новый опыт жизни в городском пространстве). Опыт прошлых поколений находит отражение и в такой форме, как зависимость социального статуса личности или семьи

от количества детей в условиях традиционного развития: чем больше детей, тем выше статус семьи или родителей. Сохраняется ли такое представление в сознании современной казахской молодежи?

Суммарное число утвердительных ответов составляет 31,8%, в то время, как суммарное число отрицательных ответов равно 52,6%.

Рисунок 3.7 Дети и социальный статус

Эти результаты позволяют предполагать значительное снижение фактора многодетности, как значимого элемента социального статуса. Причем, почти половина ответов (47,4%) прямо исключает число детей из атрибутов социального позиционирования.

Выводы:

Социальный портрет молодого казаха или казашки, проживающих в крупном городе ВКО и принявших решение о создании семьи:

- возраст от 22 лет;
- имеет или завершает профессиональное образование, возможно, уже начал(а) профессиональную карьеру;
- свой выбор спутника жизни делает, в первую очередь, на основе личных предпочтений и симпатий. Такой образ соответствует раннему «городскому стандарту».

- Число тех, кто не планирует создавать семью или собирается это делать значительно позже, пока не велико. Однако, о такой воз-

возможности уже говорят и респонденты социологического опроса, и участники фокус-групп;

- Такие традиционные практики, как принятие решение о вступлении в брак и подбор брачного партнера родителями, утратили свою актуальность;

- Ценят семью, прежде всего, как источник эмоциональной поддержки.

- Для этой молодежи по-прежнему актуальна репродуктивная функция семьи, хотя в рейтинге смыслов и значений семейного института она занимает лишь третье место. Этот результат может оцениваться как модернизационное явление, при котором дети остаются главным, но перестают быть единственным смыслом семьи;

- Семья как ресурс личного роста, пространство социализации ее взрослых членов, участниками опроса практически не осознается;

- Мысль о разводе в случае, если семейная жизнь не удалась, не вызывает отторжения и, даже, находит поддержку;

- Толерантное отношение к межэтническим бракам;

- Значительное число городской казахской молодежи (особенно, девушки) рассматривают семью как союз равных партнеров, что прямо противоречит традиционным установкам;

- Традиционные репродуктивные установки на многодетность не находят поддержки у большинства респондентов, принявших участие в исследовании. Чаще всего, речь идет о планах на 2–3 детей. На момент исследования число ориентированных на многодетность превышает число, тех кто планирует остаться бездетными, но разница не так велика (менее 10%). Установки на малодетность или бездетность значительно ярче выражены у коренных горожан и, видимо, унаследованы от предыдущего родительского поколения. У подавляющего большинства участников опроса и фокус-групп фиксируется большая доля прагматизма в вопросах числа детей в семье. Также, большинство исключает число детей из элементов, формирующих социальный статус человека.

Выводы, сделанные на основе полученных данных:

Участники исследования продемонстрировали переходное состояние системы семейных ценностей — они ценят семью, прежде

всего, как источник эмоциональной поддержки в трудных жизненных ситуациях, как защиту от одиночества.

Мысль о разводе в случае, если семейная жизнь не удалась, не вызывает отторжения и, даже, находит поддержку. Большинство семья воспринимается как союз равных партнеров. Эти ценности носят безусловно модернизационный характер.

Хотя для этой молодежи по-прежнему актуальна репродуктивная функция семьи, в рейтинге смыслов и значений семейного института она занимает лишь третье место. Это находит отражение и в репродуктивных установках казахской городской молодежи. Традиционные репродуктивные установки на многодетность не находят поддержки у большинства респондентов, принявших участие в исследовании. Чаще всего, речь идет о планах на 2–3 детей. На момент исследования число ориентированных на многодетность еще превышает число, тех кто планирует остаться бездетными, но разница не так велика (менее 10%). Установки на малодетность или бездетность значительно ярче выражены у горожан во втором или третьем поколении, чем у недавних переселенцев из сельской местности. Учитывая очень высокие темпы урбанизации, характерные для сегодняшнего Казахстана (самые высокие в Центральной Азии), можно предположить определенное нарастание этой тенденции. Еще одно важное отличие в системе семейных ценностей сегодняшнего городского казахского населения – исключение числа детей из элементов, определяющих общественный статус человека.

Если говорить о социальных практиках, характерных для молодых горожан-казахов, то речь может идти не только о появлении новых, но и о постепенном вытеснении старых, традиционных.

К числу новых практик необходимо отнести:

— профессиональное образование и начало самостоятельной экономической деятельности в качестве основных и обязательных условий создания семьи;

— выбор спутника жизни на основе личных предпочтений, симпатий и общности интересов.

В то же время такая традиционная практика, как принятие решения о вступлении в брак и подбор брачного партнера родителями/старшими родственниками, утратила свою актуальность.

Далее читатель сможет познакомиться с результатами исследований, которые носят более фокусированный характер. Во-первых, они были полностью посвящены репродуктивным установкам и установкам на социализацию детей, во-вторых, в них приняли участие только девушки и молодые женщины. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, именно женщины, в итоге, определяют основные репродуктивные параметры социума и векторы развитие семейного института. Поэтому, именно их выбор определит, каким образом будет реализован потенциал социализации следующего поколения и с какими рисками может столкнуться казахстанское общество.

Репродуктивные установки и установки на социализацию детей казахстанских студенток

В 2021 году авторы приступили к реализации проекта «Региональные особенности репродуктивных установок городских казашек», профинансированного Комитетом науки МОН РК. В рамках этого исследования состоялся онлайн опрос студенток-казашек в 11 городах республики, были проведены интервью с городскими казашками репродуктивного возраста, в том числе – входящими в молодежную возрастную группу (20–29 лет). Ниже приводятся полученные результаты.

Для современного Казахстана характерен высокий уровень формального профессионального образования среди женщин – по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан в 2020 году удельный вес женщин в общем числе специалистов—исследователей оценивался в 53,4%.¹ На начало 2021 года в стране работающими считались 8,7 млн человек, из них 48,3% составляли женщины. При этом 47,3% работающих женщин имели высшее и послевузовское образование, в то время как среди мужчин доля высокообразованных составляла лишь 38,1%.

Исследования репродуктивного поведения женщин в разных

1. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // <https://gender.stat.gov.kz/ru/category/8>

частях мира выявили определенную тенденцию – чем выше уровень образования и занятости среди женщин, тем ниже уровень рождаемости.¹ В Казахстане же на протяжении последних двух десятилетий отмечается устойчивый рост числа рождений. Возникает ряд вопросов: всегда ли формальное профессиональное образование женщин в Казахстане влечет за собой изменение их образа жизни и повышение реальной занятости? Какой вариант более оправдан с экономической, демографической и социальной точки зрения – отказ от профессиональной самореализации в пользу традиционной роли жены и матери, совмещение материнства с профессионально-экономической активностью или откладывание создания семьи и начала деторождения в связи с продолжением обучения и необходимостью достигнуть определенного материального и карьерного уровня?

Сегодня в стране процесс получения профессионального образования затрагивает в большей степени женщин, а этот период обычно предшествует возрасту вступления в брак – 24,8 года (средний возраст для женщин)² и началу репродуктивной активности (29,2 года – средний возраст женщин в момент рождения первого ребенка)³. Можно предположить, что установки на рождение детей, которые оформляются в студенческие годы, влияют на реализацию репродуктивного сценария в будущем. В эти же годы не только происходит выбор модели будущей семьи, но и формируются установки на профессиональную самореализацию.

В рамках реализации проекта «Региональные особенности репродуктивного поведения городских казашек» состоялся брич – опрос студенток – казашек в крупных городах Казахстана. В опросе приняли участие девушки, обучающиеся в различных регионах страны. Общее число респондентов составило 244 человека из 11 городов – Кызылорда, Актобе, Тараз, Шымкент, Петропавловск,

1. Уровень образования у казахстанских женщин лучше, чем у мужчин// <https://kazlenta.kz/29499-uroven-obrazovaniya-u-kazahstanskih-zhenschin-luchshe-chem-u-muzhchin.html>

2. Средний возраст вступления в брак казахстанок назвали в АСПИР РК//https://www.inform.kz/ru/srednij-vozrast-vstupleniya-v-brak-kazahstanok-nazvali-v-aspir-rk_a3908330

3. В Казахстане в 2020 году средний возраст матери при рождении первого ребёнка составил 29,2 года// <https://informburo.kz/novosti/v-kazahstane-v-2020-godu-srednij-vozrast-materi-pri-rozhdenii-rebyonka-sostavil-29-2-goda>

Усть-Каменогорск, Павлодар, Атырау, Костанай, Алматы, Нур-Султан.

Авторы исследования ставили перед собой несколько целей:

— Выявить специфические особенности репродуктивных установок молодых женщин, находящихся в активной фазе получения профессионального образования;

— Выделить особенности репродуктивных установок респондентов, исходя из региональной принадлежности/социокультурной специфики.

Общие характеристики респондентов.

В исследовании приняли участие 244 респондента из одиннадцати городов Казахстана (таблица 3.9).

Таблица 3.9 Представленность респондентов по городам обучения

Города обучения		Частота	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Актобе	22	9,0	9,0
	Атырау	21	8,6	17,6
	Алматы	25	10,2	27,9
	Костанай	24	9,8	37,7
	Кызылорда	23	9,4	47,1
	Нур-Султан	25	10,2	57,4
	Павлодар	20	8,2	65,6
	Петропавловск	22	9,0	74,6
	Тараз	23	9,4	84,0
	Усть-Каменогорск	22	9,0	93,0
	Шымкент	17	7,0	100,0
	Всего	244	100,0	

Относительно равная представленность респондентов позволяет с достаточной достоверностью сопоставить полученные ре-

зультаты. Все респонденты – казашки и обучаются на казахском языке, но при прохождении опроса в онлайн-формате им была предоставлена возможность выбрать язык заполнения. Результаты этого выбора можно увидеть на рисунке 3.8.

На рисунке 3.8 четко видна языковая поляризация – в городах Кызылорда, Актобе и Тараз абсолютное большинство (более 90%) отвечали на вопросы анкеты на казахском языке. В городах Нур-Султан и Алматы — 100% респондентов выбрали русский язык. При сопоставлении этих данных с ответами на вопрос о постоянном месте проживания выявилась следующая закономерность: чем больше выходцев из сельской местности, тем выше процент выбора казахского языка.

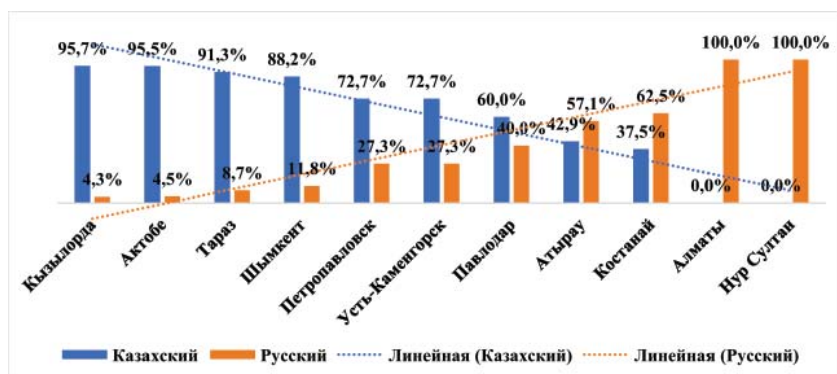

Рисунок 3.8 Распределение языка заполнения анкеты

Коэффициент корреляции Пирсона между удельным весом выходцев из сельской местности и выбором казахского языка для заполнения анкеты составил 0,852, что характеризуется как сильная связь.¹

И, напротив, чем больше среди респондентов было выходцев из городской среды, тем чаще они выбирали для заполнения анкеты русский язык. В данном случае коэффициент Пирсона составил 0,802 (также сильная связь).

1. Здесь и далее расчет произведен с помощью онлайн калькулятора http://www.rnz.ru/econometrica/raschet_koefficienta_korreljatsii.php

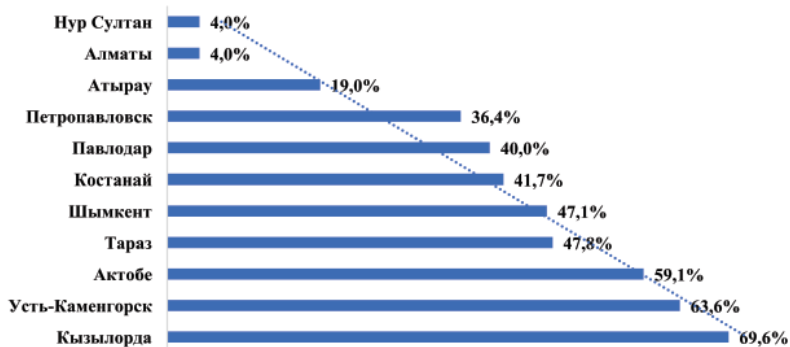

Рисунок 3.9 Доля респондентов – выходцев из сельской местности

Таким образом, можно предположить, что для студенток—кашачек актуальна языковая поляризация по месту постоянного проживания, которая переносится в пространство учебного заведения.

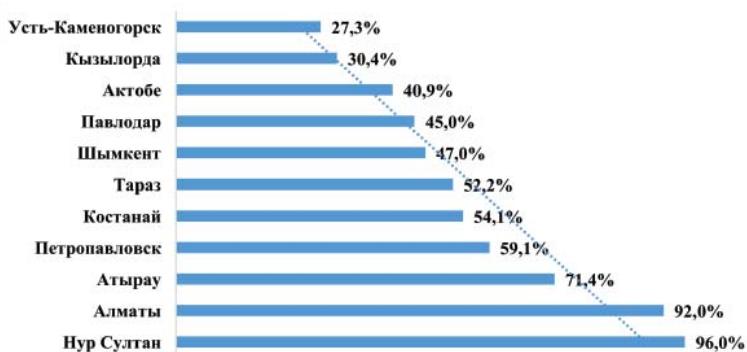

Рисунок 3.10 Доля респондентов – выходцы из городской местности

Этот вывод нуждается в специальной проверке, так как подобная задача не ставилась при разработке программы данного исследования. В то же время эти данные позволяют сформировать определенные представления о различиях социокультурной среды,

в которых проходила социализация студенток до поступления в учебные заведения. Далее будут прослежены расхождения в ответах участников опроса в зависимости от различных характеристик и факторов, в том числе, фактора выбора языка заполнения.

Условия создания семьи и рождения детей

Респондентам был задан вопрос, какие условия они считают обязательными в той или иной степени для создания семьи и рождения детей. При формулировке был использован прием ранжирования – все предложенные варианты ответа было необходимо расставить в последовательности от 1 до 8 в зависимости от степени значимости: самое важное условие на первое место, наименее значимое на последнее. Таким образом, чем ниже средний балл, тем выше значение конкретного условия для респондентов. Общие результаты по опросу выглядят следующим образом (рисунок 3.11).

Наибольший интерес привлекают первая (наиболее значимая с точки зрения респондентов) и последняя (наименее значимая) позиции – наличие собственного жилья – выглядит как абсолютный приоритет. В то же время, менее всего респонденты склонны оценивать значимость социально—экономической поддержки государства. Однако, важно понимать, что такие ответы – не столько принципиальная позиция, сколько отражение желаний участников опроса.

Рисунок 3.11 Значение условий для создания семьи и рождения детей

Точные цифры молодежи, нуждающейся в собственном жилье, не известны, но трудно предполагать, что все они отложат создание семьи и рождение детей до «лучших времен». Кроме того, действующие сегодня государственные программы «доступного жилья для молодежи» ориентированы на уже созданные семьи. Таким образом, государство предлагает сначала создавать семью и лишь затем решать вопросы с собственным жильем.

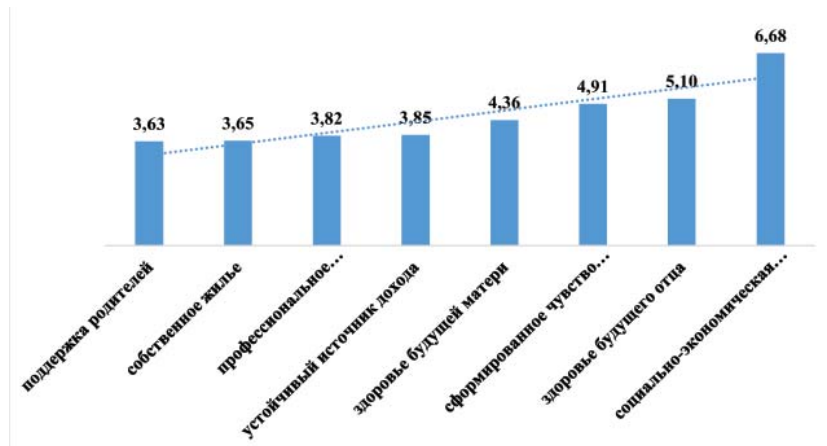

Рисунок 3.12 Значение условий для создания семьи и рождения детей (выходцы из сельской местности)

Есть и еще один важный нюанс: в государственных жилищных программах (особенно в крупных городах – Нур-Султан, Алматы, Шымкент с 2019 года) речь идет об арендном жилье без права выкупа, то есть молодые семьи будут оплачивать стоимость квартир, которые никогда не станут их собственностью. Сомнительно, что параллельно с этим значительная часть молодежи сможет откладывать средства на ипотеку без помощи родителей или других родственников.¹

Заметными становятся отличия в ответах респондентов в зависимости от их постоянного места жительства – для выходцев из сельской местности на первые позиции по значимости выходит

1. Как молодежи решить жилищный вопрос// <https://www.kn.kz/article/8578/>

поддержка семьи, хотя собственное жилье также остается приоритетным условием (рисунок 3.12).

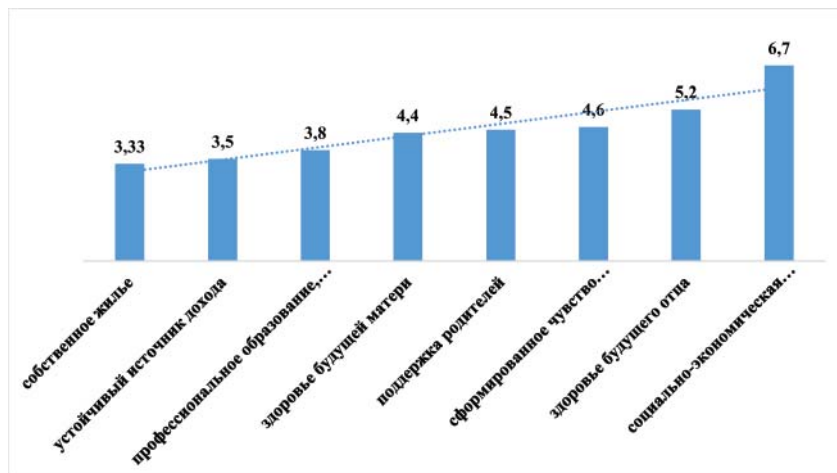

Рисунок 3.13 Значение условий для создания семьи и рождения детей (выходцы из городской местности)

В ответах студенток – выходцев из городской среды (рисунок 3.13) значение поддержки семьи резко снижается и с первых позиций смещается на пятое место. А лидируют три позиции – собственное жилье, устойчивый источник дохода и профессиональное образование.

Рассмотрение полученных данных в аспекте региональных особенностей (по отдельным городам обучения) позволяет оценить ситуацию с еще одного ракурса. Но, сначала необходимо сгруппировать предложенные для ранжирования условия в определенную шкалу, где первые три позиции обозначают высокий приоритет, последние три позиции – низкий приоритет в сравнении с первой группой, а две промежуточные позиции можно определить как обладающие достаточной, но не первостепенной значимостью.

Итак, обобщенные данные показывают, что в первую группу входят такие условия, как собственное жилье, устойчивый источник дохода и профессиональное образование (профессия). Это рациональные ценности, характерные для современных модер-

низованных обществ. Их приоритетность в ответах может свидетельствовать о стремлении к ответственности, самостоятельности и определенной автономности. Третью группу условий с низким приоритетом сформировали: чувство ответственности перед семьей и будущими детьми (достаточно абстрактное понятие, не выраженное в конкретные действия), здоровье будущего отца и социально-экономическая поддержка государства. Такой низкий приоритет этих условий возможно объясняется отсутствием реального жизненного опыта и непониманием того, насколько эти факторы могут положительно или отрицательно сказаться на семье и условиях рождения и воспитания детей.

Интересно другое – поддержка родительской семьи является безусловной и неотъемлемой частью традиционных ценностей. Эта позиция в обобщенных данных занимает промежуточное положение, но фактически, именно различия в оценке этого условия проявляются ярче всего в разных городах.

При более детальном рассмотрении мы обнаруживаем, что поддержка родителей входит во вторую (промежуточную) группу значимости только в трех городах – Актобе, Петропавловск и Усть-Каменогорск. В остальных случаях наблюдается заметная поляризация в оценке значимости этого условия: в городах Атырау, Костанай, Кызылорда, Павлодар, Тараз и Шымкент поддержка родителей была отнесена респондентами к важнейшим условиям создания семьи и рождения детей.

В городах Нур-Султан и Алматы поддержка родителей сдвигается в третью группу условий низкой приоритетности. Напомним, что среди участников опроса в двух столицах не было выходцев из сельской местности и в сознании коренных горожанок поддержка родительской семьи уже утрачивает традиционную значимость. Это объясняется тем, что в городах с хорошо развитой инфраструктурой традиционные функции старшего поколения переходят к формальным институтам. В городах с менее развитой инфраструктурой, дефицитом мест в дошкольных и школьных учреждениях образования, ограниченным доступом к высокопрофессиональным медицинским услугам и т.д. эта потребность в помощи родительской семьи сохраняет свою актуальность. Тем более высока цен-

ность этого условия в сознании вчерашних выходцев из сельской местности. Особенно ярко эти различия проявляются при анализе полученных результатов с точки зрения языка заполнения анкеты – те, кто выбрал казахский язык заполнения, ставили поддержку родителей на первое место. Те, кто заполнял анкету на русском языке, поставили эту позицию только на шестое место в рейтинге условий создания семьи и рождения детей – третья группа приоритетности (рисунки 3.14, 3.15).

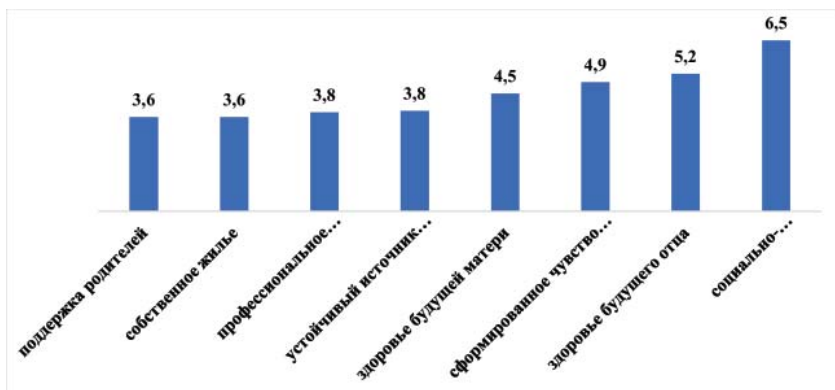

Рисунок 3.14 Значение условий для создания семьи и рождения детей (язык заполнения – казахский)

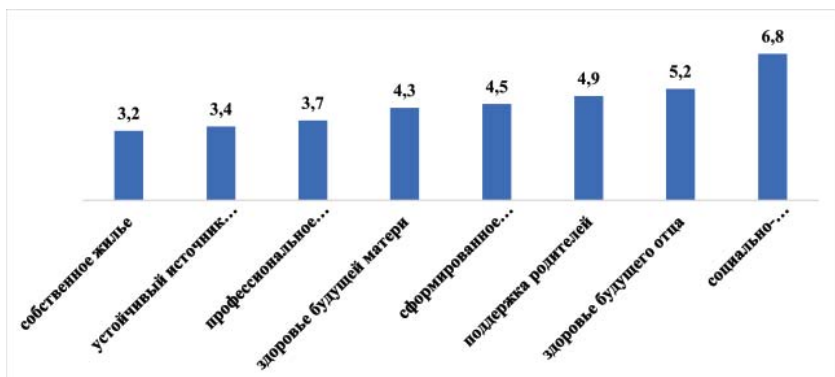

Рисунок 3.15 Значение условий для создания семьи и рождения детей (язык заполнения – русский)

Наибольшее единодушие участники опроса проявили при оценке значимости собственного жилья для создания молодой семьи и рождения детей – амплитуда региональных колебаний в этом случае составила 1,26. Самые заметные различия выявляются при оценке значения поддержки родителей – амплитуда региональных колебаний 3,31. То, есть уже отмечается рационализация мышления и высокое значение нуклеарного формата семейной жизни, но, в то же время, у студенток с сельским бэкграундом сохраняется сильная зависимость от родительской семьи. У полностью городских девушек, как уже отмечалось выше, это противоречие в значительной степени преодолено.

Таблица 3.10 Максимальные и минимальные оценки значения условий создания семьи и рождения детей (по городам обучения)

Город	Максимально высокая оценка значимости	Минимально низкая оценка значимости
Собственное жилье (амплитуда 1,26)		
Алматы	2,92	
Шымкент		4,18
Профессиональное образование, профессия (амплитуда 2,01)		
Петропавловск	2,64	
Шымкент		4,65
Устойчивый источник дохода (амплитуда 1,31)		
Алматы	3,04	
Павлодар		4,35
Поддержка родителей (амплитуда 3,31)		
Шымкент	2,53	
Алматы		5,84
Здоровье будущей матери (амплитуда 1,66)		
Нур-Султан	3,48	
Атырау		5,14
Сформированное чувство ответственности перед семьей и будущими детьми (амплитуда 2,15)		

Продолжение таблицы № 3.10		
Нур-Султан	3,80	
Актобе		5,95
Здоровье будущего отца (амплитуда 1,39)		
Нур-Султан	4,52	
Атырау		5,91
Социально—экономическая поддержка государства (амплитуда 1,31)		
Актобе	5,86	
Тараз		7,17

Независимо от различных характеристик респондентов, менее всего оказываются три условия: сформированное чувство ответственности перед семьей и будущими детьми, здоровье будущего отца и социально—экономическая поддержка государства. Последнее вызывает особый интерес, так как СМИ в последние годы неоднократно и активно привлекало внимание к выступлениям многодетных матерей по поводу недостаточной с их точки зрения государственной поддержки. Результаты опроса показали, что самый низкий ранг значимости (8 место) социально—экономической поддержки государства для создания семьи и рождения детей присвоили 52,0% от общего числа респондентов, а суммарное число рейтинговых оценок в третьей группе (места с 6 по 8) составило 70,1%. Можно предполагать следующее: социально—экономическая поддержка государства является критически важной именно для многодетных семей, если речь идет о семьях малолетних и среднететных, то на первый план выходит социально-экономическая обеспеченность из других источников – доходы от собственной профессионально—экономической активности. Это одно из объяснений высокой приоритетности профессионального образования и устойчивого источника дохода.

Подводя предварительный итог по вопросу об условиях, необходимых с точки зрения респондентов для создания семьи и рождения детей в сегодняшнем Казахстане, можно сказать, что ответы студенток, приехавших в города обучения из сельской местности и

отвечавших на казахском языке ближе к реальности и точнее отражают распространенные в настоящее время социальные практики (сохранение тесных связей с родительской семьей). В то же время, нельзя не отметить, что студентки, укорененные в городах и часто отвечавшие на русском языке, в большей степени ориентированы на ценности модернизации (относительно автономная нуклеарная семья). Какой из этих вариантов в ближайшие годы получит большее распространение будет в значительной мере зависеть от социально-экономических условий в стране, в первую очередь – от доступности собственного жилья для молодежи в целом и молодых семей в частности.

Находят ли эти системы ценностей отражение в личных жизненных целях респонденток? Ответ на этот вопрос дают следующие результаты.

Жизненные приоритеты респондентов и их представления о типичных жизненных приоритетах современной женщины в Казахстане

Как видно на рисунке 3.16, высокий профессионализм и конкурентоспособность являются основной жизненной стратегией большинства участниц опроса. В этом случае был также использован прием ранжирования — предлагалось расставить варианты в порядке значимости: на первом месте самое важное, на последнем — самое не важное.

В число наименее значимых целей попали традиционные женские ориентиры – социальный успех через реализацию роли жены и матери, а в числе наиболее значимых приоритетов были указаны профессионализм, конкурентоспособность и общие нравственные качества («стать хорошим человеком»).

Показательно, что такая расстановка позиций характерна для респондентов независимо от того, являются они коренными горожанами или выходцами из сельской местности (рисунок 3.17). В численном выражении колебания оценок незначительны и не оказывают принципиального влияния на систему жизненных приоритетов.

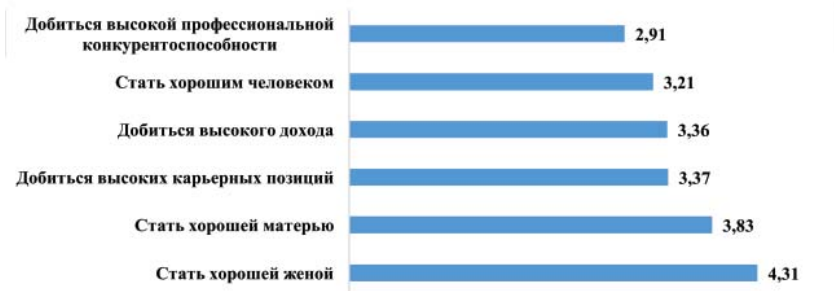

Рисунок 3.16 Личные жизненные приоритеты респондентов (обобщенные данные)

Рисунок 3.17 Личные жизненные приоритеты респондентов (обобщенные данные)

Однако, важно то, что значение самореализации в роли матери устойчиво выше, чем самореализации в роли жены. Формат ранжирования «вынудил» респондентов сделать свой выбор, и он выглядит достаточно однозначно во всех городах.

Далее представлены колебания мнений в городах по всем вариантам при сохранении последовательности их общей расстановки респондентами.

Таблица 3.11 Личные жизненные приоритеты респондентов. Колебания мнений по городам обучения

Город	Максимально высокая оценка значимости	Минимально низкая оценка значимости
Стать хорошим человеком (амплитуда 1,44)		
Шымкент	1,71	
Павлодар		3,15
Добиться высокой профессиональной конкурентоспособности (амплитуда 1,10)		
Актобе	2,23	
Атырау		3,33
Добиться высокого дохода (амплитуда 0,93)		
Алматы	2,72	
Шымкент		3,65
Добиться высоких карьерных позиций (амплитуда 1,47)		
Петропавловск	2,77	
Шымкент		4,24
Стать хорошей матерью (амплитуда 0,76)		
Павлодар	3,80	
Нур-Султан		4,56
Стать хорошей женой (амплитуда 1,1)		
Павлодар	4,10	
Нур-Султан		5,20

Таблица 3.11 демонстрирует, что именно в позиции «Стать хорошей матерью» различия между респондентами наименее выражены. Таким образом, изменения в приоритетности такой жизненной стратегии, как материнство происходит у студенток-казашек практически синхронно по всем городам страны. Интересно, что язык заполнения не оказывает никакого влияния на выбор респондентов – рейтинги в обоих случаях практически идентичны.

В социальной психологии хорошо известно противоречие между желанием мыслить себя в качестве уникального, особенного

человека и стремлением к конформизму – социальной мимикрии, желанием быть «как все». Интересно другое, в аспекте каких ценностей личность выбирает первый вариант – особенность, уникальность, и в аспекте каких – второй вариант – «нормальность». После вопроса о личных жизненных приоритетах респондентов им был задан вопрос о том, как они представляют себе типичные приоритеты современной женщины в Казахстане. Так появилась возможность не только получить образ «типичной современной женщины Казахстана», существующий в сознании студенток-казашек, но и соотнести его с их представлениями о себе. То есть, в какой степени и в каких именно аспектах они склонны считать себя «типичными».

Рисунок 3.18 Жизненные приоритеты современной женщины в Казахстане (обобщенные данные)

Ответы, полученные на этот вопрос, практически идентичны ответам на вопрос о личных жизненных приоритетах самих участниц опроса. Есть только одно значимое отличие – хотя респондентки рисуют жизненные приоритеты казахстанок по своему образцу, но себя считают более нравственно ориентированными или менее прагматичными (обе интерпретации имеют место), чем остальные соотечественницы. Это приводит к тому, что варианты «Стать хо-

рошим человеком» и «Добиться высокой профессиональной конкурентоспособности» в «личном» и «типичном» рейтингах меняются местами, продолжая сохранять лидирующие позиции. Интересно, что респонденты, отвечавшие на русском языке, считают «типичные приоритеты» других женщин Казахстана значительно более прагматичными, чем собственную жизненную позицию (рисунок 3.19). У респондентов, отвечавших на казахском языке, такое расхождение не отмечается. То есть, для выбравших русский язык заполнения, в большей степени характерно противопоставлять себя «другим», подчеркивать собственную отличность. Такое подчеркивание индивидуальности свойственно первым фазам социокультурного перехода от традиционного мировоззрения к модернизированному.

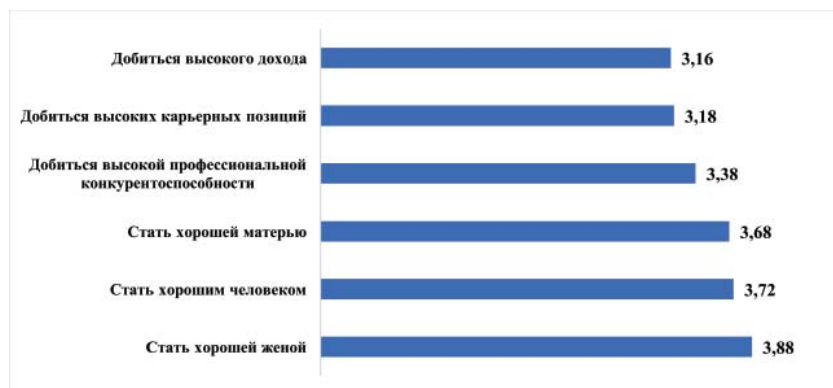

Рисунок 3.19 Жизненные приоритеты современной женщины в Казахстане (язык заполнения — русский)

Еще одно замечание – приоритет позиции матери по отношению к позиции жены. Такое соотношение является проявлением модернизации сознания, ведь традиционная роль женщины обычно осмысливается только через супружество, а «стать хорошей женой» — это основная жизненная цель женщины в традиционном обществе. В результатах данного опроса мы видим, что независимо от места постоянного проживания или региона обучения все респонденты поставили эту позицию на последнее место из

предложенных. Каким образом это изменение гендерного сознания отражается в желаемом распределении ролей в будущей семье, представлено на рисунке 3.20.

Распределение гендерных ролей и семейных обязанностей

Предложенные варианты ответа отражают как полярные позиции – условный «патриархат», характерный для классической традиционной ролевой структуры семьи, и условный «матриархат», который получил распространение в странах с длительной историей урбанизации, так и промежуточный вариант баланса гендерных ролей – так называемая, партнерская семья. Именно этот вариант оказался самым популярным у респондентов – его отметили около 80% всех участников опроса.

Рисунок 3.20 Распределение ответов на вопрос о гендерных ролях и обязанностях в семье (обобщенные данные)

Различия выявляются при анализе ответов через призму места постоянного проживания респондентов. Для городских жителей этот вариант заметно предпочтительнее – 82,8%, чем для выходцев из сельской местности – 73,4% (разница составляет 9,4%). Можно было бы говорить о влиянии урбанизационного фактора как такового, но проверка данных по методу корреляции Пирсона показала, что связь между удельным весом выходцев из сельской местности

и выбором варианта ответа «Оба супруга зарабатывают, все важные для семьи решения принимаются совместно» хотя и устанавливается (как обратная), но характеризуется как слабая – 0,366 (значение менее 0,5). То есть, стоит рассмотреть влияние регионального аспекта (рисунок 3.21).

Именно региональный фактор оказывает наибольшее влияние на выбор респондентов и в этом случае различия между крайними позициями (Шымкент, с одной стороны, Алматы и Нур-Султан с другой) достигают 44,4%.

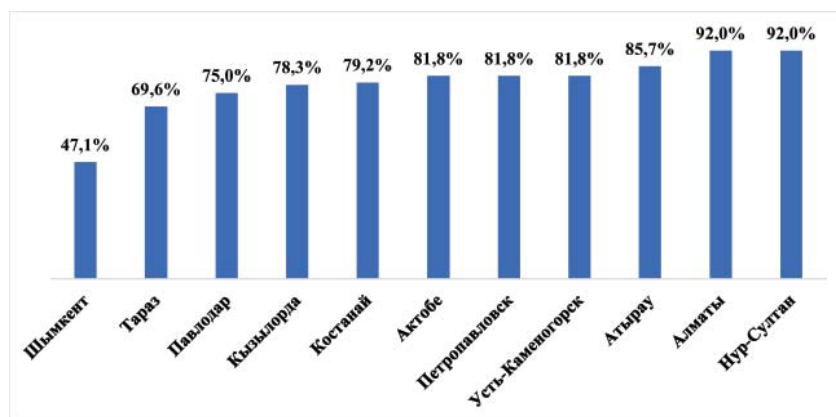

Рисунок 3.21 Выбор варианта партнерских отношений в семье, по городам обучения

Столь же показательно распределение ответов с вариантом «Мужчина – глава семьи, основной добытчик материальных средств, он принимает все важные для семьи решения» в разрезе отдельных городов (рисунок 3.22)

Еще одной характеристикой респондентов, по которой можно выявить значимые отличия во мнениях, является язык заполнения анкеты (рисунки 3.23, 3.24).

Хотя у всех участников опроса доминирует партнерский вариант семейной структуры, нельзя не заметить, что у респондентов, отвечавших на казахском языке, в значительно большей степени проявляются традиционные представления о распределении се-

мейных ролей (24,8% по отношению к 7,8%).

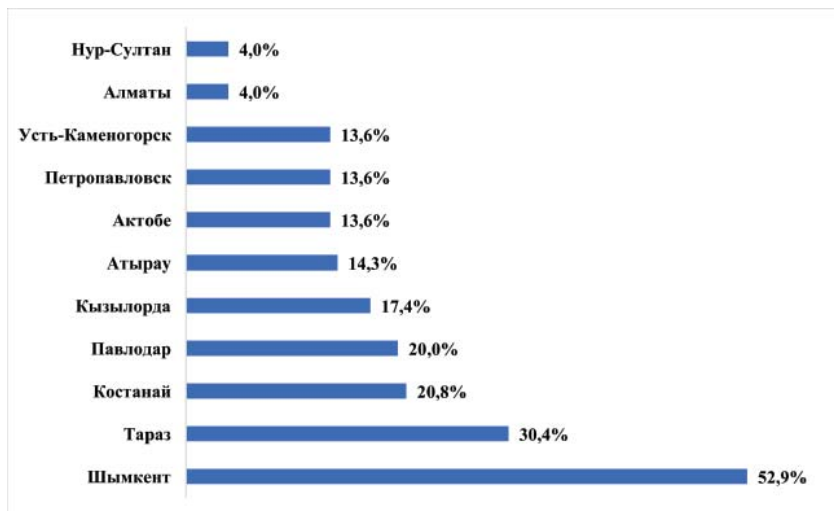

Рисунок 3.22 Выбор патриархального варианта отношений в семье, по городам обучения

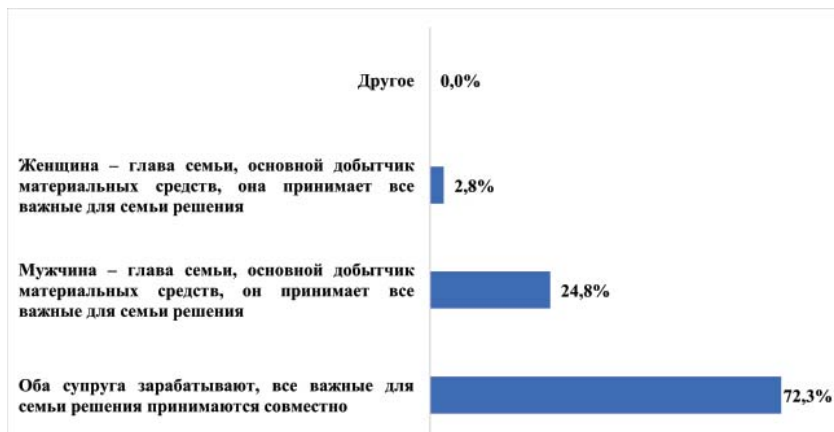

Рисунок 3.23 Выбор вариантов распределения ролей в семье (язык заполнения анкеты – казахский)

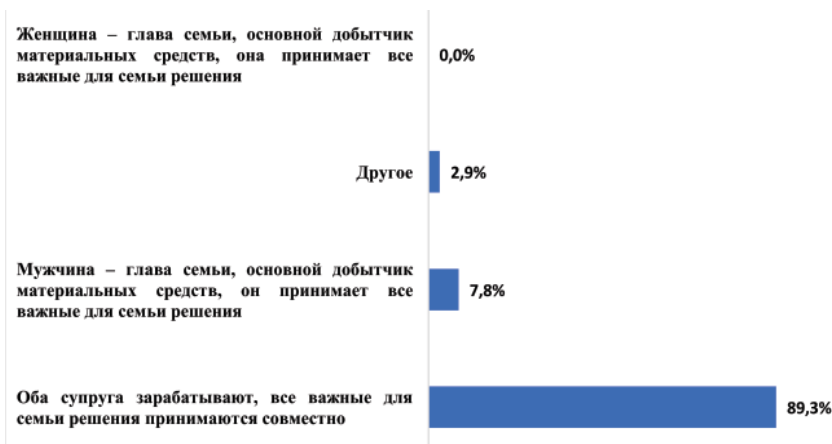

Рисунок 3.24 Выбор вариантов распределения ролей в семье (язык заполнения анкеты – казахский)

Роль религии в семье. Одним из важных факторов, формирующих социокультурное пространство, является религия. У респондентов спросили, какую роль религия играет в жизни их семьи? Так как необходимо было оценить именно социокультурную среду, в которой происходила социализация участников опроса, формулировка направлена не на личную позицию, а на выявление значимости религии в семье.

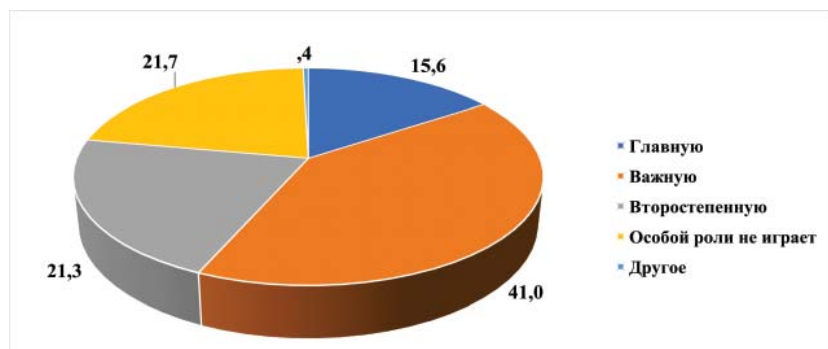

Рисунок 3.25 Значение религии в жизни семьи респондентов (обобщенные данные)

На рисунке 3.25 видно, что полученные результаты не являются однозначными. Хотя самым выбираемым вариантом был «Важная роль», но число тех, кто отметил, что религия не играет особой роли, больше, чем число тех, кто выбрал вариант «Главная роль». То есть, спектр уровня религиозности семей, из которых происходят участники опроса, достаточно широк.

И вновь анализ через призму различных характеристик респондентов значительно меняет картину полученных результатов. Для выходцев из сельской местности мы увидим такое соотношение степени религиозности семей: «Главная роль» — 24,5%, «Особой роли не играет» — 13,8%. Для городских семей это соотношение будет выгладить иначе: «Главная роль» — 8,4%, «Особой роли не играет» — 27,3%. При этом выбор самого популярного варианта «Важная роль» не показывает значимых различий: выходцы из сельской местности – 44,7%, коренные горожане – 41,1%. То есть, важные социокультурные различия проявляются при сопоставлении полярных вариантов ответов.

Однако, при рассмотрении ответов, полученных в разных городах, эти различия становятся еще более заметными (рисунок 3.26).

По обобщенным данным (рисунок 2.18) вариант ответа «Важная роль религии в семье» является наиболее выбираемым, но сравнение по городам выявляет амплитуду колебаний, равную 49,6% — от 69,6% в Кызылорде до 20,0% в Нур-Султане и Алматы.

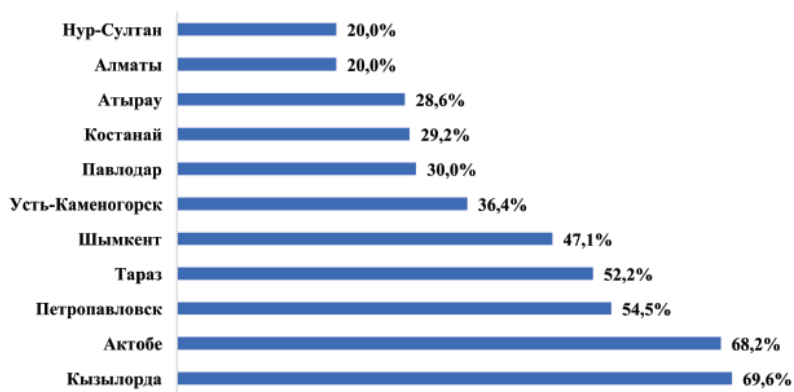

Рисунок 3.26 Роль религии в семье – важная, по городам обучения

Не менее противоречивой выглядит и ситуация с выбором полярных вариантов ответа: «Главная роль религии в семье» и «Религия не играет особой роли в семье» (рисунок 3.27).

Рисунок 3.27 Распределение полярных значений религии в семьях респондентов по городам обучения

Полученные данные отражают чрезвычайно различные степени религиозности семей респондентов в зависимости от городов обучения.

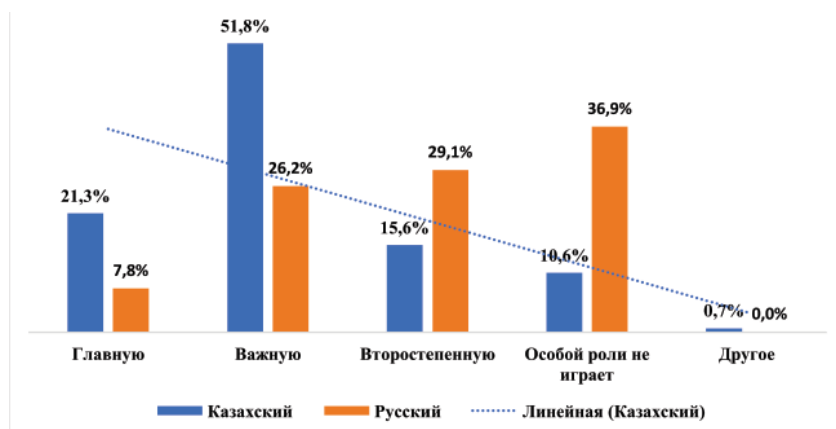

Рисунок 3.28 Распределение ответов о роли религии в семьях респондентов, по языку заполнения

Так как участники опроса различаются и по выбору языка заполнения анкеты, то можно увидеть, как уже выявленная тенденция отображается в этом ракурсе (рисунок 3.28).

Предварительные выводы: более высокая значимость религии характерна для семей респондентов, которые обучаются в городах Кызылорда, Актобе, Петропавловск, Тараз и Шымкент (региональное разнообразие), а также это более характерно для респондентов, которые выбрали казахский язык заполнения анкеты. С другой стороны, заметно меньшую роль религия играет в семьях участников опроса, которые обучаются в городах Нур-Султан, Алматы, Атырау и Костанай (также региональное разнообразие), и выбрали русский в качестве языка заполнения анкеты.

Отношение к многодетным семьям

Отношение к многодетным семьям косвенно влияет на индивидуальный выбор репродуктивного сценария и отражает представление респондента о репродуктивной норме, характерной для его социального окружения. Таким образом, ответы на вопрос об отношении к многодетным семьям позволяет не только делать обоснованные предположения процессе формирования типичных репродуктивных установок студенток-казашек, но и об общих репродуктивных настроениях, характерных для различных регионов, социальных групп и категорий. Предложенные варианты ответа представляют собой определенную шкалу отношения к многодетности – от «Отношусь очень положительно, сама планирую стать многодетной мамой» до «Отношусь отрицательно если родители ждут и требуют постоянной помощи от государства». Как видно на рисунке 3.29, общее число ответов, которые содержат «отрицательное отношение» к многодетности, не велико. Суммарно оно составляет 16,1%. Общее число ответов, которые содержат (положительное отношение» к многодетности, значительно больше – 61,8%. Но, два варианта ответа – «Отношусь положительно только если родители могут самостоятельно создать для детей все необходимые условия развития» и «Отношусь отрицательно если родители не могут самостоятельно создать для детей все необходимые условия

развития» — содержательно являются идентичными, различаясь лишь позитивной и негативной коннотацией. Смысловая группировка выявляет, что именно оговорка «самостоятельного создания всех необходимых для развития детей условий» и определяет суть положительного или отрицательного отношения респондентов к многодетности – на эти два варианта ответа суммарно приходится 44,4%.

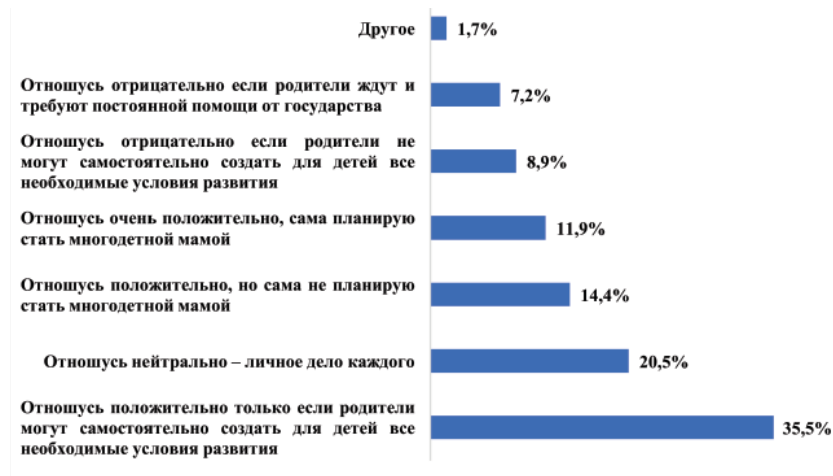

Рисунок 3.29 Отношение респондентов к многодетным семьям, по городам обучения

Однако, мы уже не раз убеждались, что обобщенные данные не раскрывают всей картины – слишком велики региональные и социально—групповые различия во мнениях. Ответы на данный вопрос не стали исключением. Сопоставим полярные варианты ответов по городам обучения участников опроса (рисунок 3.30).

Как и предполагалось, диапазон колебаний вероятного сценария многодетности очень велик – от 0,0% (Алматы) до 45,5% (Петропавловск).

В два раза меньше диапазон колебаний выбора варианта ответа «Отношусь отрицательно если родители ждут и требуют постоянной помощи от государства», но и это значение является значимым – 19,8% (рисунок 3.31).

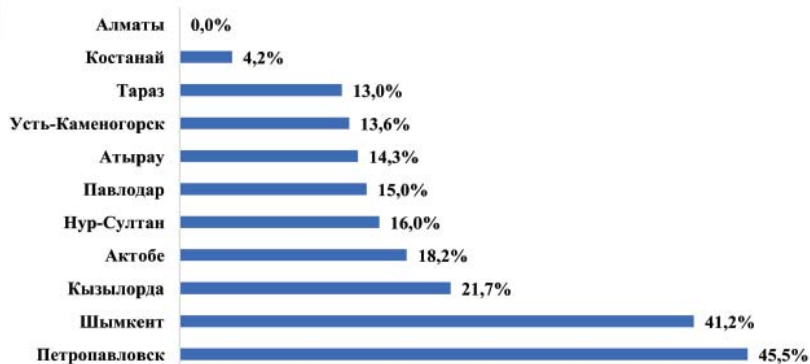

Рисунок 3.30 Наиболее положительное отношение к многодетным семьям, по городам обучения

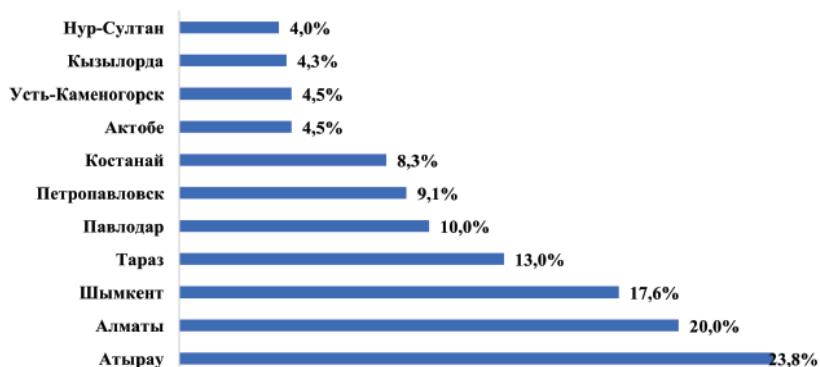

Рисунок 3.31 Наименее положительное отношение к многодетным семьям, по городам обучения

Интересно, что место постоянного проживания не оказывает заметного влияния на выбор многодетности в качестве ориентира репродуктивной самореализации – вариант «Отношусь очень положительно, сама планирую стать многодетной мамой» выбрали 19,1% выходцев из сельской местности и 17,9% коренных горожан.

А вот по языку заполнения анкеты отличия в этой позиции весь-

ма значительны – в два раза (казахский язык заполнения – 22,0%, русский язык заполнения – 11,7% соответственно).

Интересно, что акцент на негативном отношении к многодетности по причине требований помощи от государства несколько чаще делали респонденты из сельской местности, чем горожане: 12,8% и 9,1% соответственно, хотя такие колебания нельзя считать статистически значимыми. Этот вариант ответа указали 8,5% респондентов, отвечавших на казахском языке и 13,6% респондентов, выбравших русский язык заполнения анкеты.

Подводя итог анализа ответов на вопрос об отношении к многодетным семьям необходимо отметить, что число положительных оценок выше числа отрицательных, но основой такого отношения для большинства является способность семьи самостоятельно создать детям все необходимые условия. Существует вероятность, что если в СМИ будет еще чаще освещаться общественная активность многодетных матерей, их обращения и требования материальной и финансовой поддержки со стороны государства, будут показываться неблагоприятные условия, в которых оказываются дети в многодетных семьях, то может произойти некоторый рост негативного отношения к многодетным семьям как социальному явлению.

Важно отметить, что различия в ориентирах на многодетность, как сценарии репродуктивной самореализации, проявляются не столько в зависимости от постоянного места проживания респондентов (село-город) или такого социокультурного фактора, как язык заполнения анкеты, а от конкретных городов, в которых проходит обучение участников опроса. В то же время, эти города не локализируются в каком-то определенном регионе – особенно выделяются Шымкент и Петропавловск.

Факторы, влияющие на выбор репродуктивного сценария

Участникам опроса было предложено указать, чем будет определяться вероятное число их детей. Выбрать можно было из пяти вариантов: два рационально-финансовых, но с разными источниками доходов – доходы семьи или поддержка государства, один традиционно—рациональный – желание и поддержка мужа, семьи, один

иррациональный – воля случая, воля высших сил, и один вариант «Другое». Такой выбор позволяет оценить, какие элементы сознания (рациональные, иррациональные, традиционные или иные) и в какой степени формируют репродуктивные установки респондентов (рисунок 3.32).

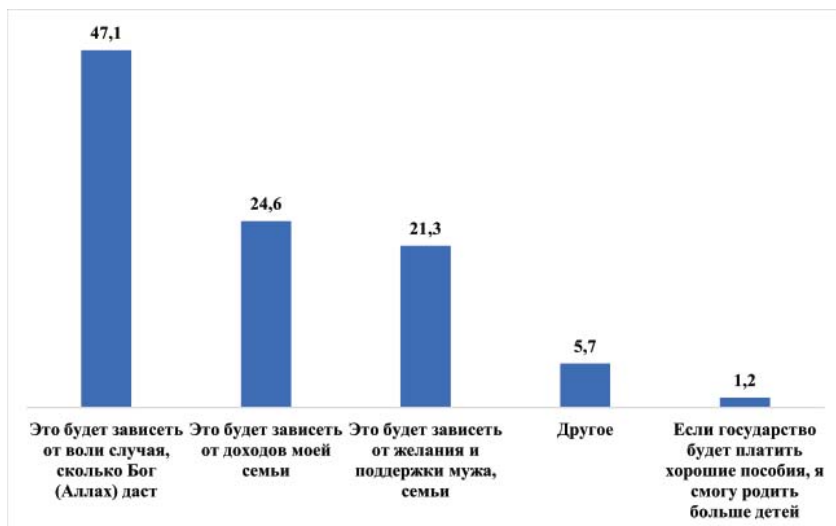

Рисунок 3.32 Факторы, влияющие на вероятное число детей, обобщенные данные

Напомним, что, отвечая на вопрос о личных жизненных целях, подавляющее большинство респондентов отодвигали материнство в третью приоритетности (пятое место из шести возможных). В то же время, почти половина участников опроса предпочитает полагаться на иррациональные силы, не беря на себя ответственность за возможное число детей. Крайне низкий уровень прагматичности выбора репродуктивного сценария подчеркивается и тем фактом, что практически все респонденты отказываются признавать (либо не готовы осознать) значимость государственных программ поддержки рождаемости. Складывается впечатление (которое может быть опровергнуто в результате глубинных интервью), что для многих современных студенток-казашек говорить о государствен-

ных пособиях как важном условии рождения детей, является чем-то «недостойным».

Выбор иррационального варианта в очень большой степени зависит от города, в котором обучаются респонденты – амплитуда колебаний составляет 92,0%! Можно произвести логическую группировку: первая группа (выбор иррационального варианта менее 30,0%) – города Алматы, Нур-Султан, Атырау; вторая группа (выбор иррационального варианта менее 50,0%) – Усть-Каменогорск, Костанай, Петропавловск; третья группа (выбор иррационального варианта от 50,0% и выше) – Павлодар, Актобе, Тараз, Кызылорда, Шымкент (рисунок 3.33).

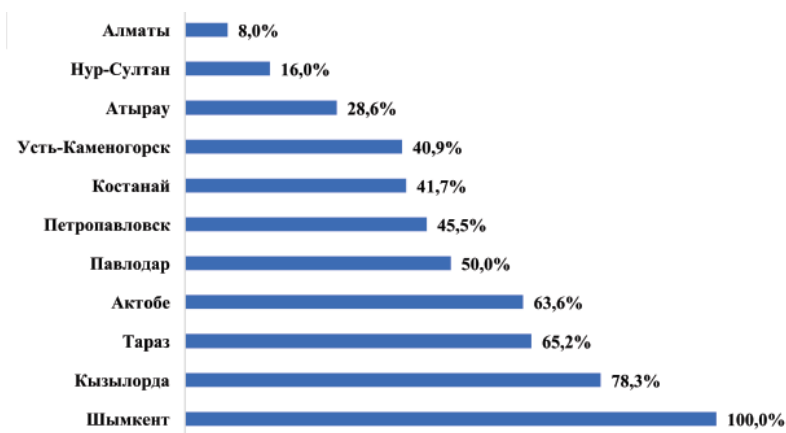

Рисунок 3.33 Распределение выбора иррационального фактора как обоснования вероятного числа детей, по городам обучения

Выбор наиболее рационального варианта, который отражает высокий уровень модернизации репродуктивного сознания, также заметно колеблется от 0,0% (г. Шымкент) до 38,1% (г. Атырау) (рисунок 3.34).

Выбор варианта «Если государство будет платить хорошие пособия, я смогу родить больше детей» гораздо более однозначен и колеблется от 0,0% (8 городов) до 4,2%–4,5% (города Костанай, Кызылорда и Петропавловск).

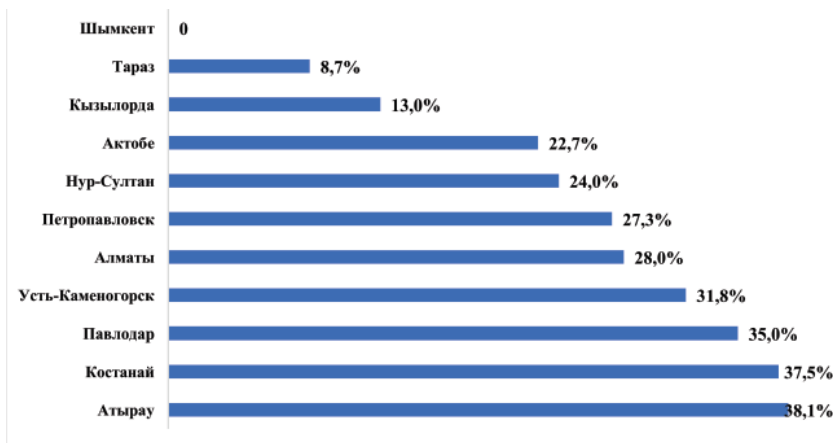

Рисунок 3.34 Распределение выбора рационального фактора как обоснования вероятного числа детей, по городам обучения

Значительные различия фиксируются и при сравнении ответов, которые давали респонденты, выбравшие разный язык заполнения анкеты (рисунок 3.35).

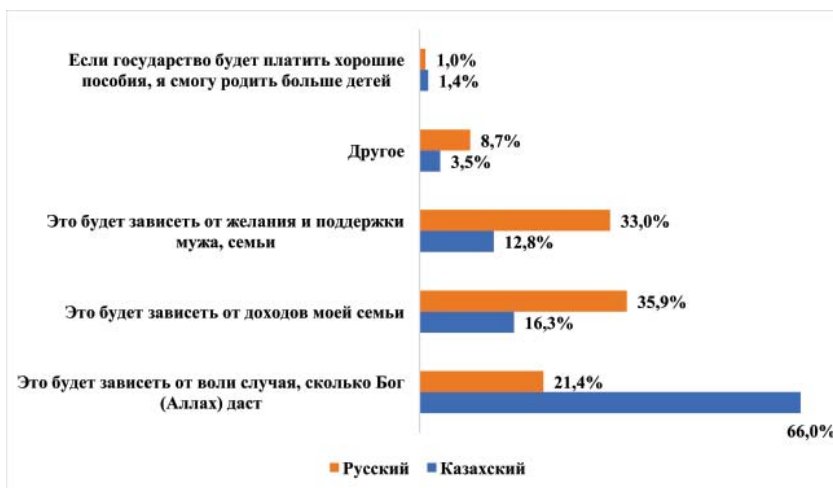

Рисунок 3.35 Распределение выбора обоснования вероятного числа детей, по языку заполнения

Число тех, кто выбрал иррациональный ответ «Это будет зависеть от воли случая, сколько Бог (Аллах) даст» в три раза выше среди респондентов, заполнявших анкету на казахском языке (66,0% и 21,4% соответственно). А среди тех, кто заполнял анкету на русском языке, в два раза больше выбравших рациональный вариант ответа «Это будет зависеть от доходов моей семьи» — 35,9% и 16,3% (рисунок 3.35).

Результаты, полученные в ходе опроса, показали, что степень рациональности в обосновании вероятной репродуктивной самореализации ниже у студенток-казашек в таких городах, как Павлодар, Актобе, Тараз, Кызылорда, Шымкент, а также у тех, кто заполнял анкету на казахском языке. Также большую склонность к иррациональности в этих вопросах проявляют респонденты с сельским бэкграундом.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено определенное противоречие в сознании значительного числа респондентов: с одной стороны, позиция «стать хорошей матерью» в рейтинге их жизненных приоритетов находится на пятом из предложенных шести мест, а первый план выходят модернизированные ценности профессионального успеха и устойчивого дохода, с другой – почти половина опрошенных в сфере репродуктивной реализации полагаются на иррациональную волю случая или высших сил.

Применение методов контроля над рождаемостью

Выше отмечалось, как высока доля иррациональности в вопросах вероятного числа детей, которое будет у респондентов. Этот вывод подтверждают ответы на следующий вопрос «Планируете ли Вы пользоваться или пользуетесь ли Вы контрацептивными средствами?»

Современная медицина предлагает разнообразный выбор средств контрацепции, которые с достаточно высокой степенью надежности и безопасности позволяют регулировать репродуктивную активность и планировать деторождение. Все участники опроса в момент проведения исследования находились в крупных городах, где доступны консультации опытных специалистов в области ре-

продуктивного здоровья, которые могут проконсультировать и подобрать наиболее подходящие варианты контрацепции. Таким образом, всем респондентам доступны как необходимые знания, так и средства, которые могут позволить им управлять репродуктивной самореализацией в соответствии со своими жизненными целями и желаниями.

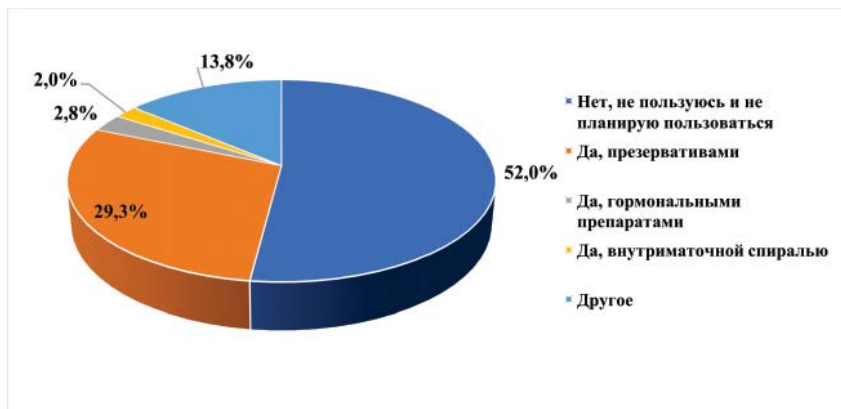

Рисунок 3.36 Практики использования средств контрацепции, обобщенные данные

Несмотря все вышесказанное, половина опрошенных утверждает, что не только не пользуется контрацептивными средствами в настоящее время, но и не планирует пользоваться ими в будущем. Трудно сказать, как это соотносится с тем фактом, что только 11,9% респондентов заявили, что собираются стать многодетными матерями, а основными жизненными приоритетами подавляющего большинства называют достижение высокой профессиональной конкурентоспособности и высокого дохода.

Справедливости ради необходимо отметить, что обобщенные данные скрывают значительную поляризацию в вопросе использования контрацептивов между разными категориями респондентов. Например, амплитуда колебания между городами составляет 76,7% (Нур-Султан – 17,4%, Шымкент – 94,1%) (рисунок 3.37)

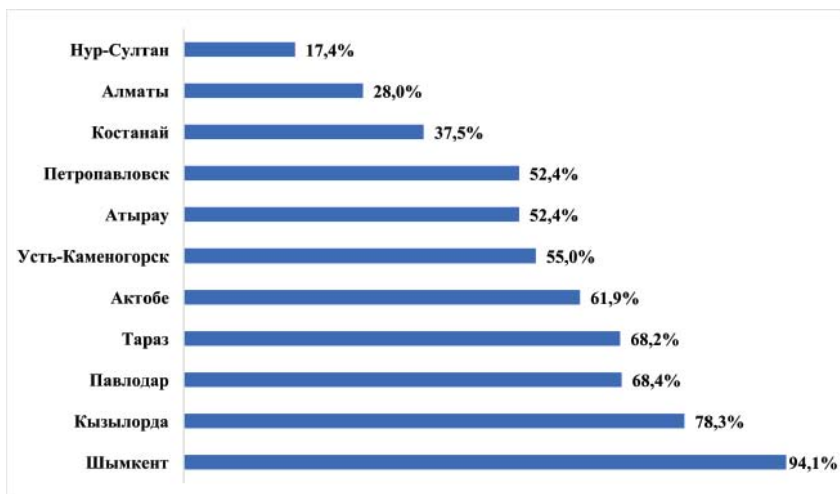

Рисунок 3.37. Практика использования средств контрацепции, по городам обучения

Меньшее, но значительное различие по этому варианту ответа выявляется в аспекте языка заполнения анкеты: казахский язык – 69,3%, русский язык – 33,3% (амплитуда колебаний составляет 36,0%). Еще меньшие различия фиксируются в зависимости от места постоянного проживания: выходцы из сельской местности – 69,6%, коренные горожане – 42,4% (амплитуда колебаний составляет 27,2%).

Возраст, благоприятный для создания семьи и начала деторождения

Одним из признаков модернизации социальных и гендерных установок, а также трансформации семейных институтов и репродуктивного поведения является повышение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка. Если в условиях архаичных традиционных обществ с их достаточно короткой средней продолжительностью жизни, отсутствием здравоохранения как общедоступного института, высокой материнской и детской смертностью

замужество и начало деторождения наступали обычно в возрасте до 20 лет (более позднее вступление в первые браки и рождение первенца рассматривались как девиация), то с переходом к современным городским стандартам, а главное, с включением женщин в профессиональную экономическую активность и в связи с необходимостью получения соответствующего образования, заметно увеличивается средний возраст вступления в первый брак и начала деторождения.

Вместе с изменением представлений о распределении гендерных ролей в семье, которое проявилось в ответах на другой вопрос (рисунки 3.20, 3.21, 3.22), можно отметить и модернизированное представление о возрасте, в котором, по мнению респондентов, современной женщине в Казахстане лучше создавать семью и начинать рожать детей. (рисунок 3.38).

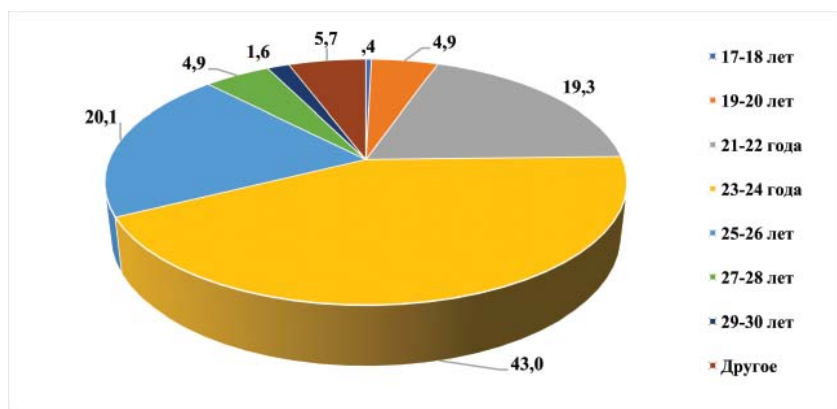

Рисунок 3.38 Мнение респондентов об оптимальном возрасте создания семьи и начала деторождения (обобщенные данные)

Основное число ответов (43,0%) приходится на вариант «возраст 23–24 года», то есть после завершения активной фазы профессионального обучения и включения в профессиональную деятельность большинства современной молодежи. Если учесть, что суммарно все варианты ответов, указывавшие на возраст старше 20 лет, набрали 94,3%, можно с уверенностью говорить, что этот эле-

мент модернизации сознания уже является неотъемлемой частью картины мира подавляющего числа респондентов. Тем не менее, 5,3% суммарно от общего числа ответов приходится на варианты, более соответствующие традиционному мышлению, то есть: создавать семью и начинать рожать детей лучше до 20 лет. Такие характеристики респондентов, как язык заполнения анкеты или место предшествующей социализации (сельская местность, городская среда) сами по себе не оказывают заметного влияния на мнения респондентов. Но, в двух городах результаты опроса разительно отличаются от общей картины – Кызылорда (21,7% суммарно) и Шымкент (35,3%). (рисунок 3.39 – метки данных отсутствуют, если значения показателей равны 0,0%).

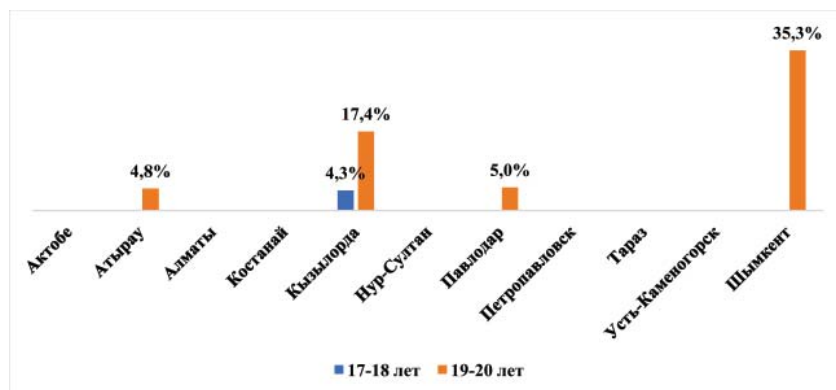

Рисунок 3.39 Мнение респондентов об оптимальном возрасте создания семьи и начала деторождения (по городам обучения)

Приоритетные элементы воспитания и образования детей

Для устойчивого развития социума необходимо сочетание двух важнейших процессов – собственно биологического репродуктивного (то есть, рождаемости) и включения родившихся в социальное пространство в качестве активных субъектов (то есть, социализации детей). Сбой в каждом из этих процессов, их рассинхронизация неминуемо влекут за собой угрозы социальной стабильности, самому существованию социума.

В настоящее время в Казахстане фиксируются очень высокие показатели рождаемости. Станет ли этот демографический потенциал социальным капиталом – будет зависеть от того, как пройдет социализация многочисленного поколения. В процесс социализации в широком смысле так или иначе вовлечены все основные институты общества. Но, основную ответственность за социализацию детей несут два – семья и государство. Причем, роль государства хотя и чрезвычайно важна, но носит опосредованный характер. В его задачи входит создать условия и выстроить инфраструктуру, в которой семья сможет в полной мере реализовать свою социализирующую функцию. И здесь на первый план выходит культурный отбор, который родители осуществляют, определяя приоритетность тех или иных элементов воспитания и образования детей.

В связи с этим, участникам опроса было предложено оценить значимость следующих позиций для воспитания и образования их будущих детей:

— научные знания об окружающем мире – природе и обществе;

— религиозное воспитание;

— научные знания о разных религиях;

— знание родного языка;

— знание других языков;

— знание обычаев и традиций своего народа.

Шкала оценки: обязательно, важно, не очень важно, не важно. Цель вопроса – выявить систему приоритетов, а также степень сбалансированности элементов воспитания и образования с точки зрения научности, традиционности, прагматичности.

Оценка каждого элемента будет рассмотрена отдельно: в некоторых случаях при анализе будет применяться логическая группировка оценок – «обязательно» и «важно» в сумме формируют зону повышенной приоритетности, «не очень важно» и «не важно» зону не приоритетности.

Научные знания об окружающем мире – природе и обществе. Ни один респондент не счел эту позицию «не важной». По обобщенным данным эти знания посчитали обязательными 39,3%. Но,

есть большие различия между городами: максимальное число оценок «Обязательно» отмечено в г. Алматы – 64,0%, минимальное в г. Актобе – 13,6%, то есть почти в пять раз.

Сельский бэкграунд не оказывает такого заметного влияние на оценку респондентов, хотя у коренных горожан она все же значимо выше: 42,1% и 34,0% соответственно. Примерно такие же различия отмечаются между теми, кто заполнял анкету на русском или казахском языке: 43,7% и 36,2%. Но, эти различия уравниваются большим числом оценок «Важно». Можно сказать, что для абсолютного числа респондентов, независимо от их социальных и пространственных характеристик, *научные знания об окружающем мире – природе и обществе* входят в число приоритетных элементов воспитания и образования.

Религиозное воспитание. 6,1% респондентов посчитали этот элемент «не важным». «Обязательным» его назвали 39,3%.

Можно отметить следующие значимые колебания по городам: максимальное число респондентов, посчитавших религиозное воспитание «не важным», фиксируется в гг. Алматы (20,0%) и Нур-Султан (16,0%). В трех городах никто из респондентов не выбрал эту оценку – Актобе, Кызылорда, Павлодар. В свою очередь, «обязательным» религиозное воспитание считают 64,7% в Шымкенте, 55,0% в Павлодаре, 52,2% в Кызылорде.

Есть разница и между мнением коренных горожан и выходцев из сельской местности: оценки «обязательно» составили 20,1% и 33,0% соответственно, а оценки «не важно» 8,9% и 2,1% соответственно. Большее влияние на мнение участников опроса отмечается с точки зрения языка заполнения анкеты: «обязательным» назвали религиозное воспитание 36,2% тех, кто отвечал на казахском языке, и 10,7% тех, кто отвечал на русском.

Таким образом, значимость *религиозного воспитания* в качестве элемента социализации детей в первую очередь связана с городом, в котором обучаются респонденты, а также с их языковой ментальностью.

Научные знания о разных религиях открывают возможность осознанно сформировать свою религиозную идентичность в отличие от традиционного наследования вероисповедания роди-

телей. Этот способ более сложен, но он обеспечивает более глубокое нравственное принятие религиозных основ и гораздо реже принимает «декоративную» форму. Кроме того, научные знания об основах религий, их истории – это эффективное средство, предотвращающее религиозный экстремизм и радикализм. Однако, эти знания стали широкодоступными на постсоветском пространстве не так давно, а ученых—специалистов в области религиоведения и сегодня недостаточно. Поэтому, так важно, чтобы ребенок мог получить базовые знания в этой области в семье. Однако, лишь небольшое число участников опроса считают их обязательными (10,2% по обобщенным данным), и менее половины оценивают их как важные (41,0%). Таким образом, научные знания о разных религиях относят к числу приоритетных в вопросах воспитания и образования примерно половина респондентов (51,2% суммарно). Заметно выше этот суммарный показатель в г. Павлодар – 75,0%, а значительно ниже среднего он в г. Шымкент (29,4%), Кызылорда (34,8%), Усть-Каменогорск (36,4%). В свою очередь, как не важные эти знания оценили 23,5% в Шымкенте, но так не считает ни один респондент в гг. Алматы и Нур-Султан.

Приоритетность научных знаний о разных религиях также ниже у респондентов с сельским бэкграундом: 16,0% оценок «не важно» в сравнении с 9,2% у коренных горожан. Еще ярче проявляется это различие через призму языка заполнения анкеты: если среди тех, кто заполнял анкету на казахском языке, оценки «не важно» составили 19,1%, то у тех, кто выбрал отвечать на русском языке, этот показатель только 1,9%.

Научные знания о разных религиях к приоритетным элементам социализации детей относили: 64,1% отвечавших на русском языке (сумма оценок «обязательно» и «важно») и 41,8% тех, кто отвечал на казахском языке. Для выходцев из сельской местности этот показатель составил 47,9%, а для горожан – 51,0% суммарно. Как видно из приведенных данных, место постоянного проживания в этом случае место постоянного проживания оказывает незначительное влияние на мнение респондентов.

Следующие две позиции можно определить как культурно-лингвистические ценности: *Знание родного языка* и *Знание других*

языков. Абсолютное большинство участников опроса определяют знание родного языка как приоритет в воспитании и образовании детей – суммарно число оценок «обязательно» и «важно» составляет 95,5%. В этой позиции наблюдается редкое единодушие в независимости от города обучения, языка заполнения анкеты или постоянного места проживания.

Иная ситуация со знанием других языков. Хотя по суммарному показателю приоритетности знание других языков получило оценку 87,3%, только 26,6% из них приходится на «обязательно». В вопросе не уточнялось, о каких языках идет речь, но современные стандарты образования предполагают изучение как минимум одного иностранного языка в обязательном курсе средней школы. И это без учета полиязычия, характерного для большинства казахстанских городов (что подтвердилось и при проведении данного опроса). В этом случае вновь проявляется значительное расхождение в мнениях респондентов. Оценка «обязательно» по отношению к знанию других языков колеблется от 9,1% (г. Актобе) до 44,0% (г. Нур-Султан). Если данные, полученные в столице, могут быть не показательными, то вот результаты в других городах – 42,9% в Атырау, 34,8% в Таразе. Несмотря на эти различия, нужно отметить, что знание других языков остается в числе приоритетных элементов социализации детей практически во всех городах, где проводилось исследование.

Последний элемент, который было предложено оценить респондентам – *Знание обычаев и традиций своего народа*. Суммарная оценка приоритетности по обобщенным данным составила 91,8%. Основные различия проявляются в соотношении оценок «обязательно» и «важно». Более показательным выглядит сравнение оценок, относящих этот элемент в зону низкой приоритетности (таблица 3.12).

Таблица 3.12 Приоритетность элементов воспитания и образования детей

	Элемент воспитания и образования детей	Высокая приоритетность (сумма оценок «обязательно» и «важно»)	Низкая приоритетность (сумма оценок «не очень важно» и «не важно»)
1-2	научные знания об окружающем мире – природе и обществе	95,5%	4,5%
1-2	знание родного языка	95,5%	4,5%
3	знание обычаев и традиций своего народа	91,8%	8,2%
4	знание других языков	87,3%	12,7%
5	религиозное воспитание	71,7%	28,3%
6	научные знания о разных религиях	51,2%	48,8%

По обобщенным данным суммарно эти оценки составляют лишь 8,2%, но в разрезе городов они колеблются от 0,0% (гг. Актобе, Павлодар, Петропавловск, Шымкент) до 20,0% (Нур-Султан), 14,3% (Атырау), 12,0% (Алматы). Постоянное место жительства участников опроса не оказывает значимого влияния, но по языку заполнения также есть различия. Среди тех, кто заполнял анкету на казахском языке, суммарное число респондентов, отнесших знание обычаев и традиций своего народа к зоне низкой приоритетности составило 3,5%, а среди тех, кто заполнял анкету на русском языке, этот показатель – 14,6%.

В целом, складывается следующая картина. По обобщенным данным и на основе логической группировки оценок приоритетность всех предложенных элементов воспитания и образования детей высока (таблица 3.12).

К абсолютно приоритетным элементам воспитания и образования детей подавляющее большинство респондентов отнесли

знание родного языка и научные представления об окружающем мире – природе и обществе. В целом, система приоритетов выглядит достаточно сбалансированной, особенно в том, что касается культурно-лингвистического аспекта. Исключением можно считать позицию «научные знания о разных религиях» — значение этого элемента низко оценено почти половиной участников опроса.

Родственные связи и социальные коммуникации

Еще одним атрибутом традиционного общества являются сильные родственные связи, которые поддерживаются, в том числе, за счет постоянных коммуникаций. У респондентов спросили: как часто они общаются с родственниками, причем в вопросе прямо указывалось, что речь идет не о родителях и родных братьях и сестрах, а о бабушках, дедушках, тетях, дядях, двоюродных сестрах и братьях, других членах не семьи, но семейной периферии. Для большинства казахов сохранение этих традиций является важной частью повседневной жизни. Но, городской образ и темп жизни, особенно в крупных городах, постепенно истончает эти связи. С подобным явлением сталкивались все этносы, проходившие период урбанизации. Двигается ли Казахстан по этому универсальному сценарию? Ответ на этот вопрос важен с точки зрения возможной поддержки молодой семьи и условий для социализации будущих детей (рисунок 3.40).

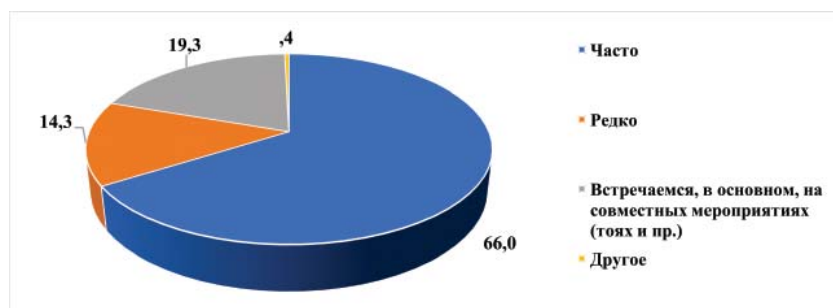

Рисунок 3.40 Сохранение устойчивых коммуникаций с родственниками (обобщенные данные)

В традиционных условиях тесные и прочные связи с родственниками второй, третьей и пр. линий обеспечивают семье дополнительную поддержку и защиту, формируют особое пространство социализации детей. Если основой семейной периферии перестают быть родственные связи, то они замещаются связями социальными – соседи, коллеги, профессиональные врачи и учителя, представители государственных институций и т. д. Но, это замещение требует времени, оно не происходит автоматически, и зачастую молодая семья в городских условиях остается один на один со своими проблемами, что не может не влиять на выбор того или иного репродуктивного сценария.

Судя по обобщенным данным (рисунок 3.40), традиция постоянных коммуникаций с родственниками еще достаточно сильна. Но, ее устойчивость различается в зависимости от города, в котором проходил опрос (рисунок 3.41).

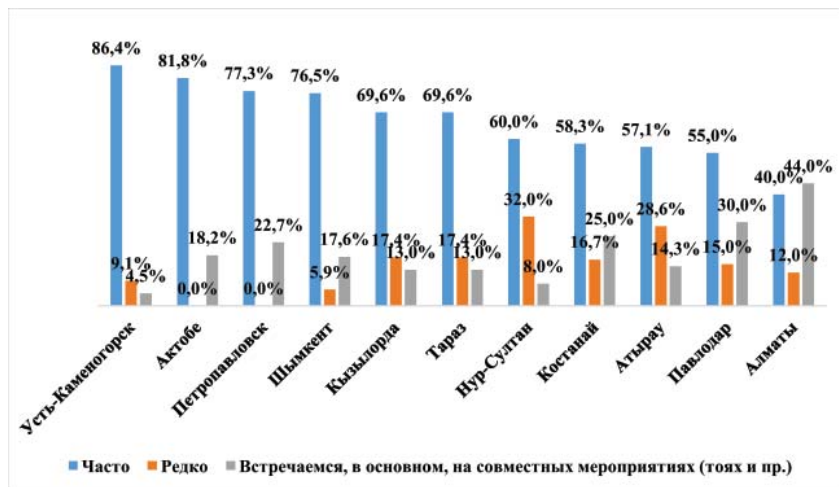

Рисунок 3.41 — Сохранение устойчивых коммуникаций с родственниками (по городам обучения)

Выбор варианта ответа «Часто общаемся с родственниками» колеблется от 44,0% (Алматы) до 86,4% (Усть-Каменогорск). Интересно, что переход между крайними позициями происходит плав-

но, нет резкой поляризации городов и регионов. Между этими двумя городами фиксируется и наибольшая амплитуда колебаний по другому варианту ответа – «Встречаемся, в основном, на совместных мероприятиях (тоях и пр.)». Вероятно, имеет место постепенная трансформация устойчивой социальной практики общения в переходную форму – состояние ослабления родственных коммуникаций. Следующая фаза – отмирание социальной практики, более явно проявляется в столице. Здесь каждый третий респондент указал вариант «Редко общаемся с родственниками», в то же время, в таких городах, как Актобе и Петропавловск этот вариант ответа не был выбран ни разу. Соотношение всех трех вариантов демонстрируют разные степени эволюции нормы родственных коммуникаций и социальных практик поддержания широких родственных связей, их постепенное вытеснение из повседневного образа жизни. В тех городах, где такое смещение происходит более заметно, женщинам все труднее будет рассчитывать на традиционные виды помощи в воспитании детей.

Устойчивые коммуникации с широким кругом родственников с одной стороны являются проявлением сохранения традиционных форм семейной жизни, с другой – эти коммуникации способствуют сохранению и передаче традиционных семейных структур и традиционных репродуктивных установок. То есть, обширная семейно-родственная периферия не только гарантирует поддержку в процессе социализации детей, но и оказывает значительное влияние на выбор репродуктивного сценария в пользу многодетности или среднететности.

Сохранение национальных традиций и обычаев

Тезисы о состоянии перехода от традиционно устойчивых коммуникаций с широким кругом родственников к постепенному отходу от этой социальной практики, а также о процессе трансформации семейной периферии от родственных структур к социальным получает косвенное подтверждение в ответах респондентов на следующий вопрос: «Соблюдаются ли в Вашей семье (семье Ваших родителей) национальные традиции и обычаи?» (рисунок 3.42).

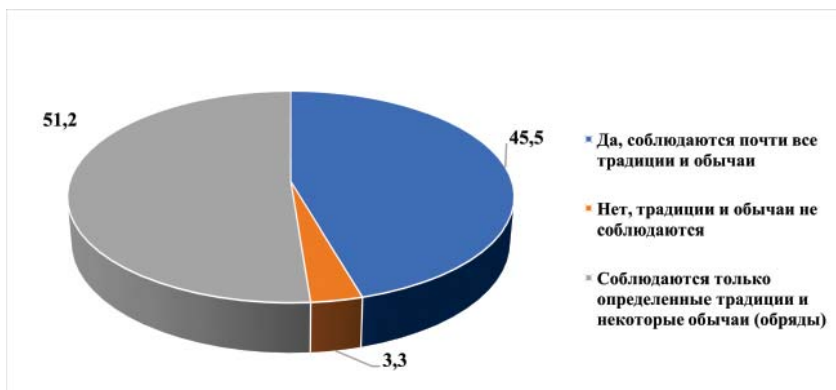

Рисунок 3.42 Сохранение национальных обычаев и традиций в семьях респондентов (обобщенные данные)

Полученные данные свидетельствуют, что происходит активный процесс культурного отбора, когда часть традиций и обычаев еще сохраняется, а часть уже осталась в прошлом. Социокультурная сфера трансформируется, адаптируясь к новым условиям жизни. Респондентов, которые отмечают эти явления в своих семьях (даже, если они не осознают содержание происходящего) уже большинство, что хорошо видно на рисунке 3.35.

Но, как и предыдущих случаях, эти процессы идут неравномерно, имеют разную степень выраженности в зависимости, от того города, где проводился опрос (рисунок 3.43). Диапазон колебаний ответов «Соблюдаются только определенные традиции и некоторые обычаи (обряды)» составляет 61,3% (от 22,7% в г. Актобе до 84,0% в г. Алматы). Если рассматривать не только крайние позиции, то различия в ответах между всеми городами, в которых проводился опрос, формирует плавную линию тренда.

Рисунок 3.43 Сохранение национальных обычаев и традиций в семьях респондентов (по городам обучения)

Более явную поляризацию (не количественную, но качественную) позволяет выявить распределение такого ответа, как «Нет, традиции и обычаи не соблюдаются». Обобщенные данные показали, что 3,3% респондентов выбрали этот вариант, но в разрезе городов становится понятно, что есть две разные группы. Группа первая – гг. Актөбе, Шымкент, Тараз, Петропавловск, Усть-Каменогорск, Павлодар, — в которых ни один респондент не отметил этот вариант. Группа вторая – гг. Кызылорда, Атырау, Костанай, Нур-Султан и Алматы, — где выбор этого варианта колеблется от 4,2% (Костанай) до 8,7% (Кызылорда). Это может служить дополнительным основанием для вывода о том, что трансформация социокультурной сферы в области семейных структур и практик идет неравномерно.

Анализ ответов на данный вопрос достаточно четко рисует и влияние на социокультурную сферу таких факторов, как место по-

стоянного проживания (пространство социализации до получения профессионального образования) и выбор языка заполнения анкеты. Судя по полученным данным, представленным в таблице, процесс модернизации социальных практик более активно протекает в городах и русскоязычной среде общения.

Таблица 3.13 Соблюдаются ли в Вашей семье (семье Ваших родителей) национальные традиции и обычаи?

Варианты ответа	Место постоянного проживания		Язык заполнения анкеты	
	Село	Город	Казахский	Русский
Да, соблюдаются почти все традиции и обычаи	57,4%	40,7%	56,7%	30,1%
Нет, традиции и обычаи не соблюдаются	1,1%	4,8%	1,4%	5,8%
Соблюдаются только определенные традиции и некоторые обычаи (обряды)	41,5%	54,5%	41,8%	64,1%

Образ ближайшего личного будущего

Перед подведением итогов блиц-опроса студенток-казашек хотелось бы привести ответы респондентов на вопрос о том, каким они видят свое ближайшее будущее. Эти результаты четко отражают как уровень модернизации сознания молодых женщин, которые находятся в активной фазе получения профессионального образования, так и противоречия, присущие их сознанию на данном этапе развития.

Участникам опроса был предложен выбор из широкого спектра вариантов: от традиционной формы самореализации женщины «Домохозяйка, замужем, мать 1–2 (более) детей, занимаюсь воспитанием и развитием своих детей» до форм, более характерных для современных высоко модернизированных и урбанизированных социумов – «Специалист, обучаюсь в магистратуре/докторантуре,

создание семьи и рождение детей – в планах на будущее», «Специалист, работаю/продолжаю обучение, не замужем, детей нет» и «Специалист, работаю/продолжаю обучение, не замужем, есть ребенок/дети». Между тремя последними вариантами есть два важных различия – наличие или отсутствие детей, а также наличие или отсутствие брака. В остальном эти варианты идентичны – они предполагают продолжение профессиональной подготовки. Тем интереснее, что два варианта ответа из этой группы являются как самым популярным, так и самым непопулярным у респондентов (рисунок 3.44).

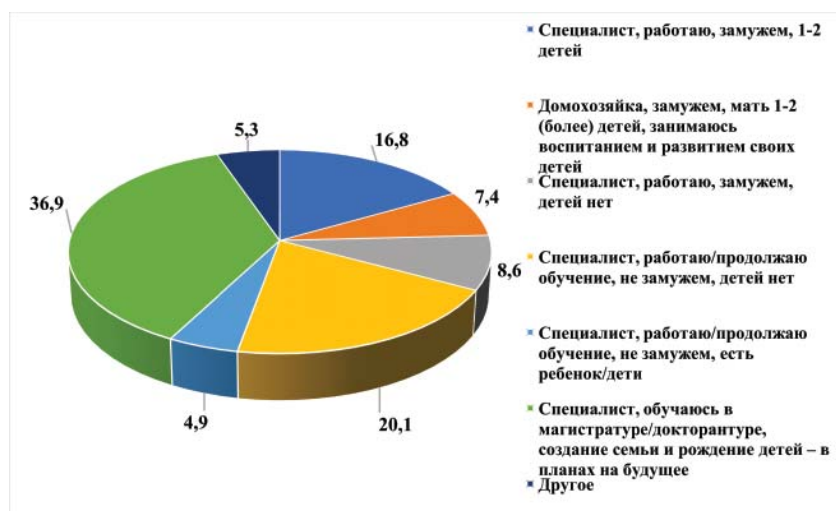

Рисунок 3.44 Ответы на вопрос «Каким Вы видите свое ближайшее будущее?» (обобщенные данные)

Как видно на рисунке 3.44, можно выделить три наиболее популярных варианта ответа: «Специалист, обучаюсь в магистратуре/докторантуре, создание семьи и рождение детей – в планах на будущее» (36,9%), «Специалист, работаю/продолжаю обучение, не замужем, детей нет» (20,1%), «Специалист, работаю, замужем, 1–2 ребенка» (16,8%). Суммарно на эти варианты приходится 73,8%. Только в одном из этих вариантов речь идет о репродуктивной самореализации (16,8%), и в этом случае предполагается завершение

активного процесса обучения и совмещение материнства с профессиональной деятельностью и экономической активностью. Самый непопулярный вариант ответа – «Специалист, работаю/продолжаю обучение, не замужем, есть ребенок/дети» (4,9%). Как уже отмечалось выше, этот вариант принципиально отличается от всех других тем, что предполагает репродуктивную самореализацию без вступления в брак, что приходит в прямое противоречие с традиционными устоями.

Распределение выбора по городам, в которых проходил опрос, выглядит следующим образом (рисунки 3.45, 3.46). Представлены данные по отдельным, наиболее показательным вариантам ответа – «Специалист, обучаюсь в магистратуре/докторантуре, создание семьи и рождение детей – в планах на будущее» (самый популярный вариант) и «Специалист, работаю/продолжаю обучение, не замужем, есть ребенок/дети» (самый непопулярный вариант).

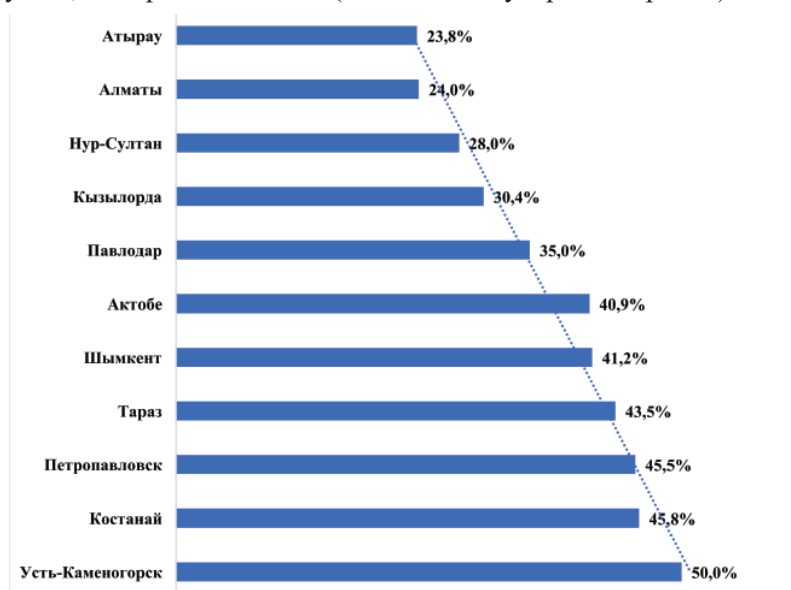

Рисунок 3.45 Самый популярный вариант ближайшего будущего «Специалист, обучаюсь в магистратуре/докторантуре, создание семьи и рождение детей – в планах на будущее» (по городам обучения)

Число ответов на этот вопрос колеблется от 23,8% в г. Атырау до 50,0% в г. Усть-Каменогорск. То есть, если в первом случае планируют продолжать профессиональное обучение и отложить создание семьи и рождение детей четвертая часть опрошенных, то во втором – половина респондентов.

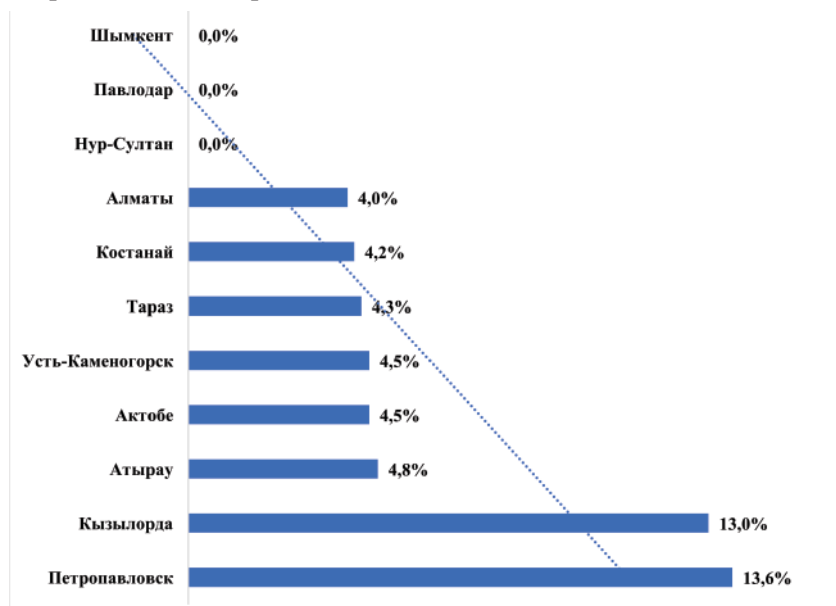

Рисунок 2.46 Самый непопулярный вариант ближайшего будущего «Специалист, работаю/продолжаю обучение, не замужем, есть ребенок/дети» (по городам обучения)

Хотя вариант ответа, предполагающий материнство без вступления в брак, является наименее популярным, на его анализе стоит остановиться подробнее, так как он выявляет возможное зарождение новой тенденции, когда женщина готова не только взять на себя ответственность за собственное материальное благополучие, но и за воспитание ребенка/детей. На рисунке 3.46 видно, что выделяется три разные позиции в отношении такой модели репродуктивного поведения: первая – никто из респондентов не выбрал такой вариант, вторая – выбор такого варианта носит буквально единичный

характер, третья – подобная перспектива допускается несколькими респондентами. Вероятно, все три позиции имеют место быть в сознании современных студенток—казашек, что лишний раз свидетельствует о значительном разнообразии репродуктивных установок, характерных для современной казахской молодежи.

Еще один миноритарный вариант ближайшего будущего требует отдельного рассмотрения – отказ от профессиональной самореализации в пользу традиционной роли жены и матери (рисунок 3.47).

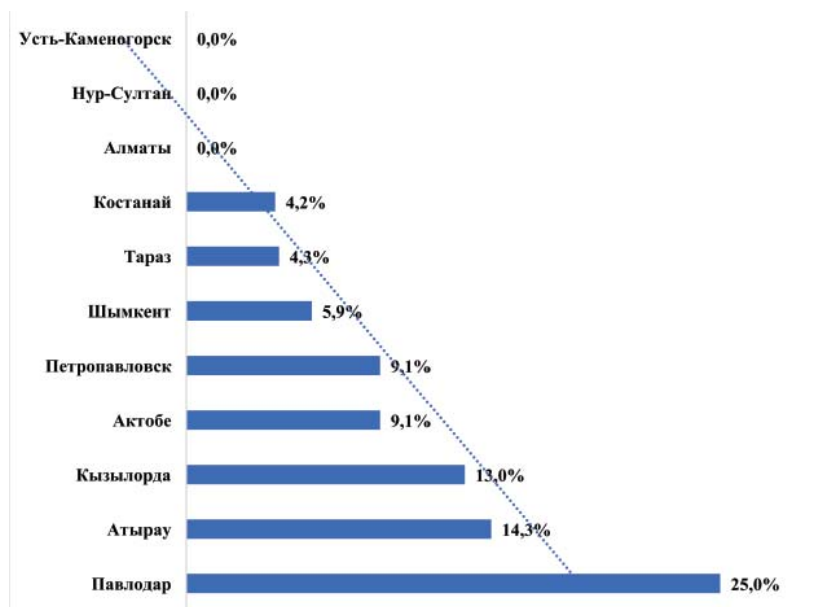

Рисунок 3.47 Отказ от профессиональной самореализации (по городам обучения)

В трех городах – Нур-Султан, Алматы и Усть-Каменогорск ни один респондент не отметил этот вариант, но в г. Павлодар так видит свое ближайшее будущее каждый четвертый опрошенный, а в городах Атырау и Кызылорда уже сегодня, на стадии профессионального обучения, не собираются работать в будущем более 10% респондентов. Это заставляет задуматься о степени эффективности

расходов на образование и мотивированности на учебу определенной части студентов.

В целом планируют в ближайшие годы репродуктивную самореализацию 29,1% (суммарно). Как отмечалось выше, 7,4% из этого числа предполагает полностью отказаться от экономической активности, а 21,7% — совмещать материнство и активную профессиональную деятельность и/или продолжение обучения.

Если продолжить рассмотрение наиболее и наименее популярных у респондентов вариантов ближайшего будущего через призму места постоянного проживания и выбор языка заполнения анкеты, то выяснится, что проживание в сельской или городской местности до начала профессионального обучения не оказывает значимого влияния на выбор респондентов в отличие от языка, на котором была заполнена анкета (таблица 3.14).

Таблица 3.14 Варианты ближайшего будущего (распределение по месту постоянного проживания и языку заполнения)

Варианты ответа (наиболее и наименее популярные)	Место постоянного проживания		Язык заполнения анкеты	
	Село	Город	Казахский	Русский
Специалист, обучаюсь в магистратуре/докторантуре, создание семьи и рождение детей – в планах на будущее	36,2%	35,2%	46,8%	23,3%
Специалист, работаю/продолжаю обучение, не замужем, есть ребенок/дети	4,3%	5,9%	7,1%	1,9%

Можно предположить, что в настоящее время в Казахстане именно язык выступает своеобразным маркером, который определяет позицию на векторе общественных изменений: от традиционной архаики к более универсальным модернизированным нормам. Это не означает, что так будет и впредь. Вероятно, что казахоязычная социокультурная среда также со временем будет становиться

более модернизированной по мере углубления социальных аспектов урбанизации и закрепления новых профессиональных, экономических и бытовых практик.

Таким образом, можно выделить три основных сценария ближайшего будущего, характерных для сегодняшних студенток—казашек, и которые так или иначе связаны с репродуктивной активностью:

Сценарий 1 – реализация традиционной роли жены и матери, отказ от активной экономической деятельности и профессиональной самореализации. Удельный вес этого варианта от общего числа опрошенных менее 10%, но в отдельных городах (Кызылорда, Атырау, Павлодар) этот показатель значительно выше.

Сценарий 2 – продолжение профессионального обучения и повышения квалификации, откладывание на неопределенный срок создания семьи и рождения детей. Удельный вес этого варианта более 65% (суммарно).

Сценарий 3 – совмещение материнства и профессионального обучения/профессиональной деятельности. Удельный вес этого варианта составляет 21,7% (суммарно).

Судя по полученным данным, более половины опрошенных студенток—казашек не планируют в ближайшие годы становиться матерями, но эти установки сильно различаются по регионам обучения респондентов. Кроме того, важно помнить, что установки и реальный выбор обязательно будут отличаться друг от друга. В какую сторону будут эти отличия в значительной мере определит социально—экономическая обстановка и общественно-политическая ситуация в стране. Можно предполагать, что третий сценарий, как наиболее благоприятный с точки зрения демографического и социально-экономического развития общества, получит большие шансы на реализацию при более комфортных внешних условиях.

По результатам проведенного исследования можно сделать ряд **выводов:**

Перед началом проведения блиц—опроса «Региональные особенности репродуктивного поведения городских казашек» в крупных городах Казахстана авторы исследования определили несколько

рабочих целей:

— Выявить специфические особенности репродуктивных установок молодых женщин, находящихся в активной фазе получения профессионального образования;

— Выделить особенности репродуктивных установок респондентов, исходя из региональной принадлежности/социокультурной специфики;

— Получить дополнительную информацию для коррекции социологического инструментария основной части исследования (индивидуальные и групповые фокусированные интервью).

После завершения этой части исследования можно сделать ряд следующих выводов.

1. К специфическим особенностям репродуктивных установок молодых женщин, находящихся в активной фазе получения профессионального образования следует отнести:

— Достаточно осознанную ориентацию на продолжение профессиональной подготовки – таким видят свое ближайшее будущее почти 62% респондентов;

— Реализацию репродуктивной программы в ближайшем будущем — планирует менее 30% респондентов;

— Отказ о профессиональной самореализации планируют выраженное меньшинство опрошенных (7,4%);

— Наиболее заметные различия в репродуктивных и связанных с ними социально—профессиональных установках проявляются в зависимости от города, в котором обучаются опрошенные студентки.

2. Судя по полученным результатам, процесс смещения социальных норм от традиционной архаики к современным стандартам модернизации намного активнее протекает в столичных городах (Нур-Султан, Алматы). Принципиальное значение в этом процессе имеет не столько количество населения, сколько длительность периода городской социализации. Следствием достаточно длительного разделения казахстанского социума на сельское практически моноэтническое казахское и казахоязычное население и городское полиэтническое русскоязычное (точнее, полиязычное население) стало формирование двух типов социокультурных пространств.

Первый тип – характерный для сельской местности, где в большой степени сохранился традиционный уклад и свойственные ему нормы и практики повседневной жизни, а вместе с ними и установки на много- и среднедетность, патриархальную структуру семейной жизни. Отличительной чертой этого типа социокультурного пространства сегодня является лингвистический выбор в пользу казахского языка. Это не означает, что казахский язык сам по себе выступает неким тормозом модернизации, а лишь указывает на то, что молодые женщины, пользующиеся им как основным средством коммуникации, в большей степени склонны к традиционному жизненному сценарию. Однако, есть основания предполагать, что пролонгирование городской социализации, адаптация к современным экономическим реалиям, более активное включение в процессы профессиональной самореализации рано или поздно приведет к тому, что казахский язык перестанет быть маркером традиционного мышления. Более того, внутри казахоязычной части социума в целом и молодежи в частности уже заметно разделение на тех, кто пытается замкнуться в рамках монокультуры, и тех, кто готов к формированию более широкого социокультурного кругозора.

Второй тип социокультурного пространства исторически формировался в крупных городах с полиэтничным населением и доминированием русского языка. Для этого типа характерны более модернизированные и адаптированные к городским условиям жизни повседневные нормы и практики. В том числе, выбор репродуктивного сценария малодетности или среднедетности, активное участие женщин в профессионально—экономической деятельности, партнерская структура семьи. Влияние этого социокультурного пространства более выражено у респондентов, которые выбирали русский язык для заполнения анкеты. Напомним, что все участники опроса – это молодые казашки, которые в настоящее время получают профессиональное образование в группах с казахским языком обучения. Предлагая им анкету с возможностью заполнения на двух языках, авторы ставили социокультурный эксперимент, в котором каждая участница опроса должна была сделать лингвистический выбор. Тем самым была получена возможность оценить степень влияния разных типов социокультурного пространства на

студенток различных городов Казахстана.

3. Аспекты, требующие дальнейшего углубленного изучения:

— Отказ от профессионально-экономической активности в пользу традиционной роли жены и матери (в этом случае, определить источники доходов);

— Совмещение профессионально-экономической активности (в том числе продолжение обучения и повышение квалификации) с материнством (источники доходов и вклад женщины в материальное обеспечение детей);

— Откладывание репродуктивной активности в пользу продолжения профессионального обучения и реализации профессионально-экономических целей (определить критерии достижения благоприятных условий для создания семьи и воспитания детей).

Особый акцент необходимо сделать на мнение респондентов о наличии/отсутствии связи между уровнем образования и профессионально-экономической активностью матери, и результатами социализации детей (качеством социального капитала общества).

Еще один аспект репродуктивной самореализации городских казашек, который должен стать дополнительным направлением исследования – материальный вклад женщины в создание условий социализации ее детей. Кто, по мнению современных жительниц казахстанских городов, должен создавать экономическую основу воспитания их детей – они сами, муж, другие члены семьи или семейной периферии, государство. Какой видит женщина свою роль в обеспечении детей всем необходимым, готова ли она самостоятельно решать эти проблемы.

Косвенным, но немаловажным индикатором репродуктивных установок являются процессы трансформации социокультурной среды, которая влияет на содержание репродуктивных норм и формирует повседневные практики семейной жизни. Выявленная в ходе исследования социально—культурная полифония требует дальнейшего наблюдения. По мнению авторов, именно векторы социокультурной трансформации в значительной степени определяют выбор репродуктивных сценариев, которые будут реализованы в ближайшие годы городскими казашками.

Как уже отмечалось, в ходе исследования репродуктивных

установок и установок на условия социализации детей применялись как количественные методы (выше приведены результаты онлайн-анкетирования студенток), так и качественные методы – в данном случае индивидуальные интервью. В опросе приняли участие городские казашки всех репродуктивных возрастов, за исключением младшей группы, но для данной монографии значение имеют результаты, полученные от респонденток в возрасте 20–29 лет, то есть входящих в молодежную группу населения.

Исследование проходило в период с августа по октябрь 2021 года и охватило основные географические регионы Казахстана – северный, южный, восточный, западный, центральный и города республиканского значения. Опорными точками сбора информации стали города – Усть-Каменогорск, Семей, Тараз, Актобе, Актау, Петропавловск, Караганда, Шымкент, Алматы, Нур-Султан. При отборе респондентов учитываются возрастные параметры и время проживания в городе не менее 3-х лет.

Вопросы исследования, задаваемые респондентам, были обобщены по тематическим блокам:

1. Возраст замужества и материнства самих респондентов, а также их установки на оптимальный возраст замужества и материнства.

2. Тип семьи, в которых проживают респонденты, характер общения с родственниками.

3. Наличие и число детей, отношение к многодетности, планированию семьи.

4. Роль религии, национальных традиций и обычаев в воспитании детей.

5. Отношение к контрацепции, абортam, добрачным связям, практике усыновления или удочерения.

6. Приоритеты в социальной программе женщин: карьера, работа, социально- общественная активность или материнство.

Анализ результатов исследования позволил дифференцировать всех респондентов по четырем группам с учетом характера репродуктивных установок. В первую группу вошли женщины с традиционными репродуктивными установками. Во вторую – женщины с современными репродуктивными установками. Третью и четвер-

тую группы составили респонденты, демонстрирующие переходной тип прокреационных установок «от современного к традиционному» и, напротив, «от традиционного к современному».

Ниже представлены обобщенные характеристики каждой из перечисленных выше групп, составленные на основе высказанных мнений и комментариев респондентов по основным вопросам исследования.

Традиционный тип репродуктивного поведения.

Группу, характеризующуюся традиционным типом репродуктивного поведения, составили восемь респондентов в возрасте от 20 до 29 лет, проживающие в городах Алматы, Нур-Султан, Караганда, Петропавловск, Актау.

У женщин данной группы была выявлена ранняя брачность (18–22 лет) и материнство (19–24 лет), короткий интервал между рождением детей. В установках на оптимальный возраст замужества и материнства указывается интервал от 15 до 24 лет.

Женщины первой группы проживают расширенными семьями (муж, дети, внуки, родители с обеих сторон, другие родственники) или же поддерживают тесную связь с представителями расширенной семьи различной степени родства. Число детей в семье колеблется от одного до шести.

В планах женщин молодых возрастов рождение от 4-х и более детей. «В планах много детей, конечно, не каждый год рожать. По возрасту до 40–50 лет рожать можно» (*Алтын, 24 года, 1 ребенок, Петропавловск, высшее образование, офис-менеджер, в декретном отпуске*).

Несмотря на вышеприведенное мнение, касающееся многодетности, женщины традиционного типа демонстрируют различные позиции в данном вопросе. С одной стороны, эмоционально-положительное отношение к многодетности «Самая красивая женщина – это многодетная мать» (*Салтанат, 21 год, 1 ребенок, в положении на второго, г. Нур-Султан, высшее образование, учитель младших классов, в декретном отпуске*). С другой стороны, неосознанная многодетность как результат отсутствия планирования или воли случая «Многодетность никто не планирует. Моя сестренка сама не

знает, как родила четверых детей. Что делать, если забеременела? В Актау трехмесячный плод не abortируют» (*Шолпан, 29 лет, 2 детей, один умер, в разводе, репатриантка, г. Актау, образования нет, маляр*). Некоторые респонденты планируют многодетность только при условии поддержки мужа. «Если муж знает свои обязанности, функции, если у женщины есть уверенность в своем муже, то можно родить много детей» (*Салтанат, 21 год, г. Нур-Султан*).

По мнению респондентов данной группы, многодетные семьи – это, априори, дружные семьи: «Старшие дети помогают воспитывать и заботиться о младших. Многодетные с детства знают, что такое недостаток, поэтому, вырастая, помогают друг другу. В семьях, где мало детей, они часто вырастают эгоистами и избалованными» (*Гульсим, 29 лет, 3 детей, домохозяйка, Алматы*).

Для женщин первой группы важен пол будущего ребенка. Приоритет отдается мальчикам, ценность девочек снижена.

Приоритет в воспитании детей отдается религиозным положениям, национальным традициям и обычаям. Большинство женщин данной группы религиозны, часть из них в хиджабах или платках, покрывающих голову. Респонденты зачастую отождествляют религию с воспитанием: «В Коране есть все ответы, связанные с воспитанием» (*Салтанат, 21 год, г. Нур-Султан*). «Ребенка нужно обучить основным аятам. В трудные минуты пусть их читает. Мы просили помощи, денег, нам помогло. Ребенок должен благодарить за доход, за той» (*Шолпан, 29 лет, г. Актау*). «В семье все читают намаз. Религия учит всему» (*Гульсим, 29 лет, Алматы*). Более того, часть опрошенных факт рождения детей связывают именно с провидением и волей свыше.

В ответах респондентов данной группы часто используются обороты речи: «Құдай қаласа» («Бог даст», «Бог захочет»), «Мы – казахи».

Анализ ответов по данному блоку вопросов (Роль религии, национальных традиций и обычаев в воспитании детей) позволяет констатировать, что для женщин первой группы религия имеет большее значение, чем национальные традиции. «Традиций и обычаев придерживаемся, так как в семье есть и бабушка, и дедушка. Но главное – религиозное воспитание» (*Гульсим, 29 лет, Алматы*).

То есть, религиозная идентичность доминирует над этнической.

Ответы на блок вопросов, выявляющих отношение респондентов к сфере контроля над рождаемостью: контрацепция, аборты и добрачные (внебрачные) связи, показали следующее. В целом, отношение к контрацепции положительное, к абортам, добрачным связям – отрицательное. Налицо включение элементов модернизации в традиционно-религиозное мировоззрение.

Отношение к домашним животным неоднозначное. Домашние питомцы допускаются при условии, если семья проживает в частном доме и животные находятся на улице. Следовательно, сохраняется характерный для сельской местности утилитарный подход, в то время как полностью урбанизованное сознание придает животным эмоционально-эстетическое значение.

В программе социальной самореализации женщин материнству отдается приоритет: «А нужно ли совмещать? Я вместо карьеры выбрала готовку ужина. Это от мужа зависит. Чем карьеру делать, лучше делай пироги, узнавай новые кулинарные рецепты. Важнее вкусно накормить семью. Это больше вдохновляет мужчину. Это лучше для семьи, детей и себя. Ты выполняешь женскую миссию» (ответ на вопрос: как совмещать материнство, работу, карьерный рост женщины?) (*Айгерим, 25 лет, 2 детей, домохозяйка, г. Нур-Султан*); «Работа для меня не главное. Хочу быть многодетной матерью» (*Салтанат, 21 год, г. Нур-Султан*); «Ребенку нужна мать. Матери оставляют своих детей, сами до вечера на работе. Не знают даже, как выросли их дети» (*Шолпан, 29 лет, г. Актау*).

Респонденты первой группы демонстрируют традиционные установки на гендерные и функциональные роли супругов в семье: «Это зависит от мужчины. Если он уверен в себе и своих силах, может обеспечить большую семью, тогда женщина будет рожать, а если нет, то нет» (*Алтын, 24 года, Петропавловск*); «Это от мужа зависит... Это больше вдохновляет мужчину...» (*Айгерим, 25 лет, г. Нур-Султан*); «Муж занимается образованием детей. Я занимаюсь воспитанием... Отец, как глава семьи, зарабатывает» (*Гульсим, 29 лет, Алматы*); «Если муж знает свои обязанности, функции, если у женщины есть уверенность в своем муже...» (*Салтанат, 21 год, г. Нур-Султан*). Как видно из приведенных выше примеров,

у респондентов, традиционно завышена роль и статус мужчины в семье. Он рассматривается как основной добытчик, обеспечивающий большую семью, ему отдается право принимать решения по воспитанию детей.

Из восьми женщин первой группы пятеро имеют формальное высшее образование, двое – средне-специальное, у одной нет профессиональной подготовки. Сфера занятости, в основном - образование и здравоохранение. Пять женщин на момент проведения опроса не работали: три находились в декретном отпуске и две – заняты в домашнем хозяйстве (домохозяйки).

Таким образом, для женщин традиционного типа характерны следующие особенности репродуктивного поведения:

- ранняя брачность и материнство, а также установка на более ранние сроки основных элементов прокреационных процессов;
- проживание расширенными семьями;
- многодетность – реальная или планируемая (из восьми женщин трое уже многодетные матери);
- одним из аргументов в пользу многодетных семей указывается их бóльшая сплоченность, взаимовыручка, что косвенно свидетельствует о низком уровне доверия социальным институтам;
- число детей в семьях опрошенных колеблется от одного до шести;
- важное место в семейном воспитании играют религия, национальные традиции и обычаи, причем религии (исламу), зачастую, отдается приоритет;
- подавляющее большинство женщин религиозны, часть из них в головных уборах, закрывающих волосы;
- в программе социальной самореализации приоритет отдается традиционной женской роли – материнству, ведению домашнего хозяйства;
- в семье традиционное распределение гендерных и функциональных ролей: женщина – мать, мужчина – добытчик;
- отказ от планов карьерного роста и профессиональной самореализации, по принципу: работа – это место, с которого уходят в декрет. В целом, заниженная социальная самооценка.

В первую группу вошли респонденты всех регионов, где прово-

дилось исследование - центрального, северного, западного и южного Казахстана. Но, женщины традиционного типа репродуктивного поведения и сознания – это, как правило, мигранты из сельской местности в первом поколении. Из восьми женщин только двое – коренные горожанки (гг. Караганда и Петропавловск), одна - репатриантка из Узбекистана, в большинстве случаев (особенно по гг. Нур-Султан и Алматы) женщины мигрировали из сел и малых городов южного Казахстана. Это позволяет предположить, что женщины – носительницы традиционных репродуктивных установок, территориально связаны с сельской местностью южного региона страны. Учитывая религиозность респондентов группы, высокий социальный статус многодетности, традиционные гендерные установки, а также приоритет материнства над профессиональным и карьерным ростом, можно предположить, что эти женщины в ближайшее время будут реализовывать свои репродуктивные планы.

Современный тип репродуктивного поведения.

Группу, для которой в большей степени характерен современный тип репродуктивного поведения и прорекреационных установок, составили пять респондентов в возрасте от 22 до 29 лет, проживающих в городах Караганда, Петропавловск, Усть-Каменогорск.

Данный тип отличает более поздний возраст вступления в брак (23–29 лет) и материнства (24–29 лет). В установках на оптимальный возраст замужества и материнства указывается интервал от 24 до 46 лет.

«После 30 лет ты – сформировавшаяся женщина» (*Камиля, 29 лет, 2 детей, Караганда, образование высшее, портниха, менеджер*). «Дети в планах, но не скоро: квартира нужна, миграционные планы, нужно подготовить здоровье» (*Жасмин, 22 года, детей нет, замужем, Караганда, высшее образование, финансовая сфера*).

Женщины второй группы проживают полными или неполными нуклеарными семьями. Поддерживают связь с небольшим числом родственников. Среднее число детей в семье один-двое. Двое из пяти женщин этой группы находятся в разводе. Это самый высокий показатель разводимости из всех четырех исследуемых групп.

Отношение к многодетности неоднозначное. Положительно

при условии, если «Семья берет на себя полную ответственность» (Камиля, 29 лет, Караганда). Отмечается и явно негативное отношение к многодетности «Рожают, чтобы получить что-то от государства» (Жасмин, 22 года, Караганда). «Она (многодетная мать – авт. Г.А.) постоянно ходила в Акимат, выпрашивала все, постоянно ругалась, постоянно доказывала» (Аноним, 28 лет, 1 ребенок, в разводе, Петропавловск, образования нет, работает в сфере торговли). «Яжматери бесят! Никто же не заставлял их рожать» (Аноним, 29 лет, двое детей, Усть-Каменогорск, высшее образование, сфера обслуживания - общепит).

Указывается на важность желания самой женщины и ее готовности к многодетности. «Я поддерживаю многодетные семьи, если женщина согласна, а не настояло общество, и женщина готова быть многодетной мамой» (Камиля, 29 лет, Караганда).

Отмечается, что многодетная семья не является гарантией сплоченности и солидарности ее членов.

В ответах респондентов второй группы отмечается больше требований к материнству, воспитанию, образованию и всестороннему развитию детей. «Нужны физические, психологические и эмоциональные силы. Нужно вкладывать в курсы и развитие детей» (Камиля, 29 лет, Караганда). «Сын занимается у логопеда, художка, шахматы» (Камиля, 29 лет, Караганда). «Оплачиваем дополнительные уроки старшему сыну – он ходит 3 раза в неделю. Потом планируем кружки и секции, лучше платные. Дети читают книжки, энциклопедию, сказки (в основном на русском языке) (Аноним, 29 лет, двое детей, Усть-Каменогорск). Как видим, дети женщин второй группы получают разностороннее развитие, посещают всевозможные кружки, секции, дополнительные занятия, зачастую платные. Женщины данной категории вкладывают в развитие своих детей материальные, психологические, временные ресурсы, понимая его важность в долгосрочной перспективе.

Для женщин современного типа репродуктивного поведения пол будущего ребенка не имеет особого значения.

Традиции и обычаи, религия практически не играют роли в воспитании детей. «Мы не живем с родителями. Мы не зовем гостей толпу. У детей – право выбора. Традиции и обычаи соблю-

даем только ключевые – рождение и похороны» (*Камиля, 29 лет, Караганда*). «Когда моего ребенка спрашивают кто он по национальности, он отвечает, что русский... Мой ребенок хочет учить английский и русский языки... Мы все праздники отмечаем и русские, и казахские» (*Аноним, 28 лет, 1 ребенок, Петропавловск*). «У ребенка будет право выбора» (*Жасмин, 22 года, Караганда*). «Наурыз отмечают в садике и в школе» (*Аноним, 29 лет, двое детей, Усть-Каменогорск*).

Женщин данной группы отличает слабая связь (иногда и полное ее отсутствие) со старшим поколением родственников. «Это наши дети. Наш авторитет в воспитании детей. Потому что моя мама старше меня – нет» (*Камиля, 29 лет, Караганда*).

Отношение к контрацепции положительное, к абортам, добрачным связям – нейтральное. При условии «Если это взрослые люди, а не подростки, и им приятно проводить время вместе» (*Аноним, 29 лет, Усть-Каменогорск*).

В программе социальной самореализации этих женщин приоритет отдается карьере. Профессиональная (общественная) сфера респондентов данной группы достаточно обширна, что показывает их активную вовлеченность в построение карьеры и социальную жизнь: советник по административно-правовым вопросам на промышленном предприятии, общественный деятель, заместитель председателя областного Альянса женских сил, высококлассная портниха, менеджер, тренер (консультант) на мотивационных марфанах, финансист и пр.

«Нужно еще добрать знаний, хочу больше взять. Женщина должна вкладывать в себя» (*Камиля, 29 лет, Караганда*). «Работа – это развитие женщины, гармония, энергия. У нее должны быть свои личные деньги» (*Жасмин, 22 года, Караганда*). «Ты зарабатываешь и знаешь, что эти деньги твои» (*Аноним, 28 лет, 1 ребенок, Петропавловск*). «Я вернусь на работу и буду двигаться дальше по карьерной лестнице» (*Аноним, 29 лет, двое детей, Усть-Каменогорск*).

Как видно из приведенных выше мнений, женщины данной группы ориентируются во всех жизненных ситуациях только на свои силы. Они заинтересованы в построении карьеры, раскрытии профессионального потенциала, в материальном достатке, кото-

рый обеспечивают сами. Более того, респондентов отличает четкое представление об ответственности за своих детей, о продвижении семьи только за счет своих ресурсов. «Ответственность за воспитание детей на мне и на моем муже. Даже не на бабушке и не на дедушке. Ответственность первостепенна» (*Камиля, 29 лет, Караганда*).

На вопрос о том, к кому они обращаются за советом по воспитанию детей, были названы врачи, учителя, интернет, то есть эксперты. Родственники (мама, папа, сестра, свекровь и пр.) также фигурируют в числе советчиков и помощников, но на втором плане. В семье равное распределение обязанностей. «Муж покупает продукты, водит детей в садик и школу, я делаю все по дому; когда я болею – муж сам все делает» (*Аноним, 29 лет, двое детей, Усть-Каменогорск*).

Отношение к домашним питомцам положительное. «Это развивает ответственность и заботу в детях, они переживают о своем питомце, стараются что-то сделать» (*Аноним, 29 лет, двое детей, Усть-Каменогорск*). Можно отметить явные элементы городской пет-культуры – эмоциональное и педагогическое воздействие животных.

Из пяти женщин второй группы четверо имеют формальное высшее образование, у одной – степень магистра, одна женщина не имеет профессионального образования. Сферы занятости: правовая, финансовая, торговая, общественное питание, а также самозанятость. Все женщины на момент проведения опроса работали.

Таким образом, для женщин современного репродуктивного типа характерны следующие особенности прокреационного поведения и сознания:

- более поздний возраст вступления в брак и материнства, а также установка на более поздние сроки замужества и материнства;
- проживание полными или неполными нуклеарными семьями;
- высокие показатели разводимости;
- отношение к многодетности (положительное и отрицательное) обусловлено условиями ее (многодетности) реализации, наличием условий и ресурсов семьи;
- установка на более качественное образование и всестороннее

развитие детей;

- в семье один-два ребенка;
- в семейном воспитании религия, национальные традиции и обычаи практически не играют роли;
- общение с ограниченным кругом родственников, слабая связь со старшим поколением;
- в программе социальной самореализации приоритетным является карьерный рост;
- обширная профессиональная и общественная сфера, активная вовлеченность в построение карьеры и социальную жизнь;
- распределение обязанностей в семье не носит ярко выраженного гендерного характера.

Вторую группу составили респонденты центрального, северного, и восточного Казахстана. Из пяти женщин двое – коренные горожанки, трое – мигрировали из сел этих регионов республики. 80% респондентов имеют высшее образование, на момент проведения исследования все респонденты работали. Эту группу отличает малодетность, нуклеаризация семьи, высокие требования к материнству, качеству образования и развития детей. Наряду с этим, характерным является низкий уровень влияния на репродуктивные установки и процессы воспитания детей родственников, традиций, религии. Вышесказанное, с учетом активной вовлеченности женщин второй группы в построении карьеры, позволяет сделать вывод о том, что их репродуктивные планы будут реализовываться по траектории суженного воспроизводства и малодетности.

Таким образом, исследовав два полярных типа репродуктивного поведения – традиционный и современный, можно констатировать следующее. Группа с традиционными прокреационными установками состоит в большинстве своем из представительниц южного Казахстана. В данной группе и в перспективе следует ожидать развитие сценария традиционной рождаемости по типу расширенного воспроизводства. Группу с современными репродуктивными установками составили респонденты центрального, северного и восточного Казахстана. Мнения, высказанные женщинами второй группы, позволяют сделать вывод о преобладании в их репродуктивных планах современной модели рождаемости.

Как указывалось выше, наряду с полярными типами репродуктивного поведения, авторами были выявлены также смешанные или переходные типы «от традиционного к современному» и «от современного к традиционному». Мнения респондентов данных групп и их анализ приводятся ниже.

Переходной тип репродуктивного поведения: от традиционного к современному.

В данную группу вошло восемь респондентов в возрасте от 25 до 29 лет, проживающие в городах Петропавловск, Караганда, Нур-Султан, Усть-Каменогорск, Алматы.

Возраст вступления в брак и материнства в данной группе колеблется от 18 до 25 лет. В установках на оптимальный возраст замужества и материнства указывается интервал от 23 до 30 лет.

«Я считаю, что стоит выходить замуж, когда есть какая-то специальность, есть стабильная работа. То есть женщина может себя обеспечить и помимо себя она может обеспечить своего ребенка. Если вдруг не сложится, женщина не останется одна с ребенком на улице. Женщина должна полагаться не только на своего супруга, но и на себя» (*Копей, 25 лет, 1 ребенок, Петропавловск, высшее образование, магистратура, учитель*).

«Образование, после этого замужество, следующий этап» (*Айжан, 26 лет, 2 детей, Караганда, высшее образование, сфера образования, в декретном отпуске, открыла онлайн-магазин*).

То есть женщинами третьей группы оптимальным для вступления в брак называют возраст, примерно совпадающий с окончанием вуза, получением высшего образования. Несмотря на приоритетность получения высшего образования, замужество (материнство) рассматривается как непосредственно следующий за этим этап.

Респонденты поддерживают связь с определенным (небольшим) кругом родственников (в основном близких). Родственники принимают активное участие в жизни семей респондентов, оказывают помощь в воспитании детей (в основном мамы, свекрови и свекры). Одной из причин контактов только с узким кругом родни указывается нехватка времени и чрезмерная занятость супругов на работе. «Времени не хватает, чтобы общаться с родственниками.

Родители на двух-трех работах, чтобы обеспечить семью (*Жадра, 29 лет, 2 детей, Нур-Султан, средне-специальное образование, домохозяйка*). Число детей в семье колеблется от одного до семи.

В группе, отнесенной к переходному типу репродуктивного поведения «от традиционного к современному», отмечается в целом положительное отношение к многодетности. Несмотря на общую позитивную оценку этого явления, спектр мнений достаточно широк. Ниже приводятся различные позиции, озвученные женщинами в ходе интервью.

«Я восхищаюсь женщинами, которые рожают много детей» (*Копей, 25 лет, Петропавловск*). Обращает на себя внимание эмоциональность высказываний некоторых респондентов в отношении многодетности: «я восхищаюсь», «я уважаю».

Респонденты готовы поддерживать многодетность при условии наличия у семьи возможностей, указываются на риски, связанные с данным явлением. «Родители за детей в ответе. Надо обувать, обучать. Если детей больше, это значит, кто-то недоучится, кто-то в садик не пойдет, в университет не поступит» (*Жадыра, 29 лет, Нур-Султан*).

Во мнениях респондентов также звучит указание на иждивенческие настроения у многодетных родителей: «... многодетные мамочки просят помощи у людей» (*Копей, 25 лет, Петропавловск*). В то же время женщины указывают на высокий социальный статус многодетности в обществе. Во мнениях женщин этой категории подчеркивается ответственность матери (родителей) перед детьми. «Важно, чтоб такая семья могла обеспечить детей, чтоб ни у кого не спрашивать и не просить помощи. Если чувствуешь, что не потянешь обеспечить своих детей, нужно остановиться» (*Айжан, 26 лет, Караганда*).

Часть респондентов данной группы не планируют становиться многодетными матерями. «Для себя я планирую еще двоих детей. Три ребенка в идеале» (*Копей, 25 лет, Петропавловск*). «Я свои возможности знаю и хочу именно качественно воспитать двоих детей» (*Айжан, 26 лет, Караганда*).

Еще один блок вопросов касается роли национальных традиций, обычаев и религии в воспитании детей. Ответы респонден-

тов третьей группы показывают, что традиции и обычаи, религия играют второстепенную роль в воспитании детей. «Пеку шелпеки в пятницу или кыз узату проводим» (*Копей, 25 лет, Петропавловск*). Указывается, что «это только с подачи старшего поколения, мы сейчас далеки от этого, другие интересы» (*Копей, 25 лет, Петропавловск*). «Кроме официальной регистрации брака был еще обряд в мечети. Но это как дань моде, для галочки» (*Жадра, 29 лет, Нур-Султан*). В словах данного респондента аккумулировалась позиция большей части респондентов группы в отношении традиций, обычаев и религии, и их влиянии на семейное воспитание: «дань моде», «для галочки». То есть присутствуют только ключевые традиции и религиозные нормы, и то, только с подачи старшего поколения, как необходимость идентификации себя и детей с казахским этносом и исламом.

Отношение к контрацепции у респондентов группы «от традиционного к современному» положительное, к абортam, добрачным связям – нейтральное. Аборт допускается в определенных ситуациях. «Чем родить не здорового ребенка, лучше сделать аборт. Я сознательно, согласовано с мужем, пошла на аборт. У ребенка показало порок сердца» (*Жадра, 29 лет, Нур-Султан*).

В программе социальной самореализации женщин нет определенного приоритета. Важны как работа, так и семья. «Я и работать успеваю, и учиться, и ребенку время посвящать» (*Копей, 25 лет, Петропавловск*). «Мы должны, мы обязаны совмещать (*работу и семью – авт. Г.С.*). Ради своих детей стараться везде успеть. Дети – мотивация» (*Айжан, 26 лет, Караганда*).

Женщины данной группы ориентируются по большей части на свои силы. «Я родила своего ребенка, и я ни у кого не буду просить денег, чтобы его вырастить, я сама найду силы и заработаю на все самое лучшее для него» (*Копей, 25 лет, Петропавловск*).

Профессиональная (общественная) сфера респондентов данной группы демонстрирует их широкую вовлеченность в построение карьеры и социальную жизнь. Из восьми респондентов семьи с высшим образованием, одна – со средне-специальным, двое имеют степень магистра. Пятеро – заняты в сфере образования, двое – занимаются бизнесом (индивидуальное предприниматель-

ство и онлайн-магазин). На момент проведения исследования трое респондентов не работали по следующим причинам: декретный отпуск, уход за ребенком-инвалидом, занятость в домашнем хозяйстве (домохозяйка).

Обязанности по дому распределяются равномерно между супругами. «Мне с мужем очень повезло. Если ужин не готов, он сразу взял кастрюлю, пельмени варит... Воспитанием детей на 90% муж занимается» (*Жадра, 29 лет, Нур-Султан*).

Еще один маркер степени урбанизированности сознания и типа репродуктивного поведения – отношение к домашним животным. Большая часть респондентов данной группы содержит домашних питомцев.

Таким образом, для женщин типа репродуктивного поведения «от традиционного к современному» присущи следующие особенности:

- ранняя или средняя брачность, при этом установка на более поздний срок брачности и материнства;
- замужество рассматривается как следующий после получения образования этап;
- проживание нуклеарными семьями;
- в целом положительное отношение к многодетности (из восьми женщин трое многодетные матери);
- число детей в семье от одного до семи;
- в семейном воспитании религия, национальные традиции и обычаи играют второстепенную роль;
- общение с небольшим кругом родственников (в основном близких);
- в программе социальной самореализации материнство и профессиональная карьера находятся в паритете;
- распределение обязанностей в семье не имеет четко выраженной гендерной окраски.

Третью группу составили респонденты центрального, северного, южного и восточного Казахстана. Из восьми женщин четверо – коренные горожанки, еще четверо – мигрировали из сел этих регионов республики. Респонденты данной категории сочетают черты как традиционного, так и современного типов репродуктивного

поведения и мировоззрения. Реализуются разные репродуктивные сценарии - как мало- и среднететность, так и многодетность. К традиционным прокреационным установкам можно отнести раннюю или среднюю брачность респондентов, отношение их к многодетности. Установка на более поздний срок брачности и материнства, процессы нуклеаризации семьи, слабое влияние родственников, традиций и религии являются признаками проявления современных моделей репродуктивного поведения. Отсутствие определенного приоритета материнства или профессиональной карьеры в программе социальной самореализации лишний раз иллюстрирует переходной характер репродуктивных установок женщин данной группы. В целом респондентов третьей группы характеризует активная вовлеченность в социальную жизнь и ориентация на собственные силы. Данный тип находится на стадии формирования, в связи с чем, делать какие-либо обоснованные прогнозы относительно репродуктивных планов женщин, находящихся в состоянии перехода от традиционного к современному, не представляется возможным. Однако, модернизационный вектор, явно проявляющийся во мнениях респондентов третьего типа, позволяет предполагать, что дальнейшее их развитие будет направлено по траектории суженного воспроизводства. Более того, именно этот тип, на взгляд авторов, получит наибольшее распространение в городах Казахстана.

Переходной тип репродуктивного поведения: от современного к традиционному

Группу, характеризующуюся переходным «от современного к традиционному» типом репродуктивного поведения, составили четверо респондентов в возрасте от 26 до 29 лет, проживающих в городах Караганда, Петропавловск, Усть-Каменогорск и Алматы. Четвертая группа является самой немногочисленной.

Возраст вступления в брак и материнства в данной группе колеблется от 23 до 25 лет. В установках на оптимальный возраст мужества и материнства указывается интервал от 23 до 26 лет. «В 23–25 лет женщина выходит замуж осознанно. Ранее – спонтанно. В 23–25 лет человек самостоятельный, со своими установками.

Нормально иметь свое мнение и свои принципы» (*Жанат, 26 лет, 1 ребенок, Караганда, высшее образование, учится в докторантуре, работает в сфере образования*).

Число детей в семьях респондентов от одного до двух. Все дети являются запланированными.

Женщины группы поддерживают тесную связь с родственниками, как близкими, так и дальними. «Мои родители любят его (ребенка – авт. Г.С.). Он первый внук у них. Общаются часто. Сын очень их уважает. Любит» (*Аноним, 27 лет, 1 ребенок, Усть-Каменогорск, высшее образование, пекарь*).

В положительной оценке многодетности присутствует определенная доля условности. «Многодетные не приносят вреда обществу, разве что нужно будет платить пособие им» (*Аноним, 27 лет, Усть-Каменогорск*).

У некоторых женщин многодетность есть (была) в планах. «Хочу четверых детей. Когда мне нужна была поддержка, меня поддержали мои братья. Нужны братья и сестры» (*Жанат, 26 лет, Караганда*).

В желание рождения ребенка определенного пола («хочу дочку» или «хочу сына») присутствует мотивы достижения гендерного баланса в семьях. Еще один мотив многодетности – психолого-эмоциональный – любовь к детям. «Если сильно любить мужа и любить детей» (*Аноним, 27 лет, Усть-Каменогорск*).

Представления о необходимом уровне образования, всестороннего развития ребенка, планах его дальнейшей жизни достаточно размыты, абстрактны, без какой-либо конкретики. Дополнительная занятость ребенка носит больше формальный характер.

Респонденты, относящиеся к четвертой группе, соблюдают национальные традиции и обычаи. Религия играет важную роль в воспитании детей. «В 4–5 лет мы делаем обрезание мальчикам и говорим, что он стал настоящим мусульманином. Уже в школьном возрасте приучаем после трапезы, после поминок благодарить за угощение (говорить «аминь» после еды)» (*Аноним, 27 лет, Усть-Каменогорск*). «Читаю намаз и полностью полагаюсь на Аллаха» (*Жанат, 26 лет, Караганда*).

При оценке роли традиций и обычаев в воспитании детей ре-

спонденты заостряют внимание на этничности, знании родного языка. «Не имеет значения сколько детей. Главное – не забывать свой родной язык... Дети должны обязательно знать свой родной язык. Если ты родился в городе, то это не значит, что ты можешь не знать свой родной язык» (Аноним, 27 лет, Усть-Каменогорск).

Отношение к контрацепции у женщин четвертой группы – положительное, к абортам, добрачным связям в целом – нейтральное. При этом высказывалось и такое мнение: «В нынешнее время это (добрачная связь – авт. С.Г.) кажется в порядке вещей, но я это не одобряю. Лучше до свадьбы подождать» (Аноним, 27 лет, Усть-Каменогорск).

Отношение к домашним питомцам от положительного до нейтрального.

Распределение гендерных обязанностей и функций в семье ближе к традиционному. «В основном мой муж обеспечивает нас финансово. И все домашние вопросы он сам решает» (Аноним, 27 лет, Усть-Каменогорск).

На вопрос о том, к кому они обращаются за советом по воспитанию детей, были названы родители, родственники, педагоги, подруги - на втором месте.

В программе социальной самореализации приоритета между профессией и материнством нет. В то же время женщины четвертой группы четко представляют программу своего профессионального развития, карьеру, ясно и конструктивно излагают мысли по поводу социальной и профессиональной перспективы. «Дети не могут мешать профессиональной деятельности» (Аноним, 27 лет, Усть-Каменогорск). «Человек сам строит свою жизнь – качественно или некачественно. Нужно заранее все планировать. Хочу поехать на стажировку за рубеж. Надо действовать. Ставить цели. Я за правильное планирование (Жанат, 26 лет, Караганда).

В данной группе все женщины имеют высшее образование, одна – обучается в докторантуре. Сфера профессиональной деятельности – образование, торговля, частный сектор занятости. Из четырех женщин двое работают не по специальности. На момент проведения исследования все респонденты работали.

Таким образом, женщины типа репродуктивного поведения

«от современного к традиционному» отличаются следующим:

- средний возраст вступления в брак и материнства, при аналогичной установке на них;
- проживание нуклеарными семьями;
- в целом положительное отношение к многодетности, рождение от 4-х и более детей есть (было) в планах;
- число детей в семье от одного до трех;
- важную роль в семейном воспитании играют национальные традиции и обычаи, а также религия, особый акцент делается на этничности;
- поддерживаются контакты с широким кругом родственников;
- в программе социальной самореализации складывается паритет между профессией и материнством;
- распределение гендерных ролей в семье ближе к традиционному.

Четвертую группу составили респонденты центрального, северного, южного и восточного Казахстана. Из четырех женщин группы одна – коренная горожанка, трое – выходцы из сел этих же регионов республики. Респонденты данной категории, как и представители предыдущей группы, сочетают черты традиционного и современного типов репродуктивного поведения. К традиционным элементам их установок можно отнести: отношение к многодетности, репродуктивные планы (реализованные или нет) с вектором на многодетность; тесная связь с широким кругом родственников; приоритетная роль в семейном воспитании национальных традиций, языка, религии. К элементам современного, урбанизированного и модернизированного сознания и поведения можно отнести средний возраст вступления в брак и материнства, который считается респондентами оптимальным; мало- и среднедетность; проживание нуклеарными семьями; ясное представление о собственных социальных и профессиональных перспективах. Однако в данной группе определяющим фактором самосознания и воспитания детей является этничность, что выступает признаком традиционного мышления, и это в значительной степени моделирует репродуктивное поведение. В связи с тем, что четвертый тип, как и предыдущий, находится на стадии формирования, прогнозирова-

ние репродуктивных планов женщин, входящих в него, вызывает определенную сложность. Несмотря на малую представленность в данном исследовании представителей указанного типа, на взгляд авторов, в перспективе он вероятно получит распространение и дальнейшее развитие в городах страны.

Выводы по результатам качественного исследования репродуктивных установок и установок на условия социализации детей, характерных для молодых женщин, проживающих в городах Казахстана.

Итак, на основе анализа результатов социологического исследования констатируем следующее. Репродуктивные установки городских казашек современного Казахстана в возрастном интервале 20–29 лет можно дифференцировать по четырем основным типам. Данные типы складываются в диапазоне от традиционного типа воспроизводства к современному.

Как было указано выше, основными особенностями **традиционного** типа репродуктивного поведения являются: ранняя брачность и материнство, многодетность или установки на него, приоритет материнства над профессиональной деятельностью, значительная роль религии, национальных традиций в семейном воспитании. 62,5% опрошиваемых представителей этой группы на момент проведения опроса по разным причинам не работали. Большая часть этих женщин проживают в южном регионе страны или мигрировали оттуда.

Оставшиеся три группы (типы) равномерно представлены жителями всех регионов страны (кроме западного).

Для *современного* типа репродуктивного поведения характерны: более поздние сроки замужества и материнства, малодетность, большое внимание уделяется качеству образования детей, практически декларативно отсутствует влияния родственников, традиций и религии на семейно-брачную сферу, отмечается приоритет профессиональной деятельности и карьерного роста в программе социальной самореализации. Все женщины этой группы на момент проведения опроса работали.

Для промежуточного типа *«от традиционного к современному»* характерным является: ранняя и средняя брачность, сочетание

малодетности и многодетности, паритет между профессиональной деятельностью и материнством, слабое влияние традиций и религии на репродуктивное поведение. Более трети женщин этой группы на момент проведения опроса по разным причинам не работали.

Особенностями промежуточного типа «от современного к традиционному» можно назвать: средний возраст вступления в брак и материнства, мало- и среднететность, значительная роль в семейно-брачной сфере национальных традиций, языка, религии, присутствует влияние родственников, приоритетным является как карьерный рост, так и материнство. Все женщины этой группы на момент проведения опроса работали.

Анализ результатов опроса выявил схожие позиции респондентов всех четырех типов по некоторым вопросам. Подавляющее большинство женщин, за исключением представительниц традиционного типа, проживают нуклеарными семьями. Большинство респондентов положительно относятся к многодетности (но, с определенными оговорками и условиями), применяют контрацепцию для планирования семьи. Практически все женщины поддерживают практику усыновления (удочерения). Более того, часть респондентов (их родственники) уже имеет такой опыт или планируют (планировали) усыновление. «Одно время мы даже хотели удочерить девочку» (Аноним, 29 лет, Усть-Каменогорск). «Если возникнет такая необходимость или возможность, то я бы сама тоже усыновила или удочерила» (Аноним, 27 лет, Усть-Каменогорск).

По ряду вопросов отмечаются схожие позиции у респондентов двух различных типов. В распределении обязанностей и функций в семье у респондентов первого (традиционного) и четвертого («от современного к традиционному») типов прослеживается патриархальная модель гендерных ролей (женщина – мать, мужчина – добытчик). У двух других типов (современного и «от традиционного к современному») – получила распространение современная модель (обязанности распределяются равномерно между супругами). У типов «традиционный» и «от современного к традиционному» схожим признаком является поддержание тесных контактов с широким кругом близких и дальних родственников, влияние родственного (родового) клана на семейно-брачную сферу респондентов.

Схожие мнения высказывались относительно роли национальных традиций и обычаев, религии в репродуктивном поведении, воспитании детей. Однако для традиционного типа приоритетной является религиозная мотивация, а для типа «от современного к традиционному» - этническая мотивация. Для женщин двух обозначенных типов, зачастую, важен пол будущего ребенка. Приоритет отдается мальчикам: «муж хочет сына», «хотела мальчика, девочку не хотела».

Также было определено, какой критерий наиболее присущ тому или иному типу. Так, самый высокий уровень разводимости (40% в данной группе) отмечен у женщин, относящихся к современному типу. Самый высокий показатель неработающих женщин (62,5%) отмечен в традиционном типе.

Практически все женщины имеют профессиональное образование: высшее – 80%, средне-специальное – 12%, магистратура – 16%. Лишь 8% опрошиваемых не имеют профессионального образования. 40% работающих женщин заняты в сфере образования. Причиной столь высокого показателя является традиционная представленность женщин в образовательной экономической нише, а также стабильный и сравнительно высокий заработок.

Согласно данным опроса, среди представительниц всех типов есть как коренные горожанки, так и прибывшие из села. Период проживания в городе последних колеблется от 3 до 25 лет.

Из всех участниц опроса наибольшее число респондентов попадают под традиционный и переходной «от традиционного к современному» типы репродуктивного поведения.

Учитывая интенсивность урбанизационных процессов казахов на фоне актуализации этничности и повышения уровня религиозности населения, можно предположить, что в ближайшем будущем указанное выше соотношение сохранится с некоторым ростом доли типа «от современного к традиционному». Следовательно, еще какое-то время значительное число женщин в репродуктивном поведении будет ориентироваться на среднететность и многодетность. Многие будут зависеть от социально-экономических и политических преобразований в Казахстане, приоритетов в его стратегическом развитии. Если социально-экономический климат,

особенно в южном регионе, не получит ощутимого импульса к развитию, для многих семей государственные пособия на детей будут значимым источником дохода, и даже проживающие в городах молодые женщины объективно будут выбирать традиционный репродуктивный сценарий, как наиболее эффективный с экономической точки зрения.

4. ВОСПРИЯТИЕ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ БРАКОВ НА ВОСТОКЕ КАЗАХСТАНА¹

Межэтнические браки в стране в целом, и отношение казахов к этому явлению - представляют особый интерес, поскольку за прошедшие тридцать лет независимости значительно вырос удельный вес титульного этноса. Само явление межэтнических браков в обществе и отношение к ним, являются определенным барометром межэтнических взаимоотношений, поэтому изучение данного вопроса очень актуально в нашем многонациональном Казахстане. Этнодемографические характеристики динамики межэтнических браков отражают тенденции различных социальных процессов в обществе, таких как миграция, разные типы воспроизводства у многочисленных этносов и изменения ментальности нового населения города.

Городское население всегда имело более толерантные установки к межэтническим отношениям в целом, и в отношении межэтнических браков, в частности. Поскольку городская среда предполагает большее этническое разнообразие и соответственно большее взаимодействие между этносами. Мультикультурность городского пространства приводит к взаимодействию как в сфере общественных отношений, так и в личной, частной жизни, в том числе и к созданию смешанных семей. В данном аспекте особый интерес представляет, каким образом воспринимает и относится городская казахская молодежь к межэтническим бракам.

Особая благодарность автора статьи за предоставленные материалы социологических исследований НИЦ «Алтайтану» ВКУ имени С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, РК. Также использованы статистические материалы по РК.

Итак, источниковой базой данной статьи являются:

- 1) Статистические материалы по Республике Казахстан.²
- 2) Карты этнодемографические – по кластерам, разработан-

1. Разработана Уалиевой С.К., кандидатом историческим наук, ВКТУ им. Д.Серикбаев
2. Демографическая статистика на начало 2021 года. Ответственный за выпуск: департамент социальной и демографической статистики. Директор департамента: Н. Ханжигитов. [Электрон.ресурс]. - 2021, 20 апреля. - URL: <https://www.stat.gov.kz> (дата обращения: 24.02.22)

ные Научно-исследовательским центром «Алтайтану» ВКУ имени С. Аманжолова.¹

3) Материалы таблиц социологического исследования, которое было проведено НИЦ «Алтайтану» ВКУ имени С. Аманжолова, ноябрь 2020 по Усть-Каменогорску и Семипалатинску, 500 респондентов.²

4) Фокус-группы, проведены НИЦ «Алтайтану» ВКУ имени С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, РК. - 19.09.2020 / 20.09.2020 / 23.11.2020 / 24.11.2020. Общее количество участников – 40 респондентов, г. Усть-Каменогорск.³

В настоящей статье был использован комплексный подход и разнообразные методы: исторического, демографического и статистического анализа, а также социологические методы, которые представлены результатами анкетирования и фокус-групп.

Теме исследования межэтнических браков посвящена одна из новых работ, вышедшая в 2020 году, под редакцией Adrienne Edgar and Benjamin Frommer,⁴ в которой характеризуются смешанные браки от Центральной Европы до Центральной Азии. Рассматривается, какие изменения происходят в разных странах: начиная с Германии, в Югославии в 1960-е года, в Боснии, в Эстонии позднего социализма, в Киргизии (Ош), в Грузии, и международные браки в России.

Данной темой в Казахстане занимались исследователи Saule K. Ualiyeva and Adrienne L. Edgar,⁵ под их авторством опублико-

1. Карты этнодемографические, НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, РК. [Электрон.ресурс]. – 2021 - URL: https://demography-kz.shinyapps.io/demography_ru (дата обращения: 24.02.22)

2. Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)». Усть-Каменогорск, «Медиа-Альянс», 2020. – 120 стр.

3. Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)». Усть-Каменогорск, «Медиа-Альянс», 2020. – 120 стр.

4. Adrienne Edgar and Benjamin Frommer “Introduction” in the book “Intermarriage from Central Europe to Central Asia: Mixed Families in the Age of Extremes”, edited and introduced by Adrienne Edgar and Benjamin Frommer (University of Nebraska Press, 2020 – 344 p., p. 1-20.

5. Saule K. Ualiyeva and Adrienne L. Edgar “In the Laboratory of People’s Friendship: Mixed People in Kazakhstan from the Soviet Era to the Present” (глава в книге) in the book «Global Mixed

вана глава в книге «Global Mixed Race», вышедшая в Нью-Йорке в 2014 году. Название их работы: «В лаборатории дружбы народов: смешанные люди в Казахстане от советской эры до современности», в которой представлены материалы глубинных интервью, совместного историко-социологического исследования. Рассмотрены жизненные истории людей, вступивших в межэтнические браки с советского времени, и изменения в современном Казахстане в данной сфере отношений.

В демографическом аспекте изучением данной темы занимались Козлов В. А., Айгозина Г.К.,¹ в их статье дан демографический анализ показателей межэтнических браков в Казахстане, рассчитаны демографические коэффициенты. В работе рассматривается межэтническое расстояние в таких браках.

В целом, тема межэтнических браков является одной из требующих дальнейшего углубленного изучения, поскольку такие браки выступают определенным барометром стабильности межэтнических отношений в обществе.

Для понимания общей ситуации, дан анализ соотношения этносов РК. Показатели основных этносов воздействуют на число межэтнических семей. Этнотсы с наибольшим удельным весом представлены в таблице 1. Значительно увеличилась доля казахов с 53% в 1999 году и до 69% в 2020 году. Снизилась доля русского населения, с 30% до 18 % соответственно, таблица 1.

Наблюдается увеличение удельного веса узбекского населения, с 2,5% до 3% соответственно. Доля уйгурского населения практически на том же уровне остается 1,4% и 1,5%. По всем остальным этносам отмечается снижение удельного веса в общей численности населения, таблица 4.1.

Race», Edited by Rebecca C. King-O’Riain, Stephen Small, Minelle Mahtani, and Paul Spikard. NYU Press, 335 pages, p. 68-90, 2014.

1. Козлов В.А., Айгозина Г.К. Межнациональные браки в Казахстане: оценка предпочтений с помощью матрицы межэтнических расстояний – специально для Демоскопа // Демоскоп Weekly, № 733 – 734, 19 июня - 31 июля 2017. [Электрон.ресурс]. – 2017. - URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0733/analit03.php> (дата обращения: 24.02.22)

Таблица 4.1 Основные этносы Казахстана¹

Национальности	Численность населения, человек			Удельный вес в % от общей численности населения		
	1999	2009	2020	1999	2009	2020
Всего	14981281	16009597	18631779	100	100	100
Казахи	8011452	10096763	13 029 227	53,5	63,1	69,0
Русские	4480675	3793764	3 478 287	29,9	23,7	18,4
Узбеки	370765	456997	620 324	2,5	2,9	3,3
Украинцы	547065	333031	256 743	3,6	2,1	1,4
Уйгуры	210377	224713	278 869	1,4	1,4	1,5
Татары	249052	204229	199 427	1,7	1,3	1,1
Немцы	353462	178409	174 632	2,4	1,1	0,9

Наглядно этнодемографическую характеристику отражают карты, разработанные НИЦ «Алтайтану». Плотность и этнический состав населения по областям показывает неравномерное размещение казахского населения по регионам. В большей степени казахи сосредоточены на юге и на западе Казахстана, демонстрирует карта «Удельный вес казахов в составе населения области» в разделе показатели за 2019 год, плотность населения и этнический состав населения.²

Карта по этническому составу населения областей демонстри-

1. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник /Под ред. А.А. Смаилова/ Астана, 2010 - 110 с.

Демографическая статистика на начало 2021 года. Ответственный за выпуск: департамент социальной и демографической статистики. Директор департамента: Н. Ханжигитов. [Электрон.ресурс]. - 2021, 20 апреля. - URL: <https://www.stat.gov.kz> (дата обращения: 24.02.22)

2. Карты этнодемографические, НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, РК. [Электрон.ресурс]. - 2021 - URL: https://demography-kz.shinyapps.io/demography_ru (дата обращения: 24.02.22)

рует размещение большей доли неказахского населения на севере, на востоке и в центральном Казахстане. Данная этнодемографическая характеристика неоднородного размещения этносов по регионам, безусловно, оказывает воздействие на показатели межэтнических браков в стране.

Межэтнические браки. С 2013 по 2017 год несколько реже заключались браки между представителями разных этносов. Это связано с общим снижением числа браков. Более высокие показатели межэтнических браков у русского населения. Дальнейшая динамика межэтнических браков будет зависеть от соотношения долей различных этносов в Казахстане, а также от готовности людей вступить в брак с представителями других этносов.¹

Таблица 4.2 Доля мужчин, заключивших брак с женщинами той же национальности и другой национальности (в процентах)²

Годы	2017		2018		2019	
	той же национальности	другой национальности	той же национальности	другой национальности	той же национальности	другой национальности
Всего	83,8	16,2	83,8	16,2	84,2	15,8
Казахи	94,9	5,1	94,9	5,1	94,9	5,1
Русские	72,3	27,7	71,2	28,8	70,8	29,2
Узбеки	85,6	14,4	86,1	13,9	87,5	12,5
Украинцы	12,2	87,8	11,8	88,2	12,3	87,7
Уйгуры	72,2	27,8	72,4	27,6	72,1	27,9
Татары	12,1	87,9	11,8	88,2	10,0	90,0

1. Отчет «Анализ положения в области народонаселения Республики Казахстан». Министерство национальной экономики Республики Казахстан Комитет по статистике и ЮНФПА Казахстан [Электрон.ресурс]. - 2020 - URL: <https://kazakhstan.unfpa.org/ru/publications/анализ-положен...> (дата обращения: 24.02.22), стр.70.

2. Рассчитано по: Демографическая статистика на начало 2021 года. Ответственный за выпуск: департамент социальной и демографической статистики. Директор департамента: Н. Ханжигитов. [Электрон.ресурс]. - 2021, 20 апреля. - URL: <https://www.stat.gov.kz> (дата обращения: 24.02.22)

Продолжение таблицы № 4.2						
Немцы	9,6	90,4	8,4	91,6	8,8	91,2
Турки	47,5	52,5	43,4	56,6	46,5	53,5
Корейцы	30,0	70,0	27,8	72,2	27,9	72,1
Азербай- джанцы	48,6	51,4	48,7	51,3	47,4	52,6
Дунгане	86,7	13,3	88,8	11,2	87,0	13,0
Бело- русы	3,4	96,6	4,2	95,8	2,5	97,5
Таджики	70,1	29,9	69,7	30,3	71,5	28,5
Курды	73,4	26,6	76,7	23,3	73,2	26,8
Чеченцы	38,7	61,3	36,5	63,5	38,7	61,3
Поляки	8,7	91,4	12,5	87,5	13,1	86,9
Другие	10,7	89,3	8,86	91,1	9,1	90,9

Таблица 4.3 Доля женщин, заключивших брак с мужчинами той же национальности и другой национальности (в процентах)¹

Годы	2017		2018		2019	
	той же нацио- нальности	другой нацио- нальности	той же нацио- нальности	другой нацио- нальности	той же нацио- нальности	другой нацио- нальности
Всего	83,8	16,2	83,8	16,2	84,2	15,8
Казахи	95,4	4,6	95,3	4,7	95,5	4,5
Русские	68,3	31,7	67,2	32,8	66,7	33,3
Узбеки	84,8	15,2	84,2	15,8	85,1	14,9
Украинцы	12,8	87,2	12,5	87,5	12,7	87,3
Уйгуры	75,8	24,2	75,0	25,0	75,7	24,3
Татары	12,2	87,8	11,7	88,3	10,7	89,3

1. Рассчитано по: Демографическая статистика на начало 2021 года. Ответственный за выпуск: департамент социальной и демографической статистики. Директор департамента: Н. Ханжигитов. [Электрон.ресурс]. - 2021, 20 апреля. - URL: <https://www.stat.gov.kz> (дата обращения: 24.02.22)

Продолжение таблицы № 4.3						
Немцы	9,9	90,1	8,4	91,6	8,8	91,2
Турки	65,8	34,2	64,1	35,9	61,3	38,7
Корейцы	35,3	64,7	33,8	66,2	31,5	68,5
Азербай- джанцы	54,9	45,1	55,2	44,8	58,4	41,6
Дунгане	86,3	13,7	87,3	12,7	88,5	11,5
Белорусы	3,3	96,7	4,2	95,8	2,2	97,8
Таджики	75,6	24,4	73,4	26,6	74,4	25,6
Курды	76,8	23,2	75,3	24,7	80,7	19,3
Чеченцы	49,0	51,0	47,4	52,6	52,4	47,6
Поляки	10,2	89,8	12,5	87,5	11,7	88,3
Другие	10,6	89,4	9,67	90,3	9,22	90,8

В фокусе нашего внимания этнодемографические характеристики межэтнических браков, которые отражают тенденции изменения ментальности населения. Проведенный нами анализ статистических данных показывает, что удельный вес межэтнических браков значительно отличается у разных этносов Казахстана. Характеристики двух основных этносов республики: у казахов низкие показатели, у русских, напротив, примерно в шесть раз выше.

У двух основных этносов республики – казахи и русские, наблюдаются следующие характеристики: 5 % у мужчин и 4,5 % у женщин казахов, таков удельный вес браков с другой национальностью в 2019 году. В межэтнические браки чаще вступают мужчины казахи. Интерес представляет, что для русского населения характерна противоположная тенденция в гендерном аспекте.

Нами обозначены три основные группы, у мужчин разных национальностей.

В первой группе показатели межэтнических браков очень высокие, от 87% и до 97%. К этой группе относятся: украинцы, татары, немцы, белорусы, поляки.

Вторая группа, в которой удельный вес от 50% до 70%. К этой

группе относятся турки, корейцы, азербайджанцы, чеченцы.

Третья группа, в которой удельный вес межэтнических браков от 12% до 28%. К этой группе относятся: узбеки, уйгуры, дунгане, таджики, курды.

При этом следует особо подчеркнуть, что у турков, азербайджанцев, курдов и чеченцев – показатели межэтнических браков у женщин значительно ниже, чем у мужчин, на 10 % и более. Практически, в основном это кавказские этносы, и здесь важную роль играет культура и традиции народов, а также религиозные установки.

Материалы проведенных социологических исследований позволяют выявить определенные характеристики и тенденции. Город имеет свои особенности, тем более город на Востоке Казахстана, в начале XXI века. Нами рассмотрены материалы социологического исследования по двум крупнейшим городам ВКО – Усть-Каменогорск и Семипалатинск. Численность населения примерно равная, составляет по данным на начало 2021 года по городскому акимату 348 832 и 350 201 человек соответственно.¹

Результаты социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)», которое было проведено НИЦ «Алтайтану», 2020 г. по Усть-Каменогорску и Семипалатинску, 500 респондентов, демонстрируют интересные результаты.²

Вопрос об отношении к межэтническим бракам рассматривался следующим образом, респонденты должны были проранжировать данные высказывания по 5-балльной шкале (5 баллов – полностью согласен(а), 1 балл – совершенно не согласен(а)).

1) Межэтнические браки – это нормально, если супруги принадлежат к одной религии.

2) Межэтнические браки – это нормально, если супруги при-

1. Демографическая статистика на начало 2021 года. Ответственный за выпуск: департамент социальной и демографической статистики. Директор департамента: Н. Ханжигитов. [Электронный ресурс]. - 2021, 20 апреля. - URL: <https://www.stat.gov.kz> (дата обращения: 24.02.22)
2. Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)». Усть-Каменогорск, «Медиа-Альянс», 2020. – 120 с.

надлежат к одной расе, близким национальностям, у них схожие культурные традиции.

3) Если в основе межэтнического брака взаимные любовь и уважение, другие различия для меня не важны.

4) В Казахстане межэтнические браки – это норма.

5) Создавать семью нужно только с человеком своей национальности, религии и культуры.

6) Если родители против, брак заключать нельзя.

С возрастом отмечается более одобрительное к межэтническим бракам. Практически, сравнение данных по возрастной группе 17-21 года и 22-25 лет демонстрирует положительное отношение к межэтническим бракам по всем позициям. В тоже время, понимание что – «Создавать семью нужно только с человеком своей национальности, религии и культуры», выше показатель в 22-25лет. По-видимому, молодые люди более осмысленно подходят к принятию решения, когда это касается самих участников исследования.

В гендерном отношении также выявлены предпочтения, так для 2, 3, 4 позиций – показатели у девушек выше, чем у парней. Наблюдается более положительное отношение к межэтническим бракам у девушек.

Показатели таблиц сопряженности «Как давно Вы постоянно проживаете в городе» и отношения к межэтническим бракам демонстрирует, что более половины респондентов, проживающих в городе всю жизнь, то есть родившиеся и выросшие в городе, абсолютно положительно относятся к этому явлению. В то время как проживающие в городе с момента поступления в вуз (колледж) / с момента начала работы, или со школьного возраста - данные показатели на 10 % ниже. Эти данные подтверждают наше предположение о том, что молодые люди, родившиеся и выросшие в городе, более толерантно и позитивно относятся к межэтническим бракам в целом.

Таблица по языку прохождения опроса четко показывает разницу в отношении к межэтническим бракам. Респонденты, отвечавшие на казахском языке, в значительно большей мере придерживаются осторожного отношения к таким бракам. В то время как, материалы опроса на русском языке показывают более лояльное и

одобрительное отношение к межэтническим бракам, по всем позициям.

Особый интерес представляют материалы фокус-групп, проведены НИЦ «Алтайтану», в рамках социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере ВКО)».¹

Городская среда современного Казахстана имеет особое своеобразие. Казахи, которые сейчас проживают в городе, в большинстве своем, в недавнем прошлом переехали из сельской местности, либо это первое поколение родившихся в городе. Соответственно в ментальности современных городских казахов преобладают традиционные установки осторожного отношения к межэтническим бракам. Для молодых людей, сформировавшихся в городской мультикультурной среде – границы восприятия более открыты новому. Сознание меняется медленно, влияют среда, семья.

На фокус-группах один из вопросов был по отношению к межэтническим бракам: «Как вы относитесь к межэтническим бракам/бракам между людьми, с разными религиозными взглядами?»

Результаты опроса были нами разделены на 4 подгруппы: 1) те, кто поддерживает; 2) кто относится нейтрально; 3) кто в целом не против, но для себя предпочитает все-таки свою национальность; 4) кто против межэтнических браков.

1 подгруппа – «Кто поддерживает».

- «Очень хорошо отношусь к межэтническим бракам, мне нравится наблюдать за такими семьями, за внешностью детей. Я сама метиска, но считаю себя немкой.

- Хотелось бы в будущем межнациональный брак.

- Мои родители разных национальностей, я и мой муж тоже разных национальностей» (когда выбирают партнера дети по происхождению из смешанных семей, они конечно смотрят на опыт своих родителей, и предпочитают партнера тоже смешанного происхождения. В любом случае, брак человека из смешанной семьи, все равно станет межнациональным, если человек выбрал нацио-

1. Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)». Усть-Каменогорск, «Медиа-Альянс», 2020. – 120 с.

нальность одного родителя, а по этнической самоидентификации ощущает себя в большей степени человеком другой национальности, тогда эта самоидентификация влияет на выбор этнической принадлежности партнера. – комментарий С.К. Уалиева).

- «Людей должна объединять любовь, а не национальность.

- Я не против таких браков. Самое главное душа. Я слышал, что дети от таких браков рождаются красивее, нежели от брака представителей одной национальности.

- Я сама ребенок межэтнической семьи. Моя семья выбрала японскую модель воспитания детей, при которой, до 12 лет я учила только казахскую культуру и язык и только после 12 лет начала изучать русский и английский.»

В общем, ответы первой подгруппы очень одобрительные и позитивные в отношении к межэтническим бракам, часть респондентов сами из таких смешанных браков, и есть среди них те, кто уже вступил в межэтнический брак, и те, кто желает такой брак для себя в будущем. В целом, в Казахстане положительное отношение к таким бракам идет с советских времен, в особенности после освоения целинных земель, когда нашу республику называли «лаборатория дружбы народов». Этому конечно способствовали разные исторические процессы, депортация большого количества людей в предвоенные и военные годы, затем был большой миграционный приток именно молодых людей в целинные годы. В итоге, показатели межэтнических браков увеличились.

Следует отметить, что такое положительное восприятие межэтнических браков сохраняется в современный период, и об этом явлении есть достаточное количество одобрительных статей в интернет изданиях на русском языке.¹ Кроме того, в нашем казахстан-

1. Кадир Айгюзель «Любовь не имеет национальности: Байтурсынов, Букейханов, Сатпаев, Токаев и их жены» // Sputnik Казахстан, - 16.06.2021. [Электрон.ресурс]. – 2021. - URL: <https://ru.sputnik.kz/20210616/lyubov-ne-imeet-natsionalnosti-17356868.html> (дата обращения: 24.02.22)

Курманова Данара «Куличи и бешбармак на одном столе – как живут межнациональные семьи в России и Казахстане» // «Sputnik Казахстан», - 08.07.2020. [Электрон.ресурс]. – 2020. - URL: <https://ru.sputnik.kz/20200708/den-semii-russia-kazakhstan--14423767.html> (дата обращения: 24.02.22)

Галышкин Василий «Соседи нас благодарили: как живет интернациональная семья с 10 детьми из Павлодара» // «Sputnik Казахстан», - 14.08.2021. [Электрон.ресурс]. – 2021. - URL: <https://ru.sputnik.kz/20210814/Internatsionalnaya-semya-17843901.html> (дата обращения:

ском обществе в целом, сохраняется установка на толерантное или нейтральное восприятие межэтнических браков. Еще одним значительным фактором является преемственность в отношении межэтнических браков в Казахстане за счет того, что в большинстве случаев в последующий смешанный брак вступают дети и внуки, выросшие в таких семьях, что подтверждается материалами фокус-групп.

2 подгруппа – «Кто нейтрально относится».

- «Люди старой закалки конечно считают, что семья должна быть однонациональной и осуждают межэтнические браки, но я так не считаю нация никогда ни на что не влияет. Влияет то какой человек сам по себе, люди бывают плохие, хорошие.

- Национальность не имеет никакого значения, все люди равны.

- Межэтнические браки норма, если нет пренебрежения к другой национальности».

(сегодня это очень актуально, в свете последних политических событий, когда на постсоветском пространстве происходят различные конфликты. Очень важно, чтобы люди, и в особенности молодое поколение, относились ко всем этносам как равным, без всякого превосходства или пренебрежения. Именно тогда в нашей стране мы сможем сохранить внутривнутриполитическую стабильность и межнациональное согласие. - Комментарий С.К. Уалиева).

Так же респонденты отмечают, главное, чтобы уважали и любили друг друга.

- «Межнациональные браки — это норма, какая разница кто какого цвета, главное, чтобы любили.

- Нейтрально, ничего против не имею. Если это хороший человек и есть взаимопонимание, то я бы вышла за него замуж.

- Я думаю если человек по душе, то нация не имеет значения.

- Я не против таких браков главное любовь. Среди моих друзей есть примеры межэтнических браков».

(особое значение для восприятия таких браков имеет пример среди знакомых и друзей, и тогда кругозор шире у таких молодых людей, и отношение в общем к разным этносам и их взаимодействию более доброжелательное и толерантное. - Комментарий С.К.

Уалиева).

- «Я также не против, и думаю, что нужно учить культуре и языку обоих родителей, и ребенок сам выберет в будущем в какую школу пойдет, на каком языке будет разговаривать.

- Я лично не против таких браков, но мои родители придерживаются других взглядов. Мне кажется это не правильно, ведь сердцу не прикажешь».

Взрослое поколение, родители респондентов, безусловно, с высоты своего опыта, не всегда одобряют такие браки. Моя однокурсница, русская, у которой дочь вышла замуж за парня из казахско - корейской смешанной семьи, рассказывала мне, как она плакала и как сильно переживала. Однако, согласие родители дали, поскольку молодые люди встретились и полюбили друг друга, у них общие интересы, совместная работа, и они живут благополучно уже несколько лет вместе.

3 подгруппа – «Кто в целом не против, но для себя предпочитает все-таки свою национальность».

- «Я считаю, что межэтнические и браки между людьми, с разными религиозными взглядами это норма. Такие примеры я встречала в своей жизни. Лично я не вышла бы замуж за представителя другого этноса или религии, но не была бы против такого брака для своих детей.» (то есть, еще определенная осторожность лично для себя, и только для своих детей в перспективе, она рассматривает такую возможность. Сама еще не готова к вступлению в такой брак. – Комментарий С.К. Уалиева).

«- Межнациональные браки нормально, каждая национальность хороша. Если мне предстоит выбор, постараюсь выбрать нашу национальность.

- Для меня национальность важна и для моей семьи, но не против межэтнических браков.

- Если это не касается меня, то межнациональные браки — это норма.

- Как таковой нет разницы, но я все равно предпочел бы казашку, это внутреннее предпочтение.

- Я лично не против межнациональных браков, но сама хочу выйти замуж за казаха. Но я категорически против межконфесси-

ональных браков.» (вопросы религии оказываются значимыми для респондентов, то есть, если это брак между мусульманами – хоть и разных этносов, как казахи и татары, например, тогда одобряется. Или допустим христиане: русские, украинцы, белорусы, тогда тоже респондент считает, что позволительно. – Комментарий С.К. Уалиева).

Так же были ответы, что предпочитают иметь родственников среди казахов. Кроме того, респонденты отвечали, что лично не против межнациональных браков, но сами хотели бы выйти замуж за казаха.

- «Я не против таких браков, но думаю, что такой брак может, повлияет на ребенка после. Он может, подвергнется дискриминации от общества. Я лично не вышла бы замуж за мужчину другой нации. Не бывает плохой нации, бывает плохой человек.»

В целом, в 3 подгруппе большинство респондентов отмечают, что национальность не имеет значения, однако многие в предпочтениях для себя выбирают свою же национальность - казахов. Влияет, безусловно, семья, окружение, традиционные установки. Некоторые рассматривают для себя межнациональный брак на перспективу.

Особо следует отметить последнее мнение, касающееся будущего ребенка. Беспокойство о том, что возможно ребенок подвергнется дискриминации от общества, показывает, что скорее всего респондент лично сталкивалась с разным отношением к детям из смешанного брака. В действительности, наше общество очень многообразно, и повышенный интерес к таким детям присутствует всегда. В особенности, когда внешние данные и имя, фамилия и отчество не совпадают, или не стыкуются в представлении людей. Нередко в нашем вузе в казахских группах обучаются студенты из межэтнических браков, например, с неказахской фамилией: Руслан Граменский и Руслан Воронин¹. Эти ребята в интервью отмечали, что обучаясь в группе на казахском языке, они видели особое внимание к ним при знакомстве со стороны преподавателей и сокурс-

1. Уалиева С.К. Новые особенности в формировании этнической идентичности детей из межэтнических браков в Восточном Казахстане // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің ХАБАРШЫСЫ, «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сериясы, №3(66), 2020 ж., С. 11-15.

ников.

В исследовании «Ценности казахстанского общества в социологическом измерении», опубликованном в 2019 году, говорится о том, что в нашем полиэтничном казахстанском обществе отношение к межэтническим бракам всегда было толерантным. Различные факторы благоприятствуют увеличению числа межэтнических и международных браков, в их числе и проживание совместно на территории Казахстана более 130 этносов, учебная миграция, трудовая миграция. В ходе обозначенного исследования, был задан вопрос об отношении к межэтническим бракам. Итоги исследования показали, что к межэтническим бракам «доброжелательно» относится 43,9% респондентов, нейтрально – 24,9%, недоброжелательно – 28,4%. Интересно, что более доброжелательно относятся женщины к межэтническим бракам, чем мужчины (45,4% среди женщин и 42,1% среди мужчин)¹. Такая же гендерная особенность поведения отмечается и по материалам исследований в Восточном Казахстане, показатели среди девушки более толерантного отношения выше, чем у парней.

Важным является и семейный статус респондентов, для понимания отношения к межэтническим бракам. «Респонденты, состоящие в браке, чаще не приветствуют и не одобряют подобные союзы – 31,8%, среди холостых респондентов таковых 21,4%. Вероятно, это связано с тем, что респонденты, имеющие опыт семейной жизни, реалистичнее оценивают трудности брака, в том числе и межэтнического»².

Еще одним решающим фактором является возраст респондентов, как отмечается там же в материалах исследования: «Положительное отношение к межэтническим бракам чаще прослеживается в ответах молодежи: 47,8% респондентов от 18 до 29 лет поддерживают их, от 30 до 40 лет – 44,5%. В меньшей степени поддерживают полиэтничный брак респонденты от 41 до 50 лет (40,1%), в возрастных категориях от 51 до 60 лет и от 61 года и старше только 42% отметили свое доброжелательное отношение к таким бракам».

1. «Ценности казахстанского общества в социологическом измерении». Алматы: Издательство «ТОО «DELUXE Printery», 2019. - С. 56.

2. «Ценности казахстанского общества в социологическом измерении». Алматы: Издательство «ТОО «DELUXE Printery», 2019. – С. 57.

Показатели ответов городских и сельских жителей также были рассмотрены в ходе исследования: «Среди сельских жителей (46,5%) больше сторонников межэтнических браков, чем среди городских (42%). Доброжелательно к межэтническим бракам относятся 62,2% респондентов-русских, 51,0% респондентов - представителей различных этносов и 36,1% респондентов-казахов». Данная тенденция различного отношения этносов соответствует и материалам статистики, по которой показатели межэтнических браков среди русских значительно выше, чем у казахов.

Очень важным моментом является тот факт, что межэтнические семьи играют интегративную роль, в особенности в нашем полиэтничном казахстанском обществе. «Этнически смешанная семья, сплетенная из различных культур, традиций, обычаев, вбирает в себя и ценностные установки, становясь, с одной стороны, их хранителем и передатчиком, с другой стороны – неся в себе интегративную и адаптивную роль. За счет этого функция семьи в формировании жизненной стратегии каждого ее члена в полиэтничной семье в некоторой степени увеличивается и расширяется».

Следует подчеркнуть, что полиэтничность казахстанского общества помогает в коммуникации во внешнем поликонфессиональном многонациональном мире. Для наших молодых казахстанцев адаптация за рубежом проходит легче и мягче, так как у них имеется опыт межэтнического взаимодействия внутри страны.

4 подгруппа – «Кто против».

- «Я лично против чтобы казахи женились/выходили замуж за представителей другой национальности. Для мужчин возможно, только если будущая жена мусульманка.» (то есть привилегия у мужчин, им разрешается. Здесь следует подчеркнуть гендерное неравенство, которое исторически сложилось. Считалось, что если мужчина казах женится на женщине другой национальности, тогда он приводит ее в свой род, и женщина принимала мусульманство. Примеры таких браков очень были распространены среди казахской интеллигенции, об этом рассказывается в следующей статье «Любовь не имеет национальности: Байтурсынов, Букейханов, Сатпаев, Токаев и их жены»¹ – комментарий С.К. Уалиева).

1. Кадир Айгюзель «Любовь не имеет национальности: Байтурсынов, Букейханов, Сатпаев,

«- Я против, во-первых, портиться кровь и прерывается генеалогическое древо.

- Желательно выходить замуж за представителей своей национальности.

- Я считаю, что правильнее будет если казахи будут жениться на казашках. Я против.

- Я против, ведь ребенок в будущем не может освоить казахский язык. В наше время очень много молодежи казахской национальности, предпочитающей разговаривать на русском языке я думаю это не правильно. Нужно помнить свой родной язык».

В 4 подгруппе высказывания тех, кто настроен решительно против межэтнических браков, не только для себя лично, но и в целом в обществе не приветствуют. Здесь присутствуют мотивы, связанные с генеалогическим древом, также со сложностями освоения казахского языка ребенком из смешанной семьи. Также высказано мнение в отношении использования родного языка молодыми людьми, о необходимости помнить свой родной язык. Взгляды этой группы отражают рост национального самосознания молодежи.

В материалах исследования «Ценности казахстанского общества в социологическом измерении» отмечается, что «почти треть респондентов отметили свое негативное отношение к этому явлению. Чаще всего противники межэтнических и межнациональных браков считают, что они способствуют потере генофонда казахского народа»¹.

В целом, очень интересные и разнообразные установки городской казахской молодежи. Спектр ответов абсолютно разнообразен: от полного принятия и поддержки, и вплоть до отрицания. Безусловно, влияет, как думают по этому вопросу родители, воспитание и социализация в целом. Разность восприятия межэтнических браков закономерна. В большинстве своем респонденты относятся нормально и положительно к таким бракам, что отражает толерантное отношение в обществе в целом, и традиционно позитивное от-

Токаев и их жены» // Sputnik Казахстан, - 16.06.2021. [Электронный ресурс]. – 2021. - URL: <https://ru.sputnik.kz/20210616/lyubov-ne-imeet-natsionalnosti-17356868.html> (дата обращения: 24.02.22)

1. «Ценности казахстанского общества в социологическом измерении». Алматы: Издательство «ТОО «DELUXE Printery», 2019. - С. 57.

ношение с советских времен.

В ментальности современной городской казахской молодежи имеются традиционные установки осторожного отношения к межэтническим бракам, когда, в общем, относятся к таким бракам нормально, однако лично для себя не приемлют. Для молодых людей, сформировавшихся в городской мультикультурной среде свойственна, большая открытость в принятии нового. Материалы исследований подтверждают, что родившиеся и выросшие в городе, более толерантно и позитивно относятся к межэтническим бракам в целом.

Этнодемографические особенности более высоких показателей смешанных браков демонстрируют зависимость от удельного веса этноса в составе населения РК, от культурных традиций и установок в отношении межэтнических браков. Проведенный анализ статистических данных показывает, что удельный вес межэтнических браков значительно отличается у разных этносов Казахстана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги монографии «Потенциал и проблемы социализации казахстанской молодежи (опыт анализа социально-демографических установок)» необходимо отметить, что для любого общества многочисленное молодое поколение – это большое благо, так как создает основу для возможностей дальнейшего развития. В то же время, такая ситуация чревата значительными рисками, так как требует определенных условий и значительных ресурсов для социализации молодежи. В первую очередь необходима развитая институциональная система здравоохранения и образования, без которых человеческий потенциал не может быть эффективно трансформирован в социальный капитал. Заблаговременно должны быть решены вопросы одновременного расширения и диверсификации экономической сферы, в которой молодежь сможет самореализоваться. Но, не менее важно, в каком состоянии будут находиться семейные институты, ибо именно семья была и остается главным социализирующим механизмом общества. Государство не может заменить семью, но может и должно разработать, и реализовывать стратегию ее поддержки. Результатом таких совместных усилий становится конкурентоспособное население, которое, обладая соответствующим мировоззрением, набором ценностей и социальных практик не только продвинет страну по пути дальнейшего развития, но и будет способно само создать и социализировать уже следующее поколение казахстанцев.

Предлагаемый читателю корпус аналитических материалов позволяет делать некоторые выводы о том, каковы общественные, экономические, культурные и репродуктивные установки современной казахстанской молодежи. В результатах нескольких социологических исследований можно увидеть, насколько были решены задачи социализации «поколения независимости» и насколько это поколение готово социализировать своих детей, установить восприятие городской молодежью межэтнических браков.

Несмотря на ряд проблем (риски миграционного оттока, высокие показатели молодежной безработицы, дефицит жилья для молодых семей и др.) современный Казахстан сохраняет большой

потенциал для социального развития. Однако, на взгляд авторов, готовность современной молодежи к роли родителей следующего поколения недостаточно развита, установки на социализацию детей зачастую носят несформированный и неосознаваемый характер, уровень социальной ответственности ниже желаемого. В сознании молодежи критическое мышление вступает в противоречие с элементами иррациональности, огромные объемы информации разного, зачастую невысокого, качества и недостаточно развитые навыки обработки этой информации не позволяют молодым людям реалистично оценивать свои возможности как экономических субъектов. Но, основное противоречие, выявленное в ходе исследований, лежит в сфере репродуктивного сознания и поведения.

В современных казахстанских городах среди молодежи распространены разные типы репродуктивных установок: традиционные (многодетность), модернизированные (малодетность, среднететность). Наблюдается прирост из зон многодетности и малодетности в зону среднететности. Этот вектор характерен для всех регионов, но его начальные точки разные – на юге и западе за счет снижения установок на многодетность, на севере и востоке за счет снижения установок на малодетность.

Мотивами репродуктивных установок является безусловная ценность детей. Отношение к детям, их ценность и значимость – это безусловный приоритет представителей всех регионов. Но, в этой сфере наблюдается сложное и противоречивое сочетание установок, характерных для традиционного мышления: ребенок - ценность как объект воспитания и социальная гарантия будущего родителей; и установок, более соответствующих модернизированным воззрениям на место и роль детей в семье и обществе: ребенок - ценность как субъект взаимоотношений и относительно автономная личность с собственными взглядами, мнениями и позициями, с которыми необходимо считаться.

Безусловно необходимым видится продолжение исследований, направленных на анализ общественного сознания многочисленного молодого поколения, вступающего или уже вступившего в период активной самореализации. Качество таких исследований может в значительной степени определить, насколько успешно в

перспективе будет реализован человеческий потенциал Казахстана и насколько эффективно будет осуществляться социализация следующих поколений казахстанцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашин С. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: сб.ст. - Санкт-Петербург, 2016. - С. 159–176.
2. Абай (Ибрагим Кунанбаев). Слова назидания. Пер. с каз. С.Санбаева. – Алматы: Жалын, 1982. – 232 с.
3. Абдикерова Г. Новые модели социализации личности в условиях глобализации // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. - Астана 2005. – С. 3–7.
4. Абдикерова Г. Абдикерова Г. Новая технологическая культура и социализация личности // Психология. Социология. Дефектология. – 2005. – № 4 (3). – С. 40–43.
5. Абдикерова Г. Социализация современной личности. [Текст] /Абдикерова Г. О.; Казахский национальный университет имени Аль-Фараби. – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – 281 с.
6. Абдикерова Г. О., Дуйсенова С.М. Интеграция системы высшего образования и работодателей как важнейшее условие профессиональной мобильности выпускников вузов «Қазақ университеті», 2017. – 96 с.
7. Абдикерова Г. О. Профессиональный потенциал выпускников вузов и молодых специалистов Казахстана: модели трудоустройства. Алматы, 2018. – 132 с.
8. Abdikerova G.O., Omarova A.T., Sadyrova M.S. Graduate training for professional advancement: the experience of the national vocational training system //3rd International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. Conference proceedings. Book 1. Volume III. - SGEM2016.Albena, Bulgaria. 2016.
9. Абдикерова Г. Новая технологическая культура и социализация личности // Психология. Социология. Дефектология. – 2005. – № 4 (3). – С. 40–43.
10. Абдикерова Г.О., Байтуов Б.К. Молодежь в социальной структуре казахстанского общества: социальное положение и проблемы. //Вестник КАЗНУ. Серия психологии и социологии. 2017. Том 3 № 62//URL: <http://bulletin-psySOC.kaznu.kz/index.php/1-psy/>

article/view/558(дата обращения: 05.08.2022).

11. Абдирайымова Г. Ценностные ориентации современной молодежи. Социологический анализ: Монография. Алматы: изд-во «БАЭР», 2005. – 328 с.

12. Абдирайымова Г. Система ценностных ориентаций молодежи в современном казахстанском обществе: социологический анализ: автореф. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2006. – 40 с.

13. Абдирайымова Г. Глобальная трансформация общества и структура жизненных ценностей казахстанской молодежи // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 7–12.

14. Абдирайымова Г.С. Социальное самочувствие молодежи: поиск проблемных зон. //Вестник КАЗНУ. Серия психологии и социологии. 2015. - Том 54. - № 3. - С. 92-98 //URL: <http://bulletin-psysoc.kaznu.kz/index.php/1-psy/article/view/161> (дата обращения: 19.08.2022)

15. Абдирайымова Г.С., Серикжанова С.С. Профессиональный выбор и предпочтения на рынке труда выпускников вузов Казахстана // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2013.- № 2 (45). - С.69-76.

16. Абенев Е.М. и др. Казахстан: эволюция государства и общества / Абенев Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н. – Алматы: Ин-т развития Казахстана, 1996. – 390 с.

17. Адуренкова М.В. Проблемы социализации личности// Социальные исследования. Вып. 3. – М., 1970. – С.27-30.

18. Аженев М. Социальная стратификация и средний класс// Мысль. – 1995. – № 9. – С.22-26.

19. Аженев М.С., Бейсембаев Д.Э. Социальная стратификация в Республике Казахстан. – Алматы: Білім, 1997. – 112 с.

20. Алимбекова Г.Т., Абдирайымова Г.С. Ценностный портрет казахстанской молодежи: выбор, стратегии и предпочтения (некоторые итоги трех лет исследований) // Материалы Астанинского социологического форума, посвященного Дню Первого Президента Республики Казахстан. Межд. науч.- прак. конф. / Отв. ред. З.К.

Шаукенова. - Астана, 2015. - 622 с. С. 110–120.

21. Алтынсарин И. Избранное педагогическое наследие И. Алтынсарина / НИИ пед. наук им. И. Алтынсарина; [Сост. С. Калиев и др.]. Алма-Ата: Рауан, 1991. – 196 с.

22. Аралбаева Р. Методологические особенности развития образования на рубеже веков // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 42–46.

23. Ахмедина Р.З., Тесленко А.Н. Молодежная политика в условиях модернизации экономики // Проблемы управления в социальном государстве: ресурсы и реальная политика / Под общ. ред. А.С. Серикбаева – Астана: Академия государственной службы при Президенте Республики Казахстан, 2002. – С. 411–416.

24. Аяганов Т. Государство Казахстан: эволюция общественных систем. – Алматы: Жазушы, 1993. – 148 с.

25. Аязбекова Р. Психологические аспекты совместной деятельности основных субъектов образовательного процесса // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 50–55.

26. Базарбаева Г. Предпосылки политологического изучения феномена социального государства// Саясат-Policy. – 2007. – №5. – С.10-11.

27. Бектурганова Б., Панкратова Е. Общациональные ориентиры модернизации Казахстана// Мысль. – 1995. – № 11. – С.28-32.

28. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Даниел Белл; Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. Грядущее постиндустриальное общество: – М.: Academia, 2004. – 783 с.

29. Бергер П. Личностно-ориентированная социология / [Петер Л. Бергер, Бриджит Бергер, Рэнжалл Коллинз; пер. с англ. В.Ф. Анурина]. – М.: Акад. Проект, 2004. – 605 с.

30. Бестужев-Лада И.В. Молодость и зрелость: размышление о некоторых социальных проблемах молодежи / И. В. Бестужев-Лада Молодость и зрелость. – М.: Политиздат, 1984. – 207 с.

31. Бетуракин В. Адаптация иностранного опыта в услови-

ях глобализации высшего образования //Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 70–74.

32. Валиев Х. Созидая интеллектуальный потенциал //Казахстанская правда. 11 апреля 2009.

33. Валитова З. Влияние глобализации на трансформацию семейных ценностей // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. – Астана, 2005. – С. 93–96.

34. Валитова З.Х., Есимова А.Б. Теоретические вопросы изучения перехода молодежи от обучения к рынку труда //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2015. - № 1 (29). - С. 154–161.

35. Валитова, З.Х., Есимова А.Б. Молодежь и рынок труда: переход от учебы к работе. / Материалы Астанинского социологического форума, посвященного Дню Первого Президента Республики Казахстан. Межд. науч.-прак. конф. // Отв. ред. З. К. Шаукенова. - Астана. 2014. - 476 с.

36. Валитова З.Х., Есимова А.Б. Проблемы релевантности образовательных стратегии молодежи современному рынку труда // «Стратегия Казахстан - 2050»: социальное развитие общества: матер. V Конгресса социологов Казахстана. - Алматы. 2014. С.167-172.

37. Валиханов Ч. Избранные произведения / Чокан Валиханов; [Редкол.: А. Х. Маргулан (отв. ред.) и др.; Предисл. А. Х. Маргулана]. – М.: Наука, 1986. – 413 с.

38. Васильев А. Ценностные установки молодежи // Человек и труд. –1994. – №6. – С.15-17.

39. Васильева Н.А., Кофтанюк А.Ю., Обрацова О.Ю. Конкурентоспособная молодежь – конкурентоспособный Казахстан. Информационно-методическое пособие. – Усть-Каменогорск, 2008г. – 81 с.

40. Вебер М. Избранное. Образ общества: Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

41. Волгин Н., Гриценко Н., Шарков Ф. Социальное государство. Учебник. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и

К», 2003. – 416 с.

42. Волков Ю. Социальное государство – базисная основа соц-партнерства (идейно-теоретические корни и основы демократического социального государства) // Труд и социальные отношения. – 2000. – № 2. – С.38-43.

43. Габдуллина К. Г. Социология: учебник для студентов вузов / Габдуллина К. Г., Раисов Е. Р. – Алматы, 2005. – 202 с.

44. Габдуллина К.Г. Социология и социальная жизнь. – Алматы, 1996. – 203 с.

45. Габдуллина К., Раисов Е. Гражданское общество как тип социальной реальности // Саясат-Policy. – 2008. – № 5. – С. 84–88.

46. Гиддингс Ф. Основания социологии: Анализ явлений ассоциации и социальной организации / [Соч.] Франклина Генри Гиддингса, проф. социологии в Колумб. ун-те г. Нью-Йорка; Пер. с англ. Н.Н. Спиридонова. – Москва: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1898. – 418 с.

47. Гоббс Т. Избранные сочинения [Текст] / Т. Гоббс. – М.-Л., 1926.– 326 с.

48. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине: (elementa philosophica de cive) / Томас Гоббс; пер. с лат. В. Погосского; с предисл. С. А. Котляревского. - М.: [Тип. и цинк. торг. дома Мысль], 1914. - XXIV, 269 с.

49. Гончаров П. Российская модель социального государства: постановка проблемы и вариант решения // Социология власти. – 1999. – № 4. – С.14-16.

50. Гончаров П. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 2. – С.23-28.

51. Григорьев С.И. Социальная работа с молодежью: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социальная работа» / С. И. Григорьев, Л. Г. Гусякова, С. А. Гусова. –Москва: Гардарики, 2008. – 204 с.

52. Гриценко Н.Н. Социальное государство: Проблемы, тенденции, перспективы // Материалы Междунар. науч.-практ. конференция, организ. совместно Акад. труда и социал. отношений (Россия) и Фондом им. Розы Люксембург (ФРГ), 13 февр. 2004 г. / [Под общ.

ред. Н. Н. Гриценко]. М.: АТиСО, 2004. – 285 с.

53. Гриценко Н.Н. Основы социального государства: Учеб. для вузов / Н.Н. Гриценко, Ф.И. Шарков; Акад. труда и соц. отношений. – М.: Соц. отношения, 2004. – 239 с.

54. Гриценко Ж.М., Ротман Д.Г., Соглаева Л.А. Студенческое самоуправление: состояние проблемы, перспективы. – Минск: Университетское, 1988. – 60 с.

55. Гуревич Л. Высшая школа Казахстана после десятилетия реформ: взгляд изнутри. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bisam.kz/ru/reports-and-publications/publication/item/74> (дата обращения 10.08.2022).

56. Гуревич Л. Проблемы общественного восприятия и социальной поддержки реформ образования и науки в Республике Казахстан // Саясат- Policy. – 2008. – №5. – С.100-103.

57. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество: Пер. с англ. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – 602 с.

58. Джамалиева Г.Ж. Социальные ожидания молодежи Казахстана: социологический аспект: автореф. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Алматы: ВКГТУ, 2008. – 24 с.

59. Джаманбалаева Ш.Е. Общество и подросток: социологический аспект девиантного поведения. – Алматы: Казахский университет, 2002. – 314 с.

60. Джунусова Ж.Х. Республика Казахстан: Президент. Институты демократии [Текст]: Монография. – Алматы: Жетіжарғы, 1996. – 208 с.

61. Дюркгейм Э. Социология образования. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 115 с.

62. Есимова А. Б., Валитова З. Х. Представления студенческой молодежи Казахстана о регионах страны (опыт использования ментальных карт) // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 36–42.

63. Забирова А.Т. Инновационный потенциал социологии // Саясат- Policy. – 2008. – №5. – С.21-24.

64. Зайниева Л.Ю. Государственная молодежная политика: Казахстан в контексте мирового опыта. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 296 с.

65. Зайниева Л.Ю., Калетаев Д.А., Шойкин Г.Н. Молодежь Казахстана в условиях демократизации общественных и экономических отношений. – Астана: Елорда, 2004. – 272 с.
66. Иконникова С.Н. Молодежь и культура / С.Н. Иконникова. Молодежь и культура. – М.: Знание, 1989. – 61 с.
67. Иконникова С.Н. На пороге гражданской зрелости. Об активной жизненной позиции современного молодого человека / С. Н. Иконникова, В. Т. Лисовский. На пороге гражданской зрелости. – Л.: Лениздат, 1982. – 175 с.
68. Истон Д., Денис Дж. Дети в политической системе: основа политической законности // ВМУ. – Сер. 18. – 2001. – №3. – С. 23–38.
69. Ищенко Т.В. Место студенчества в социальной структуре общества. – Томск, 1975. – 352 с.
70. Кадыржанов Р. Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы.- Алматы: Институт философии и политологии МН и ВО РК, 1999. – 167 с.
71. Казахстанцы не возвращают кредиты – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.banker.kz/news/kazakhstanstanyne-vozvrashchayut-kredityprosrachka/?sphrase_id=319343 (дата обращения 28.12.2020).
72. Какимжанова М. Социализация и социальная адаптация: общее и особенное // Саясат. – 2006. – № 12. – С. 40–44.
73. Калдыбаева Т.Ж. Политические и научно-практические предпосылки создания инновационных вузов в Республике Казахстан // Материалы III Межд. научн.-практ. конф. «Роль вузов в формировании инновационной экономики республики Казахстан, 25-27 июня 2009 г. – Усть-Каменогорск: ВКГТУ, 2009. – С. 24–28.
74. Калдыбаева Т.Ж. Проблемы модернизации образования в Казахстане // Психология. Социология. Дефектология. – 2005. – № 4(3). – С. 4–8.
75. Калетаев Д.А. Молодежная политика как направление деятельности социального государства // Проблемы управления в социальном государстве: ресурсы и реальная политика / Под общ. ред. А.С. Серикбаева – Астана: Академия государственной службы при Президенте Республики Казахстан, 2002. – С. 407–411.

76. Камарова Р. Гражданское общество в контексте модернизации и глобализации // Саясат. – 2006. – № 5. – С.56-58.

77. Кант И. Метафизика нравов / Иммануил Кант; [пер. с нем., примеч. С.Я. Шейнман-Топштейн и Ц.Г. Арзаканьяна]. – Москва: Мир кн.: Литература, 2007. – 399 с.

78. Капаров С.К. Совершенствование государственной службы в Казахстане. – Екатеринбург: Из-во ООО «Контекст-АП», 2005. – 302 с.

79. Карелина И.А. Социализация студенческой молодежи: состояние и перспективы (теоретико-методологический анализ): автореф. ... канд. социол. наук: 22.00.01. – М.: СГУ, 2005. – 22 с.

80. Касенова А. Красноречивая арифметика образования // Казахстанская правда, 8 февраля 2008.

81. Кендирбекова Ж. Современные проблемы этносоциализации молодежи и возможные пути их решения // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. Астана, 2005. – С. 166–171.

82. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи – М., «Социум», 1999. – 325 с.

83. Коган Л. Цель и смысл жизни человека [Текст] / Л.Н. Коган. – М., 1984. – 284 с.

84. Кон И.С. Ребенок и общество: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по психол. и пед. специальностям. – М.:Academia, 2003. – 334 с.

85. Коновалов С., Шаукенова З. «Стратегия 2030» и казахстанская социологическая наука (По материалам «круглого стола» – Казахстанская наука – социология) // Евразийское сообщество. – 2007. - №4(60). – С. 67–71.

86. Котов А. Суверенный Казахстан: гражданин, нация, народ: (вопросы конституционного права). – Алматы: Жеті жарғы, 1997. – 288 с.

87. Кривов Ю.И., Воробьев В.П. Императивы современной теории социализации. – Пенза: Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2003. – 138 с.

88. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок // Кули Чарльз Хортон; Пер. с англ. яз. Смирновой Н.М. и Зотова

О.А. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 327 с.

89. Кульжанова Г.Т. Молодежь как субъект социальных преобразований // Проблемы управления в социальном государстве: ресурсы и реальная политика / Под общ. ред. А.С. Серикбаева – Астана: Академия государственной службы при Президенте Республики Казахстан, 2002. – С. 421–426.

90. Кусаинова К. Школьное самоуправление как показатель демократизации учебно-воспитательного процесса // Саясат. – 2006. – № 3. – С. 15-18.

91. Леонов И. Социальное государство как предмет теоретико-правового исследования: автореф. ... канд. юридич. Наук: 12.00.01. – М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений, 2006. – 28 с.

92. Лисовский В.Т. Молодежь: Любовь, брак, семья: Социол. исслед. / В. Т. Лисовский; Отв. ред. А. А. Козлов. – СПб.: Наука, 2003. – 365 с.

93. Лукман Т. // Социальное конструирование реальности. Трактат по социол. знания: [Перевод] / Питер Бергер, Томас Лукман. Социальное конструирование реальности. М.: Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с.

94. Мангейм К. Избранное: Социология культуры. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 501 с.

95. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений - состязательность - экон. амбиции / Карл Мангейм; [Пер. с англ. Е. Я. Додина]; Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. Очерки социологии знания. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – 162 с.

96. Мансуров В.А. Молодежь как объект исследования социологов // Социологические исследования. – 1983. – №1. – С. 36–42.

97. Масионис Дж. Социология. – 9-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 752 с.

98. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон; [пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.]. – Москва: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с.

99. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения: Пер. с англ. – М.: Наука, 1988. – 213 с.

100. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Амери-

канская социологическая мысль / [Тексты: Перевод / Сост. Е. И. Кравченко]; Под общ. ред. В. И. Добренькова. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. – 556 с.

101. Назарбаев Н. К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации // Казахстанская правда, 20 марта 2004 г.

102. Нуртазина М.Б. Социально-культурная адаптация молодежи к изменяющемуся обществу // Проблемы управления в социальном государстве: ресурсы и реальная политика / Под общ. ред. А.С. Серикбаева – Астана: Академия государственной службы при Президенте Республики Казахстан, 2002. – С. 416–421.

103. Парсонс Т. О социальных системах // Толкотт Парсонс; Под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – М.: Акад. Проект, 2002. – 830 с.

104. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та. 1993. – 431 с.

105. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.

106. Рубин Б., Колесников Ю. Студент глазами социолога. – М., 1980. – 87 с.

107. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании: пер. с фр. // Избранные произведения: в 3т. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1961. – 491 с.

108. Салыкжанов Р., Салыкжанова З. Социокультурная адаптация молодежи в условиях глобализации // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. Астана, 2005. – С. 229–233.

109. Салыкжанов Р.С., Джамангулов К.Э., и др. Социокультурная адаптация городской молодежи - Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2013. - 176 с.

110. Сатыбалдина А. Социокультурный статус детей, имеющих ограниченные возможности // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть 1. Астана, 2005. – С. 236 -241.

111. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Питирим Соро-

кин; [пер. с англ. М. В. Соколовой]. Москва: Academia: LVS, 2005. – 588 с.

112. Социальная активность молодежи Казахстана в современных социально-политических реалиях. Коллективная монография / Под общ. ред. З.К. Шаукуеновой. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2014. – 168 с.

113. Социологический словарь. – М., 2008. – 608 с.

114. Староверова И.Н. Молодежная результирующая российских реформ // Аналитический вестник №15 (103) / Молодежь в условиях социально-экономической трансформации российского общества. – М., 1999. – 48 с.

115. Султанов К.С. Социальная политика Республики Казахстан // Проблемы управления в социальном государстве: ресурсы и реальная политика / Под общ. ред. А.С. Серикбаева – Астана: Академия государственной службы при Президенте Республики Казахстан, 2002. – С. 9–12.

116. Тард Г. Социальная логика. [Перевод]. – СПб.: Соц.-психол. центр, 1996. – 427 с.

117. Тесленко А.Н. Культурная социализация молодежи: казахстанская модель: монография / А. Н. Тесленко. – Саратов: Саратовский гос. технический ун-т. – Астана: ЦНТИ, 2007. – 370 с.

118. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ.; под ред. В.И. Уколовой, Д.Э. Харитоновича. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 588 с.

119. Томас У., Знанецки Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты. – М., 1996.- 346 с.

120. Торлопов В. Социальное государство в России. Анализ социально-политических аспектов: автореф. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. – С.-П.: СПГПИ, 1999. – 46 с.

121. Тоффлер А. Футурошок. [Перевод]. – СПб., 1997. – 461 с.

122. Туркпенова С. Социальная адаптация как способ профессионального самоутверждения молодежи // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II конгресс социологов Казахстана. Сборник материалов. Часть I. Астана, 2005. – С. 274–277.

123. Уалиева С.К. «Новые особенности в формировании этнической идентичности детей из межэтнических браков в Восточном

Казахстане» // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің ХАБАРШЫСЫ, «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сериясы, №3(66), 2020 ж., С. 11-15.

124. Филиппов Ф.Р. Советское студенчество как общественная группа // Изменение социальной структуры социалистического общества. – М., 1976. – С. 137–139.

125. Фролов С.С. Социология. Учебник. Для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1994. – 256 с.

126. Фромм Э. Человек для самого себя; Революция надежды; Душа человека: [сборник: перевод с англ., нем.] / Эрих Фромм. Человек для самого себя. – Москва: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 763 с.

127. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: / Фрэнсис Фукуяма; [пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина]. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – 730 с.

128. Штомпка П. Социология: анализ современного общества / Петр Штомпка; пер. с англ. С. М. Червонной. – Москва: Логос, 2008. – 665 с.

129. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: учебное пособие / Э.Эриксон, общ. ред. и предисловие А.В. Толстых; пер. с англ. А.Д. Андреевой. М.: Флинта, 2006. – 341 с.

130. Ядов В.А. Социальная идентичность личности. – М., 1994. – 397 с.

Источники социологических данных о казахстанской молодежи

1. Аналитический доклад «Проблемы и потребности основных страт молодежи». - Нур-Султан, 2020. – 104 с.

131. Аналитический доклад «Социальные установки молодежи NEET в Казахстане». - Нур-Султан, 2020. – 140 с.

2. Аналитический доклад «Социальное самочувствие и актуальные проблемы сельской молодежи Казахстана». - Нур-Султан, 2019. - 178 с.

3. Аналитический доклад «Формирование дальнейших целевых индикаторов в молодежной политике». – Нур-Султан, 2020. -

11 с.

4. Аналитический доклад «О распространении деструктивных религиозных убеждений среди молодёжи».- Нур-Султан, 2019.- 207 с.

5. Аналитическая записка «Социально-демографическое положение молодежи в Республике Казахстан» // Подготовлено по заказу Агентства РК по статистике Центром Исследования «Сандж». – Алматы, 2011.- 40 с.

6. Adrienne Edgar and Benjamin Frommer “Introduction” in the book “Intermarriage from Central Europe to Central Asia: Mixed Families in the Age of Extremes”, edited and introduced by Adrienne Edgar and Benjamin Frommer (University of Nebraska Press, 2020 – 344 p., p. 1-20.

7. Демографический ежегодник Казахстана 2019. Министерство национальной экономики РК. Комитет по статистике. - Нур-Султан, 2020. - 277 с.

8. Демографический ежегодник Казахстана 2020. Министерство национальной экономики РК. Комитет по статистике. - Нур-Султан, 2021. - 265 с.

9. Доклад «Международный опыт по разработке и реализации стратегических документов в сфере молодежной политики» Доклад. /Сакошев А. К., Паули Э. С., Абуова Д. Ф., Мусабекова А. Б., Ибраев Е. Е. Ахантаева С. Ж., Нур-Султан, 2020. - 81 с.

10. Закон Республики Казахстан от 9 февраля 2015 года № 285-V «О государственной молодежной политике» (с изменениями по состоянию на 07.07.2020 г.).

11. Закон РК «О жилищных отношениях в Республике Казахстан» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. Информационный бюллетень. – 1997. – № 8.

12. Закон РК «Об образовании» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. Информационный бюллетень. – 2007. – № 20.

13. Қазақстандағы NEET жастарының элеуметтанулық портреті. - Нұр-Сұлтан: «Жастар» ҒЗО, 2019. – 188 б.

14. «Қазақстандық отбасылар - 2020» ұлттық баяндамасы / Д.Н.Есин, Ә.С.Кайдарова, Ж.С.Батталова, А.К.Ракишева, А.И.Досмухамбетова, Г.М.Мұхамбетқалиева, А.М.Әшімова,

А.Б.Иманқұл, З.Т.Алинова, Б.К.Ермекбаева, Ж.А.Маратов, Д.К.Арапов, Ж.К.Каримова, А.Н.Родионов, А.Ж.Баграмова, О.В.Николаева, А.Б.Турекулов – Нұр-Сұлтан қ.: 2020. – 390 с.

15. «Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан до 2020 года» «Казахстан-2020: путь в будущее», одобренная постановлением Правительства Республики Казахстан от 27 февраля 2013 года.

16. Концепция гуманитарного образования в Республике Казахстан. – Алматы, 7 июля 1994.

17. Концепция развития образования Республики Казахстан до 2015 года // Казахстанская правда. 26 декабря 2003.

18. Козлов В.А., Айгозина Г.К. Межнациональные браки в Казахстане: оценка предпочтений с помощью матрицы межэтнических расстояний – специально для Демоскопа // Демоскоп Weekly, № 733 – 734, 19 июня - 31 июля 2017. [Электрон.ресурс]. – 2017. - URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0733/analit03.php> (дата обращения: 24.02.22) World Values Surevey (WVS) // Исследование жизненных ценностей населения. - [Электронный ресурс] <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> – (дата обращения 31.08.2022).

19. Молодежь Казахстана – 2006: положение, тенденции, перспективы. Аналитический доклад. – Астана: ДМП МОН РК, 2006. – 52 с.

20. Молодежь Казахстана. Статистический сборник. 2016–2020 гг. – Нур-Султан, 2021. – 133 с.

21. Национальный доклад «Молодежь – 2021». – Нур-Султан, 2021. - 103 с.

22. Национальный доклад «Молодежь - 2018» / Калиев Т.Б, Кайдарова А.С., Каримова Ж.К., Ашімханова Д.А., Маульшариф М.М, Насимова Г.О., Негай Н.А., Сыдыкназаров М.Қ., Шаповал Ю.В., Мусатаева Ф.М., Окасова Г.Е., Касымбеков А.М. - Астана, 2018. - 410 с.

23. Национальный доклад «Молодежь Казахстана - 2013». /Ж.К. Буканова, Ж.К. Каримова, Г.Т. Ильясова, Б. Б. Масатова, К.М. Хамчиев, Е.В. Варкентин, Р.А. Кудайбергенов, Р.А. Абраева и др. – Астана: НИЦ «Молодежь», 2013 – 164 с.

24. Национальный доклад «Казахстанские семьи - 2019». Вы-

полнено по заказу МИОР ОФ «Институт равных прав и равных возможностей». Алматы: 2019. – 369 с.

25. Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://iac.kz/sites/default/files/nacionalnyu_doklad_za_2017_god_s_.pdf.(дата обращения: 10.08.2022).

26. О государственной молодежной политике в Республике Казахстан. Закон Республики Казахстан. 7 июля 2004 г. // Казахстанская правда. – 2004, 15 июля.

27. Основные индикаторы рынка труда молодежи (в возрасте 15–28 лет) по регионам РК за 2001-2018. [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersLabor;jsessionid=XHWL2z_4 (дата обращения: 10.08.2022).

28. Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)». Усть-Каменогорск, «Медиа-Альянс», 2020. – 120 с.

29. Saule K. Ualiyeva and Adrienne L. Edgar “In the Laboratory of People’s Friendship: Mixed People in Kazakhstan from the Soviet Era to the Present” (глава в книге) in the book «Global Mixed Race», Edited by Rebecca C. King-O’Riain, Stephen Small, Minelle Mahtani, and Paul Spikard. NYU Press, 335 pages, p. 68-90, 2014.

30. Ценности казахстанского общества в социологическом измерении». Алматы: Издательство «ТОО «DELUXE Printery», 2019.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ВКО – Восточно-Казахстанская область
2. ЗКО – Западно-Казахстанская область
3. КС МНЭ РК – Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан
4. МИОР – Министерство информации и общественного развития
5. Млн – миллион
6. МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан
7. ОАЭ – Объединенные Арабские Эмираты
8. РК – Республика Казахстан
9. СКО – Северо-Казахстанская область
10. СМИ – средства массовой информации
11. СССР – Союз Советских Социалистических республик
12. США – Соединенные Штаты Америки
13. NEET – (от англ. Not in Education, Employment or Training) неработающая и не обучающаяся молодежь
14. WVS – World Values Surevey (Исследование жизненных ценностей населения) - Международный исследовательский проект
15. SPSS – компьютерная программа для статистической обработки данных

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, руководитель Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research», Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, zhanna_aubakirova707@inbox.ru

Алексеенко Александр Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research», Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, alalexeenko56@gmail.com

Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, главный научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research», Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, eleonora193967@gmail.com

Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research», Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, krasn_nelli@mail.ru

Сарсембаева Гульжан Алибековна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, gulzhan1974@mail.ru

Уалиева Сауле Кабдымуликовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Восточно-Казахстанского технического университета имени Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, sayakuday@gmail.com

Өмірзақ Тамерлан Ержанұлы – магистр гуманитарных наук по специальности «История», преподаватель Восточно-Казахстанского технического университета имени Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, jugger_515@mail.ru

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н.,
Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л.,
Уалиева С.К., Әмірзақ Т.Е.

**ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛИЗАЦИИ
КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(ОПЫТ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСТАНОВОК)**

МОНОГРАФИЯ

Ответственный за выпуск: В.П. Алексеева
Дизайн обложки: А.А. Набокина
Верстка: А.А. Набокина

Подписано в печать 18.10.2023 г.

Формат 60*84/16

Усл.–печ. 60,2

Уч.–изд. л. 60,9

Тираж 100

Заказ 146

Цена договорная

Издательство «Медиа–Альянс» 070005,
г. Усть–Каменогорск, пр. Абая, 181/3
Отпечатано в типографии ТОО «Медиа–Альянс»